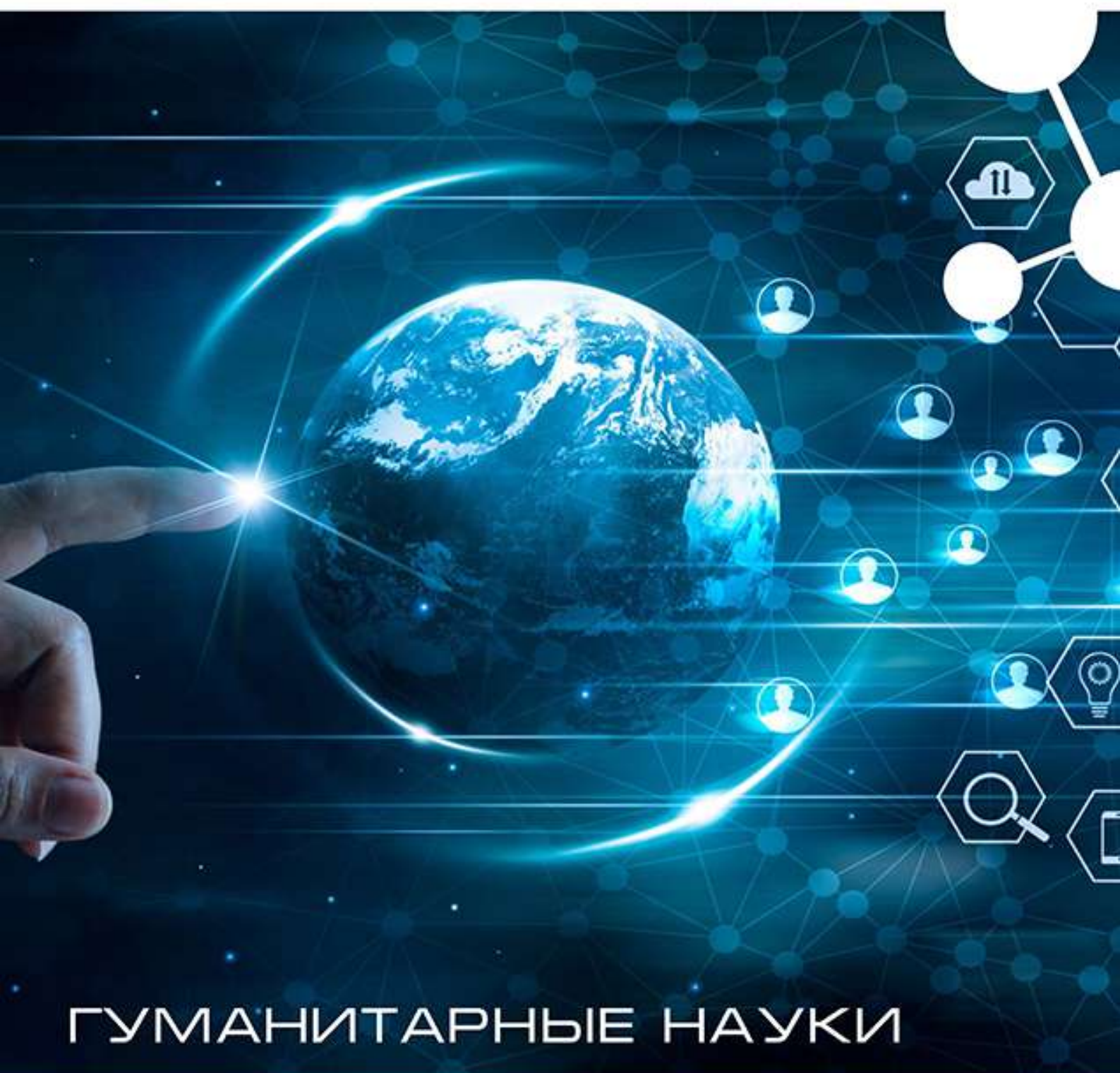

ВЕКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ: ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 52 № 3 (2024)

Содержание		Content
Н.А. Дегтярева, Т.Е. Григорьева Социально-структурный анализ воспитательной работы со студентами	1	N.A. Degtyareva, T.E. Grigorieva Socio-structural analysis of educational work with students
В.М. Ахмерова, М.Н. Максимова Внедрение инноваций и искусственного интеллекта в сферу государственного управления в Республике Татарстан	11	V.M. Akhmerova, M.N. Maksimova Introduction of innovations and artificial intelligence in the sphere of public administration in the Republic of Tatarstan
А.Г. Каримов, Л.А. Герасимова Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий: ключевые проблемы и механизмы управления	24	A.G. Karimov, L.A. Gerasimova Social capital as a factor in resocialization of combatants: key problems and management mechanisms
Н.А. Колодий, В.С. Иванова Доминанты локальной идентичности	34	N.A. Kolodiy, V.S. Ivanova Dominants of local identity
Е.В. Меньшикова, Т.Г. Трубченко, Н.И. Потехина, М.В. Верховская, А.Н. Древаль Влияние технологических вызовов шестой К-волны на изменение человеческого капитала	49	E.V. Menshikova, T.G. Trubchenko, N.V. Potekhina, M.V. Verkhovskaya, A.N. Dreval Impact of technological challenges of the sixth K-wave on changes of human capital
В.В. Орлова, А.В. Грязнова, Е.Р. Менгардт Потенциал креативного пространства в образовательной среде	62	V.V. Orlova, A.V. Gryaznova, E.R. Mengardt Potential of creative space in the educational environment
Е.Б. Дворядкина, Е.А. Белоусова, Е.И. Кайбичева Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения	77	E.B. Dvoryadkina, E.A. Belousova, C.I. Kaibicheva Economic well-being of municipalities and responsible development: measurement possibilities
А.В. Аникина Российские интернет-платформы как индикация уровня развития отечественного сельского/аграрного туризма	94	A.V. Anikina Russian Internet platforms as an indication of the level of development of domestic rural/agricultural tourism

Н.В. Гончаров

**О потенциале нецифрового
просьюмеризма: критический анализ
тоффлеровского прогноза о
просьюмерском обществе**

Е.В. Гиниятова, Е.Б. Лукиева

**Идентичность в визуализированном
обществе: особенности формирования**

В.А. Терлецкий

**Проблема социокультурной
идентичности в интернет-
пространстве на примере идеологии
космополитизма**

В.С. Николаенко

ИТ-продукт: уточнение понятия

Д.М. Арефьев, А.В. Жаворонок

**Кадровый дефицит, влияние низкого
уровня безработицы на
макрэкономические показатели**

105

N.V. Goncharov

**On the potential of non-digital
prosumerism: a critical analysis of
Toffler's prediction of a prosumer
society**

118

E.V. Giniyatova, E.B. Lukieva

**Identity in a visualized society:
features of formation**

128

V.A. Terletsky

**Problem of socio-cultural identity in
the Internet space on the example of
the ideology of cosmopolitanism**

136

V.S. Nikolaenko

IT-product: clarification of the concept

146

D.M. Arefev, A.V. Zhavoronok

**Personnel shortage. Impact of record
low unemployment on macroeconomic
indicators**

УДК 378.012.03-057.875

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1870

Шифр специальности ВАК: 5.8.7

Социально-структурный анализ воспитательной работы со студентами

Н.А. Дегтярева, Т.Е. Григорьева✉

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, г. Томск*

✉tanya_grig_1991@mail.ru

Аннотация. Актуальность. В связи с социальными вызовами перед высшей школой стоит задача актуализировать деятельность по организации и управлению воспитательной работой современного студента, что поспособствует дальнейшему формированию всесторонне развитой личности. В настоящее время государство конкретизировало общие ориентиры воспитания молодого поколения, а содержание и педагогические приёмы данной работы каждый вуз и субъекты воспитательного процесса разрабатывают самостоятельно. Во избежание формального отношения предлагается на этапе планирования и реализации воспитательных мероприятий применить социально-структурный анализ, позволяющий учесть социальные и личностные черты обучающихся, а также упорядочить процесс воспитательной работы. **Цель:** проанализировать воспитательную работу с обучающимися с учетом их социальных и личностных характеристик. **Методы:** концепция Й. Шванцара о влиянии основных факторов на развитие личности; методика оценки личностного роста, изучения социализированности личности; структурный анализ, направленный на исследование элементов воспитательной работы; комплексный подход, который способствует определению субъектов воспитательного пространства, подбору соответствующих образовательно-педагогических форм, методов, приёмов и аспектов их деятельности. **В результате** выявлены характерные черты и отношения студенческой молодежи к аспектам социальной среды, проанализирована воспитательная работа относительно ее содержательно-организационного контента, что позволяет использовать методологию проектного управления. **Выводы:** социальные изменения, происходящие в обществе, влияют на жизненную картину и ценностные ориентации молодежи, поэтому при планировании и организации воспитательной работы необходимо учитывать данный факт, чтобы процесс воспитания носил динамический характер во избежание стагнации.

Ключевые слова: социализация, социальный портрет студента, воспитательная работа, структура воспитательной работы, высшее образование

Для цитирования: Дегтярева Н.А., Григорьева Т.Е. Социально-структурный анализ воспитательной работы со студентами // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 1–10. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1870

UDC 378.012.03-057.875

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1870

Socio-structural analysis of educational work with students

N.A. Degtyareva, T.E. Grigorieva✉

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

✉tanya_grig_1991@mail.ru

Abstract. Relevance. In relation to social challenges, the higher school is faced with the task of updating the activities of organizing and managing the educational work of a modern student, which will contribute to the further formation of his comprehensively developed personality. Currently, the state has concretized the general guidelines for the education of the younger generation, and each university and the subjects of the educational process develop the content and pedagogical techniques of this work independently. In order to avoid a formal attitude, it is proposed to apply a socio-structural analysis at the stage of planning and implementing educational activities, which allows taking into account the social and personal traits of students, as well as to streamline educational work. **Aim.** To analyze educational work with students taking into account their social and personal characteristics. **Methods.** The concept of Y. Schwantzara on the influence of the main factors on personality development; methodology for assessing personal growth, studying the socialization of personality; structural analysis aimed at studying the elements of educational work; integrated approach that helps to identify the subjects of the educational space, the selection of appropriate educational and pedagogical forms, methods, techniques and aspects of their activities. **Results.** The authors have revealed the characteristic features and attitudes of student youth to aspects of the social environment, analyzed educational work regarding its content and organizational content, which allows using the methodology of project management. **Conclusions.** Social changes taking place in society affect the life picture and value orientations of young people. When planning and organizing educational work, it is necessary to take into account this fact so that the process of education is dynamic in order to avoid stagnation.

Keywords: socialization, social portrait of a student, educational work, structure of educational work, higher education

For citation: Degtyareva N.A., Grigorieva T.E. Socio-structural analysis of educational work with students. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 1–10. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1870

Введение

Образование является одним из важных социальных институтов общества, где создаются условия не только для подготовки специалиста, владеющего профессиональными компетенциями, но и для всестороннего развития личности, о чем свидетельствует ряд законодательно-нормативных документов [1–3]. В соответствии с данными документами под воспитательной работой понимается деятельность, направленная на развитие личности обучающихся, формирование их духовно-нравственных ценностей и мировоззренческих установок (патриотизм, отношение к культуре и пр.), а также создание условий для социализации [4].

Однако государство определило только общие целевые ориентиры воспитания обучающихся, а содержательный контент (направления деятельности, формы, подходы, методы) каждый вуз должен разработать самостоятельно. В связи с этим встает вопрос «Кого и как воспитывать?» [5–6].

Таким образом, цель статьи – проанализировать воспитательную работу с обучающимися с учетом их социальных и личностных характеристик.

В рамках исследования для достижения цели сформулированы следующие задачи:

- изучить социальный портрет студента;
- определить структуру воспитательной работы.

Методология и подходы исследования

Изучение типичных характерных черт современного студента и особенностей его отношений с внешним миром осуществляется через конструкт социального портрета, в основе которого лежит идея чешского ученого Й. Шванцара [7]. В соответствии с его концепцией развитие и формирование личности является результатом взаимодействия ее внутреннего мира, социальной среды и процесса воспитания. При этом нельзя абсолютизировать влияние какой-то одной составляющей.

Определение элементов внутреннего мира человека, его ценностно-мировоззренческих установок, уровня проявления социальной адаптированности и отношений к семье, отечеству, природе, обучению осуществлялось по методикам Д.В. Григорьевой, И.В. Кулешовой, П.В. Степанова «Личностный рост» и М.И. Рожковой «Изучение социализированности личности обучающихся» [8, 9]. Выбор данных методик обусловлен полнотой анализа личности, направленного на изучение внутренних интенций и отношения к факторам социальной среды.

Для более детального рассмотрения процесса воспитания в рамках статьи применяется структурный анализ, позволяющий выявить уровни и субъектов коммуникации, выстроить их иерархию связей. С учетом этого у каждого агента воспитательной работы формируется пул инструментов и приёмов, соответствующих следующим педагогическим подходам: формирующий, культурологический, синергетический, социализирующий, герменевтический, аксиологический, антропологический, психотерапевтический [10].

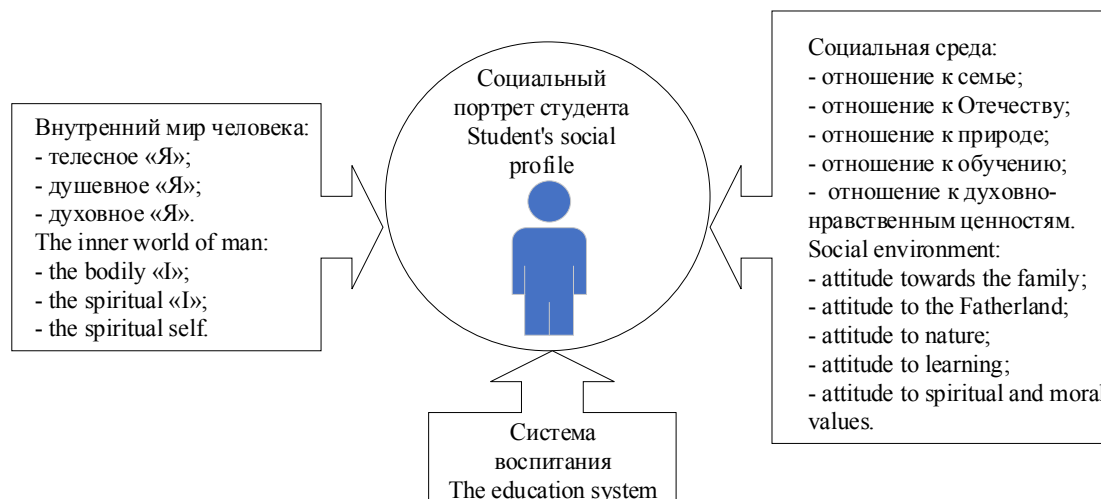
Каждый подход включает в себя совокупность приёмов, методов, теоретических инструментов и направлен на изучение какого-либо из аспектов воспитательной работы, влияющих на формирование и развитие личности будущего специалиста. Для большей объективности и полноты анализа рекомендуется использовать комплексный подход, который стал методологическим основанием данного исследования. Кроме этого, данный подход позволяет ответить на вопрос, кого и как воспитывать.

Социальный портрет студента

Социализация – важный процесс в становлении личности человека. Одним из ее агентов является система образования, которая содействует развитию индивидуальных качеств человека и его профессиональных компетенций [11, 12]. При этом особую роль в процессе социализации личности приобретает система воспитания, позволяющая подготовить конкурентоспособного молодого специалиста, о чем свидетельствует Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года и ряд законодательно-нормативных документов [1, 2].

Для определения специфики воспитания проанализируем социальный портрет студента, под которым понимается комплекс обобщенных социально-психологических и личностных характеристик, описывающих особенности взаимодействия его с социальной средой, что отражено в концепции чешского ученого Й. Шванцара [7]. С целью выявления таких характеристик студенческой молодежи было проведено социологическое исследование по методике Д.В. Григорьевой, И.В. Кулешовой, П.В. Степанова «Личностный рост» среди первокурсников кафедры компьютерных систем в управлении и проектировании ТУСУРа. В рамках данной методики используется балльная система, где от 15 до 28 баллов – устойчиво-позитивное отношение, от 1 до 14 – ситуативно-позитивное, от –1 до –14 – ситуативно-негативное, от –15 до –28 – устойчиво-негативное [8].

Социальный портрет студента состоит из следующих компонентов: внутренний мир человека, социальная среда, система воспитания (рис. 1).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 1. Социальный портрет студента

Fig. 1. Student's social profile

Согласно результатам исследования телесного «Я» (11,1 баллов), студенты осознают важность здорового образа жизни, но в их картине мира здоровье не является весомой категорией и не требует особых энергетических и ресурсных затрат. Следовательно, большинство респондентов считают, что занятие спортом, физическая активность, правильное питание не влияет на достижение успехов в образовательной, профессиональной, личной сферах. Отношение к вредным привычкам и людям, имеющим их, скорее индифферентно.

Душевное «Я» студентов (1,8 баллов) сформировалось на грани ситуативно-позитивного и ситуативно-негативного отношения к себе, что проявляется, с одной стороны, восприятием себя как человека, который интересен для окружающих, но есть большая доля сомнений и неуверенности в себе, что подталкивает его к социальному одиночеству и предпочтению быть на вторых ролях. Молодой человек тяготится таким положением и старается компенсировать его через погружение в компьютерные игры, социальные сети и пр. Кроме того, обозначилась группа студентов (31 %), которые с тревогой ожидают неприятности и в случае неудач легко впадают в отчаяние и депрессию.

Отношение молодого человека к своему духовному «Я» (7,78 баллов) проявляется в категориях понятий, а не конкретных практик. Другими словами, студент понимает смысл категорий совести, волевых механизмов, морали, но в повседневности руководствуется прагматичными, гедонистическими ориентирами и ценностями.

Социальная среда как компонент портрета студенческой молодежи включает в себя его отношение к семье, отечеству, природе, обучению, духовно-нравственным ценностям.

Для молодых людей ценность семьи значима (7,4 балла), что проявляется в стремлении поддерживать семейные устои и традиции, преемственность поколений.

Отношение студентов к отечеству (7,9 баллов) носит ситуативно-позитивный характер, где он разделяет идеи мира, пацифизма, патриотизма, но при этом осознает, что может возникнуть ситуация, в которой необходимо применение жесткой силы, агрессии.

Относительно природы студент понимает важность экологических проблем (5,8 баллов), может принять участие в субботнике и иных мероприятиях совместно с другими, но если есть возможность отказаться, то он ей воспользуется.

Для студентов результатом обучения (9,6 баллов) становится трудоустройство на престижную работу, но при этом прикладывать много усилий и проявлять собственную инициативу в процессе учебы они не хотят [13].

Студент признает ценность культурных, духовно-нравственных форм поведения (4,75 баллов), но не всегда руководствуется ими в своей повседневной жизни по причине нежелания прикладывать к этому усилия. Следовательно, молодой человек находит оправдание эпизодическому проявлению хамства, неряшливости, нецензурной брани и пр. В ходе анализа обозначилась доля студентов (8 %), которые склонны делить людей на «нормальных» и «ненормальных». К первым они относятся уважительно и могут проявлять милосердие, а вторых считают носителями девиаций (например, бомжи, психически больные люди и т. д.). Относительно восприятия другого человека студент может оказать помощь, когда его об этом попросят, но при этом он ожидает вознаграждение в ответ.

Часто неосознанно студент может разделять предрассудки и даже признавать культурный плюрализм, но при этом он не обладает навыком распознавания латентных проявлений дискриминации в социальных процессах и отношениях, а также не понимает другого человека и не умеет взглянуть на мир с его точки зрения.

Связующим звеном между внутренним миром студента и социальной средой является система воспитания, которая представляет собой совокупность подходов, методов, форм, способов для развития разносторонней личности и ее дальнейшего самоопределения. Причем от функционирования тех или иных воспитательных практик и их влияния на составляющие социальной среды зависит достижение поставленных задач, обозначенных в Стратегии развития молодежи Российской Федерации [2].

Структура воспитательной работы со студентами

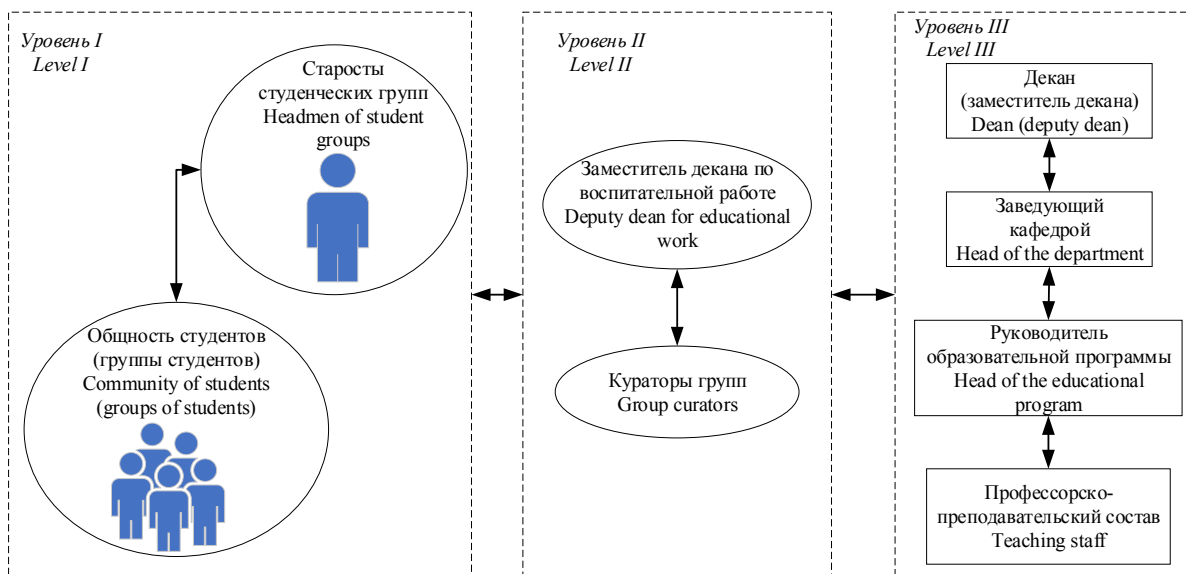
Структура воспитательной работы представляет собой многоуровневый процесс взаимодействия воспитателей и обучающихся, деятельность по организации, реализующуюся в содержательном и управленческом контексте.

Рассмотрим воспитательный процесс, осуществляющийся через следующие уровни коммуникации (рис. 2):

- студент–студент/староста, где посредством формальных и неформальных коммуникаций выстраивается социально-психологический климат группы, способствующий успешной социализации и адаптации к вузовской среде;
- студент–заместитель декана по воспитательной работе/куратор, где проводится сопровождение и координация обучающихся на всем периоде обучения, создаются условия для развития личности [14];
- студент–декан (заместитель декана)/заведующий кафедрой/руководитель образовательной программы/профессорско-преподавательский состав, где акцентируется внимание на освоении профессиональных компетенций и системе мониторинга/контроля над обучающимися в рамках образовательного процесса.

С учетом поправок в законе «Об образовании» и Стратегии развития молодежи до 2025 года каждый вуз должен самостоятельно разрабатывать программу по воспитательной работе со студентами. В силу этого особое внимание следует уделить содержанию, формам, подходам и методам воспитания.

При выборе направлений воспитательной работы предлагается использовать диагностику типовых характеристик социального портрета первокурсника. Так, на основе проведенного исследования по методике М.И. Рожковой «Изучение социализированности личности обучающихся» можно сделать вывод, что у студентов выявлен средний уровень социализированности личности, который находится в пределах от одного до трех баллов из пяти возможных и состоит из оценки социальной активности (2,8 баллов), нравственности (2,5 баллов), автономности (2,7 баллов) и адаптивности (2,4 балла) [9].

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Уровни коммуникации воспитательной работы

Fig. 2. Communication levels of educational work

Исходя из этого выделим основные направления воспитательной работы с учетом уровней коммуникации:

социализация и духовно-нравственное воспитание – реализуется на I, II, III уровнях;

- культурно-просветительское воспитание и творческое развитие – реализуется на I, II, III уровнях;
- гражданско-патриотическое воспитание – реализуется на II, III уровнях;
- экологическое воспитание – реализуется на II, III уровнях;
- профессиональное и трудовое воспитание – реализуется на III уровне.

Относительно представленных выше уровней коммуникации предлагается реализовывать направления воспитательной работы в следующих формах:

- индивидуальные (индивидуальная беседа, консультация, социально-психологическая помощь и пр.) – применяется на I, II, III уровнях;
- групповые (сборы, собрания, час куратора и др.) – применяется на I, II, III уровнях;
- массовые (форум, мастер-классы, тренинги и др.) – применяется на II, III уровнях [15].

В процессе изучения воспитательных практик особую роль приобретает использование подходов, основанных на устоявшихся концепциях и учитывающих новые теоретические очертания.

В теории воспитания выделяются следующие виды подходов:

- формирующий, под которым воспитание понимается как система мотивов обучающихся, развивающих определенные качества личности. Определение этих качеств связано с социальным заказом государства и общества в соответствии с основополагающими нормативными документами, регулирующими процесс воспитательной работы в высшей школе;
- культурологический способствует созданию условий для проявления студентами разного рода активностей, с помощью которых он пробует, экспериментирует и тем самым выстраивает свою траекторию развития личности;
- синергетический предполагает учет разнонаправленности воспитательного воздействия на обучающихся с использованием внутреннего потенциала личности и ресурсов образовательной среды;

- социализирующий, где воспитание понимается как процесс включения человека в систему общественных отношений и проявляется через приобретение личного жизненного опыта, развитие студенческого самоуправления;
- герменевтический, который выражается в индивидуальном сопровождении обучающегося относительно поиска смысла жизни, переживаний, определения уровня тревожности в процессе всего обучения;
- аксиологический, где воспитание представляет собой процесс приоритизации и освоения ценностей, проявляющихся в поведении студентов;
- антропологический подразумевает развитие индивидуальных способностей личности с учетом гуманистических целей и ее внутреннего потенциала;
- психотерапевтический становится актуальным, когда субъекты образовательного процесса сталкиваются с проявлением девиации разного рода (высокий уровень тревожности, депрессия, замкнутость обучающихся и пр.) [10].

В соответствии с уровнями коммуникации воспитательной работы реализация подходов осуществляется следующим образом:

- I – социализирующий, аксиологический;
- II – формирующий, герменевтический, культурологический, социализирующий, аксиологический, антропологический, психотерапевтический;
- III – синергетический, социализирующий, аксиологический, психотерапевтический.

Несмотря на методологический плюрализм подходов субъектам воспитательно-образовательного процесса рекомендуется использовать все их многообразие, что позволит профессорско-преподавательскому составу овладеть педагогическими приемами, современными методами воспитания и реализовать их на практике для формирования разносторонней личности студентов. При этом методы воспитания рекомендуется отбирать с учетом поставленных целей, социальных вызовов, внутренних ресурсов образовательной организации, а также личностных характеристик обучающихся. В рамках теории воспитания преобладают следующие методы, комплексно применяющиеся на всем периоде обучения:

- вовлечение студентов в разнонаправленную деятельность (учебная, внеучебная) [16, 17];
- развитие сознания личности;
- стимулирование и развитие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер.

Сочетание этих методов позволяет достичь синергетического эффекта в формировании конкурентоспособной личности молодежи.

В большинстве случаев управление воспитательной работой осуществляется в традиционном формате, когда мероприятия иницируются «сверху вниз» (от воспитателей к обучающимся) в соответствии с заданными ориентирами. Однако данный способ не позволяет учесть разные варианты запросов, ожиданий и проблем индивидуального и группового характера обучающихся. В силу этого рекомендуется использовать проектную форму управления воспитанием, которая реализуется «снизу вверх» (от обучающихся к воспитателям), принимая во внимание специфику социального портрета студента. Предпочтительной альтернативой является использование гибридного подхода управления воспитанием [18–20].

Заключение

Образовательная политика в государстве основывается на идее неразрывности процессов обучения и воспитания, но при этом поиск направлений деятельности, форм, подходов, методов воспитательной работы с личностью студента остается актуальным. Причем с каждым годом у студентов видоизменяются установки, ориентиры, взгляды в соответствии с развитием их индивидуального мира и социальными вызовами внешней среды. В силу этого вос-

питательная работа и ее содержательный контент не могут быть константой, а должны иметь имманентный потенциал к адаптации и быть открытыми к системным обновлениям.

Для того чтобы достичь синергетического эффекта в воспитании студенческой молодежи, в статье представлена структура воспитательной работы, позволяющая определить направления деятельности, формы, подходы, методы и приемы управления. При этом в качестве диагностики внутреннего мира обучающегося и его отношения с внешней средой сформировался социальный портрет студента, что важно учитывать при планировании, организации воспитательной работы в высшей школе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/12/29/document-ob-obrazovanii.html> (дата обращения 01.04.2024).
2. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/315> (дата обращения 01.04.2024).
3. Власова А.Д., Колышкина В.А., Гитман Е.К. Воспитательная работа в вузе: историко-правовой аспект // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2022. – № 9. – С. 17–25.
4. Дегтярева Н.А. Опыт исторического анализа внеучебной работы в условиях социальных трансформаций рубежа XX–XXI вв. на примере высшей школы Томска: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2010. – 23 с.
5. Воспитание в вузе: основные понятия и новое в законодательстве. URL: <https://lala.lanbook.com/vospitanie-v-vuze-osnovnye-ponyatiya> (дата обращения 03.04.2024).
6. Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispsvo/education/> (дата обращения 05.04.2024).
7. Личность как предмет воспитания. URL: <https://vaniorolap.narod.ru/theme4.html> (дата обращения 05.04.2024).
8. Кулешова И.В., Степанов П.В., Григорьев Д.В. Методика диагностики личностного роста. URL: <https://nsportal.ru/shkola/klassnoe-rukovodstvo/library/2015/11/03/metodika-dagnostiki-lichnostnogo-rosta-avtory-i-v> (дата обращения 29.04.2024).
9. Рожков М.И. Методика для изучения социализированности личности учащегося. URL: https://mokeevu.edu.yar.ru/rip/rabochie_materiali/diagnostiki/metodika_dlya_izucheniya_sotsializirovannosti.pdf (дата обращения 29.04.2024).
10. Голованова Н.Ф. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 38–48.
11. Darmon M. Socialization. – United States: John Wiley & Sons, 2023. – 208 p.
12. Исследование взаимосвязи профессионального становления и жизненного мира студентов / Н.А. Дегтярева, Т.Е. Григорьева, А.Е. Карелин // Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти. Приоритетные ориентиры высшего образования в России: стратегическое партнерство и технологический суверенитет: материалы Международной научно-методической конференции. – Томск, 25–26 января 2024. – Часть 2. – Томск: Изд-во ТУСУРа, 2024. – С. 5–10.
13. Socialization in higher education and the early career: theory, research and application / Eds. J.C. Weidman, L. De Angelo. – Berlin: Springer Nature, 2020. – 323 p.
14. Положение об организации и реализации дисциплины «Education design (Проектирование индивидуальной траектории развития)» в ТУСУРе № 1598 от 23.12.2022. URL: <https://regulations.tusur.ru/documents/1332> (дата обращения 29.04.2024).
15. Котельникова Е.Ю. К вопросу о воспитании студентов в современном вузе // Современный ученый. – 2022. – № 3. – С. 141–145.
16. Belikova L.F. Students' attitudes toward extracurricular activity in an institution of higher learning // Russian Education & Society. – 2002. – Vol. 44. – № 2. – P. 73–85.
17. Noskova T. et al. Students in the information environment: a study of educational and extracurricular activities // International Journal of Continuing Engineering Education and Life Long Learning. – 2015. – Vol. 25. – № 4. – P. 394–410.
18. Роль воспитательной работы в профессиональном становлении современного специалиста высшей школы / Ж.Е. Турчина, А.И. Бакшеев, С.Л. Бакшеева, О.В. Андренко, В.Г. Иванов // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 2. – С. 154–158.

19. Привалова Г.Ф. Теоретико-методологические основы воспитательной работы со студентами в условиях современного вуза // Категория «Социального» в современной педагогике и психологии: материалы 11-й Всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. – Ульяновск, 22–23 июня 2023. – Ульяновск: Зебра, 2023. – С. 303–310.
20. Шакурова М.В., Селиванова Н.Л., Ромм Т.А. Теоретические и методические основы организации и осуществления воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования // Сибирский педагогический журнал. – 2022. – № 4. – С. 7–21.

Информация об авторах

Дегтярева Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры автоматизации обработки информации, доцент кафедры компьютерных систем в управлении и проектировании Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; natalia.a.degtiareva@tusur.ru

Григорьева Татьяна Евгеньевна, кандидат технических наук, доцент кафедры компьютерных систем в управлении и проектировании Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; tanya_grig_1991@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.06.2024

Поступила после рецензирования: 20.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. *On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» and Article 2 of the Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation»*. Federal Law No. 685-FZ dated December 25, 2023. (In Russ.) Available at: <https://rg.ru/documents/2023/12/29/document-ob-obrazovanii.html> (accessed 1 April 2024).
2. *Youth Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025*. (In Russ.) Available at: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/315> (accessed 1 April 2024).
3. Vlasova A.D., Kolyshkina V.A., Gitman E.K. Educational work at the university: historical and legal aspect. *Humanitarian studies. Pedagogy and psychology*, 2022, no. 9, pp. 17–25. (In Russ.)
4. Degtyareva N.A. *The experience of historical analysis of extracurricular work in the context of social transformations at the turn of the XX–XXI centuries on the example of Tomsk Higher School*. Cand. Dis. Abstract. Barnaul, 2010. 23 p. (In Russ.)
5. *Education at the university: basic concepts and new legislation*. (In Russ.) Available at: <https://lala.lanbook.com/vospitanie-v-vuze-osnovnye-ponyatiya> (accessed 3 April 2024).
6. *Methodological recommendations for the development of a work program of education and a calendar plan of educational work of an educational organization of higher education*. (In Russ.) Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/education/> (accessed 5 April 2024).
7. *Personality as a subject of education*. (In Russ.) Available at: <https://vaniorolap.narod.ru/theme4.html> (accessed 5 April 2024).
8. Kuleshova I.V., Stepanov P.V., Grigoriev D.V. *Methods of diagnosis of personal growth*. (In Russ.) Available at: <https://nsportal.ru/shkola/klassnoe-rukovodstvo/library/2015/11/03/metodika-dagnostiki-lichnostnogo-rosta-avtory-i-v> (accessed 29 April 2024).
9. Rozhkov M.I. A methodology for studying the socialization of a student's personality. (In Russ.) Available at: https://mokeevo.edu.yar.ru/rip/rabochie_materiali/diagnostiki/metodika_dlya_izucheniya_sotsializirovannosti.pdf (accessed 29 April 2024).
10. Golovanova N.F. Approaches to education in modern Russian pedagogy. *Pedagogika*, 2007, no. 10, pp. 38–48. (In Russ.)
11. Darmon M. *Socialization*. United States, John Wiley & Sons, 2023. 208 p.
12. Degtyareva N.A., Grigoreva T.E., Karelin A.E. The study of the relationship between professional development and the life world of students. *Materials of the International Scientific and Methodological Conference. Modern education: integration of education, science, business and government. Priority guidelines for higher education in Russia: strategic partnership and technological sovereignty*. Tomsk, TUSUR Press, 2024. Tomsk, January 25–26, 2024. P. 2, pp. 5–10. (In Russ.)
13. *Socialization in higher education and the early career: theory, research and application*. Eds. J.C. Weidman, L. De Angelo. Berlin, Springer Nature, 2020. 323 p.

14. *Regulation on the organization and implementation of the discipline "Education design (Designing an individual development trajectory)" in TUSUR No. 1598 dated 12/23/2022.* (In Russ.) Available at: <https://regulations.tusur.ru/documents/1332> (accessed 29 April 2024).
15. Kotelnikova E.Yu. On the problem of upbringing modern university students. *Modern scientist*, 2022, no. 3, pp. 141–145. (In Russ.)
16. Belikova L.F. Students' attitudes toward extracurricular activity in an institution of higher learning. *Russian Education & Society*, 2002, vol. 44, no. 2, pp. 73–85.
17. Noskova T. Students in the information environment: a study of educational and extracurricular activities. *International Journal of Continuing Engineering Education and Life Long Learning*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 394–410.
18. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Andrenko O.V., Ivanov V.G. The role of educational work in the professional development of a modern specialist in higher education. *Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 2, pp. 154–158. (In Russ.)
19. Privalova G.F. Theoretical and methodological foundations of educational work with students in the conditions of a modern university. *The category of "Social" in modern pedagogy and psychology. Materials of the 11th All-Russian Scientific and Practical Conference with remote and international participation.* Ulyanovsk, June 22–23, 2023. Ulyanovsk, Zebra Publ. House, 2023. pp. 303–310. (In Russ.)
20. Shakurova M.V., Selivanova N.L., Romm T.A. Theoretical and methodological bases of organization and implementation of educational work in educational institutions of higher education. *Siberian Pedagogical Journal*, 2022, no. 4, pp. 7–21. (In Russ.)

Information about the authors

Natalia A. Degtyareva, Cand. Sc., Assistant Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; natalia.a.degtiareva@tusur.ru

Tatyana E. Grigorieva, Cand. Sc., Assistant Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; tanya_grig_1991@mail.ru

Received: 18.06.2024

Revised: 20.08.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 001.895:004.8:351(470.41)

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1779

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Внедрение инноваций и искусственного интеллекта в сферу государственного управления в Республике Татарстан

В.М. Ахмерова[✉], М.Н. Максимова

Казанский государственный медицинский университет, Россия, г. Казань

[✉]viktoria20001998@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется внедрение инноваций и искусственного интеллекта в сферу государственного управления на примере Министерства цифрового развития государственного управления информационных технологий и связи Республики Татарстан и Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. **Актуальность** исследования обуславливается тем, что основными перспективами развития системы государственного управления являются поиск инновационных идей и их внедрение в работу государственной службы. В 2024 г., в условиях активно изменяющегося сектора государственного управления в рамках информатизации и технологизации, способность органов управления инициировать и внедрять инновации и информационные технологии становится ценным конкурентным преимуществом. **Цель:** выявить и проанализировать отношение государственных служащих к внедрению инновационных технологий и искусственного интеллекта в сферу государственного управления в Министерстве цифрового развития государственного управления информационных технологий и связи Республики Татарстан и в Министерстве труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. Исследование было проведено с помощью разработанной авторами анкеты. Выборка составила 60 чел. С помощью Yandex Forms респондентам на почту была разослана анкета, которая включала 12 вопросов. Проанализированы влияющие на процессы факторы, проблемы внедрения инноваций и искусственного интеллекта в органах государственной власти. Определено отношение государственных служащих к инновациям и искусственному интеллекту. Проанализированы причины такого отношения опрошенных к инновациям и искусственному интеллекту.

Ключевые слова: государственное управление, государственные служащие, инновации, искусственный интеллект, информационные технологии, стратегия развития

Для цитирования: Ахмерова В.М., Максимова М.Н. Внедрение инноваций и искусственного интеллекта в сферу государственного управления в республике Татарстан // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 11–23. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1779

UDC 001.895:004.8:351(470.41)

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1779

Introduction of innovations and artificial intelligence in the sphere of public administration in the Republic of Tatarstan

V.M. Akhmerova✉, M.N. Maksimova

Kazan State Medical University, Kazan, Russian Federation

✉Viktoria20001998@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the introduction of innovations and artificial intelligence in the field of public administration using the example of the Ministry of Digital Development of the State Administration of Information Technology and Communications of the Republic of Tatarstan and the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan. **Relevance.** One of the main prospects for the development of the public administration system is the search for innovative ways and their implementation in the work of a civil servant. In 2024, in the context of an actively changing public administration sector within the framework of informatization and technologization, the ability of government bodies to initiate and implement innovations and information technologies are becoming valuable competitive advantages. **Aim.** To identify and analyze the attitude of civil servants to the introduction of innovative technologies and artificial intelligence in the field of public administration in the Ministry of Digital Development of the State Administration of Information Technologies and Communications of the Republic of Tatarstan and in the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan. **Methods.** The study was conducted using a questionnaire developed by the authors. The study sample consisted of 60 people. With the help of Yandex Forms, a questionnaire, which included 12 questions, was sent to the respondents by mail. **Results.** The authors have analyzed the factors influencing the processes, the problems of introducing innovations and artificial intelligence in public authorities. It is determined that innovations and artificial intelligence were introduced into the work of civil servants. It was found that government officials treat the introduction of innovations and artificial intelligence either neutrally or negatively. The authors analyzed the reasons for the respondents' attitude to innovation and artificial intelligence.

Keywords: public administration, civil servants, innovations, artificial intelligence, information technology, development strategy

For citation: Akhmerova V.M., Maksimova M.N. Introduction of innovations and artificial intelligence in the sphere of public administration in the Republic of Tatarstan. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 11–23. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1779

Введение

Одной из основных тенденций развития системы государственного управления – поиск подходов к инновационным технологиям и их внедрению. В условиях динамично меняющегося рынка информации и технологий способность органов управления разрабатывать и внедрять инновации становится ценным конкурентным преимуществом [1, 2].

Актуальность проблемы внедрения инноваций в сфере публичного управления Российской Федерации связана [3–5]:

- со стратегией развития новой государственности, где инновации играют важную роль для страны;
- созданием сильного государства, способного решать новые, крупные внутренние и внешние проблемы;

- формированием инновационно-правового, демократического, социально ориентированного и подконтрольного народу государственного образования.

Отметим, что Российская Федерация вступила в конкурентную борьбу со странами – лидерами в области технологий искусственного интеллекта (ИИ), такими как США, Китай, Великобритания, Канада и Индия. В соответствии с этим организационно-правовой основой ИТ-технологий стала принятая Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., в которой содержится положение о том, что приоритетные направления в сфере искусственного интеллекта реализуются с учётом национальных целей и стратегических задач государства. Основная цель документа – обеспечить рост спроса в России на продукты, созданные на основе ИИ. Причём среди потребителей авторами Стратегии названы не только граждане и организации, но и органы государственной власти [6]. Благодаря реализации настоящей Стратегии должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка. Согласно прогнозам экспертов долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, в случае недостаточного прогресса и использования конкурентоспособных инноваций и технологий ИИ реализация приоритетных направлений научно-технологического расширения страны замедлится, а это, в свою очередь, повлечет за собой ее экономическое и технологическое отставание от стран-лидеров [7–12].

Отметим, что современные исследователи указывают на то, что деятельность государственных служащих в современных реалиях является сложной и многоплановой: государственные служащие должны быть готовы к вызовам современной жизни. От того, готовы ли служащие в органах власти к необходимым изменениям и внедрению нового на своем рабочем месте, зависит продуктивность и эффективность их трудовой деятельности в конкретном государственном органе власти [13].

Научный обзор

В современных реалиях цифровой трансформации и реорганизации общества инновации и информационные технологии в государственном управлении с каждым годом имеют всё большее значение. Инновации и информационные технологии не только помогают сотрудникам государственного сектора справиться с большим объемом трудовых задач, но и еще способны облегчить профессиональную деятельность государственного служащего.

Ряд исследований подтверждают данную позицию. Например, А.А. Косоруков приводит аргументы в пользу внедрения ИИ в государственном управлении, подчёркивая, что современные реалии невозможны без применения инноваций в государственном секторе [14]. Аналогичную точку зрения высказывает Д.В. Карапетян, делая вывод, что у инноваций и ИИ недостатков намного меньше, чем преимуществ, а с помощью данных инноваций в будущем можно решать и устранять многочисленные актуальные проблемы, которые волновали и волнуют государство [15].

Но в то же время ряд исследователей отмечают достаточно много проблем внедрения инноваций в сфере государственного управления. В работах А.И. Турчинова приводится целый перечень проблем по внедрению инноваций и ИИ в органах власти; автор акцентирует внимание именно на сложном процессе внедрения, совокупности факторов, которые могут повлиять на результативность внедрения конкретной инновации в конкретную структуру власти.

А.И. Турчинов выделяет следующие факторы:

- большой объем и высокая скорость внедрения проведения реформ;
- социальные «патологии», такие как коррупция, инфантилизм и бюрократизм руководства;

- непонятные перспективы карьерного роста государственного служащего. Иными словами, что получит сотрудник, если в его привычную, традиционную работу будет внедрено что-то инновационное;
- отсутствие внедрения инновационных технологий при формировании кадрового резерва.

Н.Л. Иванова и Е.Н. Дубиненкова в своем исследовании выделяют основные блоки проблем внедрения инноваций для личности, группы и организации [16]:

1. Административные проблемы. Данная группа связана с объемами, масштабами и скоростью внедрения инноваций в трудовую деятельность. Сотрудники не успевают осознать внедренную инновацию, в связи с этим появляется необходимость в постепенном внедрении инновации.
2. Технологические проблемы. Проблемы связаны с непосредственным внедрением инновации, техническая готовность организации к внедрению инноваций.
3. Экономические проблемы. Связаны с бюджетным фондом организации; инновации в государственном управлении сложно прогнозировать, и тем более – заложить в бюджет. В связи с этим именно экономическая проблема останавливает работу над инновацией в государственном органе.
4. Субъективные проблемы. Данный блок связан с особенностями отношения сотрудников к внедрению инноваций, взаимодействию индивидов и групп в новых условиях.

Авторы данного теоретического исследования выделяют две группы инноваций, которые непосредственно касаются деятельности государственных служащих:

1. Структурные инновации. Связаны с формированием профессионального кадрового состава.
2. Результативные инновации. Связаны с повышением эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать отношение государственных служащих к внедрению инноваций и ИИ в сферу государственного управления. Гипотеза авторов заключается в том, что государственные служащие знают о необходимости внедрения инновации, но не готовы к быстрым и масштабным переменам на рабочем месте.

Методология исследования

Отношение государственных служащих к внедрению инноваций и ИИ в государственных органах были выявлены авторами с помощью специально проведенного пилотного исследования – анкетирования.

Согласно данным на официальных сайтах министерств, было выявлено, что в Министерстве цифрового развития государственного управления информационных технологий и связи Республики Татарстан (Минцифра РТ) работает 53 сотрудника, а в Министерстве труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (МТЗ и СЗ РТ) – 68.

Всего генеральная совокупность составляет 121 чел.

В исследовании использовалась стихийная выборка, то есть отбор по принципу добровольности и доступности вхождения единиц генеральной совокупности в выборочную.

Анализ включает несколько этапов: с помощью Yandex Forms была создана анкета, которая включает 12 вопросов; представителям Министерств, а именно специалистам, отвечающим за цифровое развитие в государственном управлении, на корпоративную почту была разослана разработанная анкета; далее конкретные специалисты отправили анкету сотрудникам Министерств; проведен анализ данных, которые были получены с помощью пилотного исследования.

Таким образом, в данном исследовании с помощью стихийной выборки приняло участие 60 человек. Из них 30 – государственные служащие Минцифры РТ, 30 – МТЗ и СЗ РТ.

В рамках проведенного исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) разработать анкету и провести анкетирование среди сотрудников Минцифры РТ и МТЗ и СЗ РТ;
- 2) проанализировать проблемы внедрения инноваций и ИИ;
- 3) проанализировать предложения респондентов по внедрению инноваций и ИИ в государственную структуру.

В соответствии с задачами, авторами были определены гипотезы исследования:

1. После прохождения пилотажной проверки разработанная анкета позволит определить мнение, отношение конкретного количества сотрудников к внедрению инноваций в государственном учреждении.
2. С помощью опроса определен конкретный перечень проблем внедрения инноваций и ИИ в работу государственных служащих.
3. В ходе исследования будет выявлено более 10 предложений от каждого Министерства по внедрению инноваций и ИИ в государственную структуру.

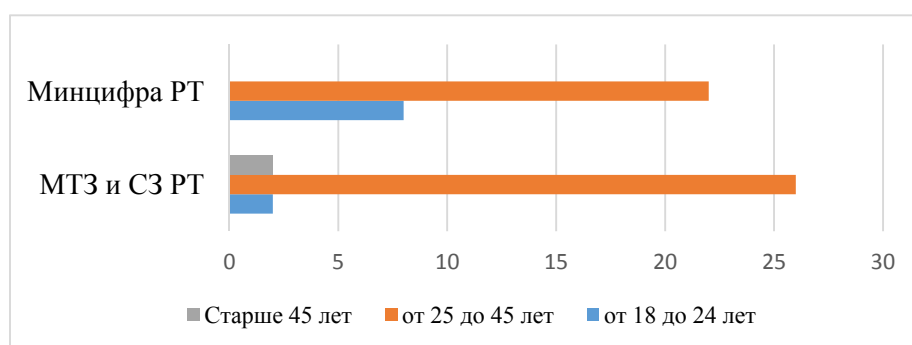
Таким образом, применение базовых статистических подходов и методов обработки данных обеспечивает наглядность итоговых результатов и репрезентативность проведенного пилотного исследования.

Результаты исследования

В опросе приняли участие 60 чел. Большинство из них – женщины в возрасте от 25 до 45 лет:

- МТЗ и СЗ РТ: женщины – 93 % (28 чел.), мужчины – 7 % (2 чел.);
- Минцифра РТ: женщины – 83 % (25 чел.), мужчины – 17 % (5 чел.).
- Возраст большинства респондентов, работающих в обоих органах власти, – от 25 до 45 лет:
- МТЗ и СЗ РТ: от 25 до 45 лет – 87 % (26 чел.), от 18 до 24 лет – 6,5% (2 чел.), от 45 до 59 – 6,5% (2 чел.);
- Минцифра РТ: от 25 до 45 лет – 73 % (22 чел.), от 18 до 24 лет – 27 % (8 чел.).

В Минцифре РТ отсутствуют респонденты старше 45 лет (рис. 1).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

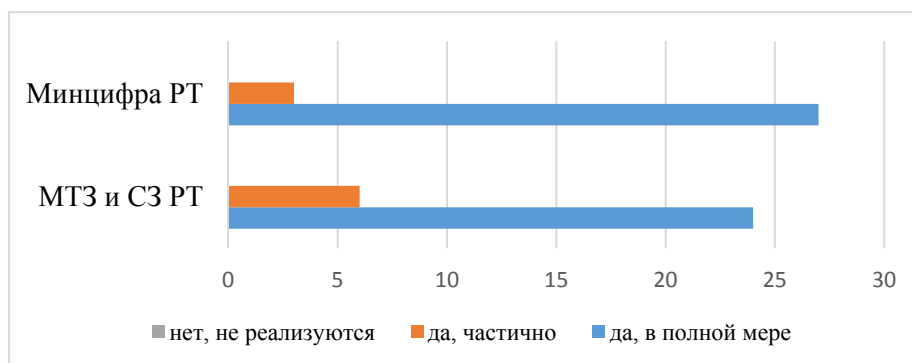
Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту

Fig. 1. Age distribution of respondents

В обоих министерствах большинство опрошенных (93 % (28 чел.) – МТЗ и СЗ РТ и 87 % (26 чел.) – Минцифра РТ) считают, что инициатива по внедрению инноваций в органах власти исходит от руководителей отдела/подразделения.

На вопрос о том, реализуются ли инновационные идеи сотрудников в учреждении, опрошенные ответили (рис. 2):

- МТЗ и СЗ РТ: да, в полной мере – 80 % (24 чел.), да, частично – 20 % (6 чел.);
- Минцифра РТ: да, в полной мере – 90 % (27 чел.), да, частично – 10 % (3 чел.).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Реализация инновационных идей сотрудников в учреждениях
Fig. 2. Implementation of innovative ideas of employees in institutions

У большинства опрошенных-подчинённых МТЗ и СЗ РТ (87 %, 26 чел.), как и у респондентов 73 % Минцифры РТ (22 чел.) нет инновационных идей.

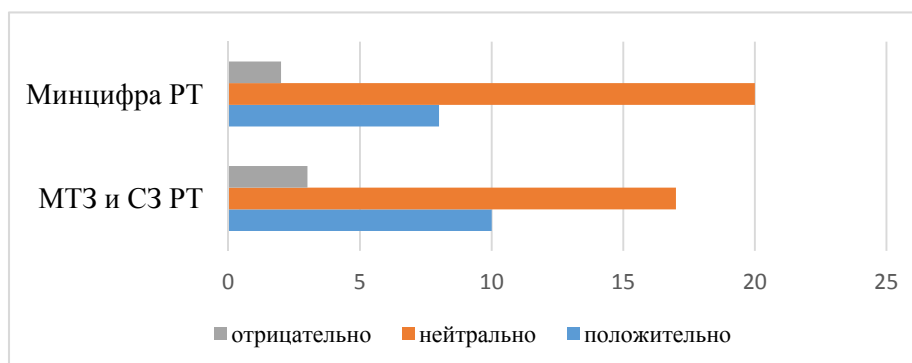
Те, кто в предыдущем вопросе отметили (13 % (4 чел.) МТЗ и СЗ РТ и 27 % (8 чел.)), что имеет инновационные идеи и всё время их предлагает, указали, что руководство их поддерживает в полной мере.

Ответы на вопросы анкеты показали отношение сотрудников к внедрению инноваций в государственном учреждении.

57 % опрошенных в МТЗ и СЗ РТ (17 чел.) относятся к внедрению инноваций нейтрально, 33 % (10 чел.) – положительно и 10 % (3 чел.) – отрицательно.

В Минцифре РТ 67 % респондентов (20 чел.) имеют нейтральное отношение к внедрению инноваций, 27 % (8 чел.) – положительное и 6 % (2 чел.) – отрицательное.

Отметим, что в Минцифре РТ меньше на двух опрошенных, которые положительно относятся к внедрению инноваций, чем в МТЗ и СЗ РТ (рис. 3).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Отношение сотрудников к внедрению инноваций в государственных учреждениях
Fig. 3. Attitude of employees to the introduction of innovations in public institutions

Государственные служащие обоих министерств выделили причины нейтрального и отрицательного отношения к внедрению инноваций:

- сложно применять инновации в работе;
- не умеют применять инновации в работе;
- инновации могут принести технические сбои в основной работе;
- инновации могут не принести эффективности, а ресурсы будут потрачены.

В табл. 1 указаны причины нейтрального и отрицательного отношения государственных служащих к внедрению инноваций.

Таблица 1. Причины нейтрального/отрицательного отношения к внедрению инноваций
Table 1. Reasons for the neutral/negative attitude towards the introduction of innovations

МТЗ и СЗ РТ Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan	Минцифра РТ Ministry of Digital Development of the Republic of Tatarstan
Инновации могут увеличить время основной работы Innovation can increase core work hours	Как правило, из-за внедрения инноваций страдает основная работа сотрудника As a rule, a main job suffers due to innovation
Не всегда инновации «уживаются» с традиционной работой Innovations do not always “get along” with traditional work	Действительно необходимые инновации тяжело реализовать в органе власти Truly necessary innovations are difficult to implement in government
Внедренные инновации экономически не выгодны The introduced innovations are not economically profitable	Инновационные проекты, которые реализуются для эффективности работы государственного служащего, не используются в полной мере Innovative projects that are implemented for the efficiency of civil servants do not work fully
Сотрудники государственной службы не всегда готовы к инновациям в работе Civil service employees are not always ready for innovation in their work	Сотрудники боятся внедрения инноваций, так как считают, что это может привести к оптимизации кадров Employees are afraid of introducing innovations because they believe that this may lead to personnel optimization
Многие инновации внедряются только для формальности и на деле полноценно не реализуются Many innovations are introduced only as a formality and are not fully implemented in reality	При внедрении инновационных идей необходимо помнить об ответственности за их внедрение When introducing innovative ideas, it is necessary to remember the responsibility for their implementation
Инновации в работе – большой стресс для сотрудников Innovation at work is a big stress for employees	На реализацию инноваций тратятся значительные материальные ресурсы Innovations incur losses and expenses for their implementation
Необходимо подготовить персонал к внедрению любой инновационной идеи и обучить его To implement any innovative idea, it is necessary to prepare and train personnel	Инновации могут быть навязаны руководством и не обязательны в данной сфере Innovation can be imposed by leadership and it is not mandatory in a given area

Посредством опроса служащие дали оценку внедрения инноваций в органы власти. В обоих министерствах большинство респондентов оценивают внедрение инноваций на хорошо: МТЗ и СЗ РТ – 80 % (24 чел.), Минцифра РТ – 83 % (25 чел.).

В 2024 г., в рамках цифровизации государственного управления, увеличение цифровых данных, сбор и анализ которых лежат в основе процесса цифровизации, требуется переход к совершенному инструментарию обработки информации, обеспечивающему выполнение государственными органами своих функций и задач, оказание государственных и муниципальных услуг [17].

ИИ использует принципы и подходы, аналогичные человеческому интеллекту, позволяя в автоматическом режиме обрабатывать значительные объемы данных, что обеспечивает оперативное решение задач по управлению государством. Учитывая, что технологии ИИ с 2020 г. с каждым годом все активнее пронизывают жизнь отдельного человека и общества в целом, вопрос внедрения технологий ИИ в государственном и муниципальном управлении становится актуальным, так как с их помощью уже сейчас можно решить многие задачи государственных служащих, такие как [18–20]:

- предоставление своевременных и релевантных ответов гражданам на их вопросы;
- проактивное оказание государственных и муниципальных услуг в рамках жизненной ситуации гражданина;
- выявление и прогнозирование потребностей отдельных лиц и групп населения;
- разработка планов эффективного использования экономических ресурсов организации [21];
- обработка и прием заявлений граждан круглосуточно.

В соответствии с актуальностью внедрения ИИ в работу, у респондентов уточнили, знают ли они об ИИ?

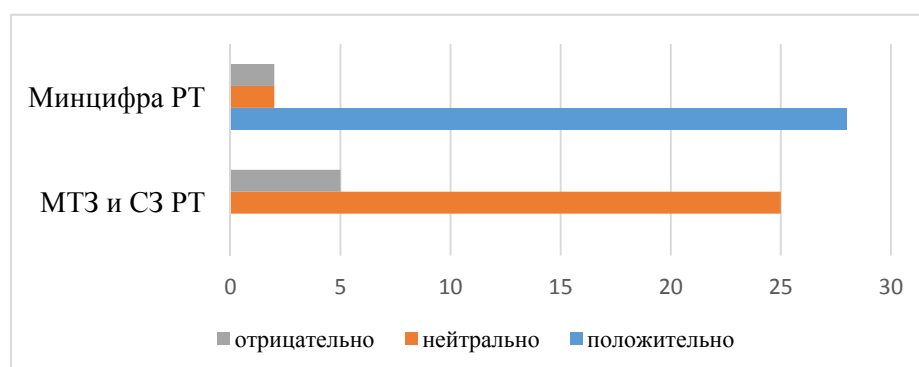
В МТЗ и СЗ РТ 90 % (27 чел.) и в Минцифре РТ 100 % (30 чел.) знают о существовании ИИ в полной мере. И только 10 % (3 чел.) в МТЗ и СЗ РТ указали, что не знают.

На вопрос, внедрен ли ИИ в деятельность Вашего министерства, ответы респондентов распределились следующим образом:

- МТЗ и СЗ РТ: да, частично – 80 % (24 чел.), нет – 20 % (6 чел.);
- Минцифра РТ: да, в полной мере – 93 % (28 чел.), да, не в полной мере – 7 % (2 чел.).

В отличие от Минцифры РТ, в МТЗ и СЗ РТ 6 чел. считают, что ИИ не внедрен в работу их исполнительного органа. Данные результаты объясняются спецификой деятельности министерства.

Было проанализировано отношение сотрудников к внедрению ИИ в государственном учреждении (рис. 4).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 4. Отношение сотрудников к внедрению ИИ в государственных учреждениях

Fig. 4. Attitude of employees to AI implementation in government institutions

83 % опрошенных (25 чел.) в МТЗ и СЗ РТ относятся к ИИ нейтрально, 17 % (5 чел.) – отрицательно. В Минцифре РТ результаты иные: 93 % (28 чел.) – положительно и 7 % (2 чел.) – нейтрально.

Определены причины нейтрального и отрицательного отношения государственных служащих к внедрению ИИ, которые указали сотрудники обоих министерств:

- проблемы конфиденциальности и безопасности личной информации сотрудников и клиентов;
- сильная зависимость от информационных технологий;
- сотрудники перестанут самостоятельно проводить расчеты и анализ информации;
- отсутствие обратной связи. ИИ не сможет объяснить, дать обратную связь по анализу работы.

Респонденты выделили причины нейтрального и отрицательного отношения государственных служащих к внедрению ИИ (табл. 2).

Таблица 2. Причины нейтрального/отрицательного отношения государственных служащих к внедрению ИИ

Table 2. Reasons for the neutral/negative attitude of civil servants towards AI introduction

МТЗ и СЗ РТ/Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan	Минцифра РТ/Ministry of Digital Development of the Republic of Tatarstan
Сотрудники могут потерять рабочее место Employees may lose their jobs	ИИ может выйти из-под контроля человека AI can get out of human control
Личные данные могут быть не защищены Personal data may not be protected	ИИ не всегда нужен в работе AI is not always required in work
Отсутствует творческое мышление в выполнении работы Lack of creative thinking in doing work	–
Возможна кибератака со стороны иноагентов Possible cyber attack from foreign agents	–
Высокие финансовые издержки на обслуживание High financial costs for maintenance	–
ИИ не сможет проявить эмпатию к клиенту AI will not be able to show empathy to the client	–
Умственные способности самих сотрудников могут с каждым годом снижаться, так как ИИ будет делать основную часть работы Mental abilities of the employees themselves may decrease every year, as AI will do the bulk of the work	–
Рост безработицы/Rising unemployment	–
Отсутствие возможности обучения ИИ Lack of AI training capability	–
Отсутствие эмоциональной привязанности к работе Lack of emotional attachment to work	–

Заключительный вопрос анкеты был о наличии предложений по внедрению инноваций и ИИ в государственную сферу. Результаты представлены в табл. 3.

Заключение

В проведенном пилотном исследовании было выявлено, что инициатива по внедрению инноваций в органы власти исходит именно от руководителей отдела/подразделения государственного органа. Именно они заинтересованы в привлечении инноваций, а у опрошенных респондентов (государственных служащих) на момент заполнения анкеты не было инициативы и инновационных идей.

Авторами выявлено и проанализировано отношение государственных служащих к внедрению инноваций. Отметим, что большинство опрошенных двух министерств (МТЗ и СЗ РТ – 57 % (17 чел.), Минцифра РТ – 67 % (20 чел.)) имеют нейтральное отношение к внедрению инноваций.

Таблица 3. Предложения государственных служащих по внедрению инноваций и ИИ в государственную сферу

Table 3. Proposals of civil servants on the introduction of innovations and AI in the public sphere

МТЗ и СЗ РТ/Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan	Минцифра РТ/Ministry of Digital Development of the Republic of Tatarstan
Необходимо заранее подготовить персонал к будущему внедрению инноваций или ИИ It is necessary to prepare staff in advance for the future implementation of innovations or AI	Разработать систему по внедрению инноваций или ИИ Develop a system for introducing innovation or AI
Можно разработать программу по постепенному внедрению инноваций или ИИ You can develop a program for the gradual introduction of innovations or AI	Использовать систему поощрения для сотрудников, которые реализуют инновацию Use a reward system for employees who implement innovation
Сократить бюрократию при внедрении инноваций или ИИ Reduce bureaucracy when introducing innovation or AI	Инновации не должны носить формальный характер Innovation should not be formal
Целостно организовывать внедрение инноваций Organize innovation implementation holistically	Разработать систему инициатив от сотрудников по внедрению конкретной инновации Develop a system of initiatives from employees to implement a specific innovation
Необходима совместная работа специалистов разного профиля Collaboration between specialists from different fields is required	Необходимо после внедрения инновации обучать сотрудника новому навыку на рабочем месте After introducing innovations, it is necessary to train employees in new skills in the workplace
Использовать техническое оснащение организации без вреда для основной работы сотрудников Use the organization technical equipment without harming the main work of employees	Объяснять и разъяснять цель внедрения инноваций или ИИ сотрудникам Explain and clarify the purpose of innovation or AI to employees
Необходимы апробация и время для каждой инновации Every innovation needs testing and time	Организовывать дополнительные исследования (опросы, интервью) по выявлению необходимых инноваций Organize additional research (surveys, interviews) to identify necessary innovations
Инновация должна быть интуитивно понятной и простой в работе Innovation must be intuitive and easy to use	Разработать регламент, законодательство по внедрению инновационной идеи Develop regulations and legislation for the implementation of innovative ideas
Необходимо модернизировать систему управления для успешного внедрения инноваций или ИИ It is necessary to modernize the management system for the successful implementation of innovations or AI	Разработать показатели по оценке эффективности внедренной инновации Develop indicators to assess the effectiveness of the introduced innovation
Набирать дополнительные кадры для реализации конкретной инновации и ИИ Recruit additional personnel to implement a specific innovation and AI	–

Респонденты указали по семь причин нейтрального или отрицательного отношения к внедрению инноваций, некоторые из них: сложно применять инновации в работе; инновации могут принести технические сбои в основной работе; инновации могут не принести эффективности, а ресурсы будут потрачены. Отметим, что отношение респондентов к внедрению инноваций обуславливается страхом последствий. Сотрудники опасаются, что из-за инноваций может пострадать основная работа. Данное заключение аналогично доказано в теоретическом анализе Н.Л. Ивановой и Е.Н. Дубиненковой.

Отметим, что в Минцифре РТ, в отличие от МТЗ и СЗ РТ, где большинство опрошенных государственных служащих (83 %, 25 чел.) относятся к ИИ нейтрально, результаты иные: 93 % (28 чел.) относятся к ИИ положительно. Стоит сделать акцент, что полученные данные напрямую связаны со спецификой исполнительного органа власти, где главная задача министерства состоит в цифровом развитии и внедрении инновационных технологий в работу государственного органа.

При изучении причин нейтрального и отрицательного отношения государственных служащих к внедрению ИИ (проблемы конфиденциальности и безопасности личной информации сотрудников и клиентов; сильная зависимость от информационных технологий – сотрудники перестанут самостоятельно проводить расчеты; отсутствие обратной связи – ИИ не сможет оценить и дать обратную связь по анализу) было выявлено, что их отношение к ИИ аналогично внедрению инноваций, которое оправдывается страхом и неопределенностью.

В рамках дальнейших исследований планируется провести социологический опрос специалистов и руководителей подразделения других министерств, проанализировать их отношение к инновациям и ИИ, а также в сравнении увидеть динамику изменения отношения государственных служащих в 2023 и 2024 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akhmerova V.M., Maksimova V.M. Analysis of factors affecting the effective work of a civil servant in the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan and the Ministry of Digital Development of the State Administration of Information Technologies and Communications of the Republic of Tatarstan // International Conference. Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. – Beijing, PRC, 2023. – Part 2. – № 2. – P. 9–15.
2. Ахмерова В.М., Максимова М.Н. Анализ выполнения основных индикаторов оценки эффективности деятельности Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Бурятия (28–29 сентября 2023 г.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2023 – С. 26–27.
3. Барциц И.Н. Государственное управление // Энциклопедия государственного управления в России. В 2 т. Т. 1: А–М. – М.: РАГС, 2018. – С. 128–130.
4. Вишняков В.Г. Структура управления // Энциклопедия государственного управления в России. В 2 т. Т. 2. – М.: РАГС, 2018. – С. 291–292.
5. Федорченко С.Н. Элита и её политический режим в условиях сетевых коммуникаций // Журнал политических исследований. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 70–83.
6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 (ред. от 15.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения 10.02.2024).
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения 10.02.2024).
8. Ежов Д.А., Коняев С.В. Тенденции и перспективы трансформации современного мирового порядка // Геополитический журнал. – 2016. – № 3 (15). – С. 61–65.
9. Никаева Р.М., Шардан С.К. Инновации государственного и муниципального управления // ФГУ Science. – 2022. – № 1 (25). – С. 89–94.
10. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. – М.: Наука, 1987. – 294 с.
11. Иваненко Л.В., Киселева О.Н. Применение метода управления проектами как инновация в государственном и муниципальном секторе // Вестник Самарского университета. Серия «Экономика и управление». – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 75–83.
12. Покидов А.А. Применение инновационных технологий в государственном и муниципальном управлении в контексте европейских стандартов // Экономика и социум. – 2020. – № 4 (71). – С. 75–79.
13. Андруник А.П., Суглобов А.Е., Руденко М.Н. Кадровая безопасность. Инновационные технологии управления персоналом. – М.: Дашков и Ко, 2020. – 508 с.
14. Косоруков А.А. Технологии искусственного интеллекта в современном государственном управлении // Социодинамика. – 2022. – № 5. – С. 43–58.

15. Карапетян Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в государственном управлении // Формула менеджмента. – 2020. – № 1. – С. 1–6.
16. Иванова Н.Л., Дубиненкова Е.Н. Внедрение инноваций в сфере государственного управления: проблемы и факторы // Вопросы управления. – 2014. – № 4 (10). – С. 33–45.
17. Елисеев А.С. Искусственный интеллект. Что это: условное название или реальное намерение создать? – Москва: Дашков и К, 2018. – 34 с.
18. Кузнецова А.В., Самыгин С.И., Радионов М.В. Искусственный интеллект и информационная безопасность общества: монография. – Москва: Русайнс, 2021. – 117 с.
19. Лукьянченко В.В. Размышления о перспективах симбиоза «человеческого» и «машинного» правосудия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8 (99). – С. 71–76.
20. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование: монография. – Москва: ЮНИТИ, 2022. – 112 с.
21. Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2020. – № 1. – С. 41–53.

Информация об авторах

Виктория Максимовна Ахмерова, ассистент кафедры экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета, Россия, 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 49; viktoria20001998@yandex.ru

Маргарита Николаевна Максимова, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета, Россия, 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 49; soc90@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2024

Поступила после рецензирования: 18.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Akhmerova V.M., Maksimova V.M. Analysis of factors affecting the effective work of a civil servant in the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan and the Ministry of Digital Development of the State Administration of Information Technologies and Communications of the Republic of Tatarstan. *International Conference. Scientific research of the SCO countries: synergy and integration*. Beijing, PRC, 2023. P. 2, no. 2, pp. 9–15.
2. Akhmerova V.M., Maksimova M.N. Analysis of the implementation of the main indicators for assessing the effectiveness of the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Republic of Tatarstan. *Forms and methods of social work in various spheres of life. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude, September 28–29, 2023. Ulan-Ude, VSGUTU Pub. House, 2023. pp. 26–27. (In Russ.)
3. Bartsits I.N. Public administration. *Encyclopedia of public administration in Russia*. Vol. 1: A–M. Moscow, RAGS Publ., 2018. pp. 128–130. (In Russ.)
4. Vishnyakov V.G. Management structure. *Encyclopedia of public administration Russia*. Vol. 2. Moscow, RAGS Publ., 2018. pp. 291–292. (In Russ.)
5. Fedorchenko S.N. The elite and its political regime in the conditions of network communications. *Journal of Political Research*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 70–83. (In Russ.)
6. *On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030”)*. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019. No. 490 (as amended on February 15, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (accessed 10 February 2024).
7. *On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030*. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203. (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/71670570/> (accessed 10 February 2024).
8. Ezhov D.A., Konyaev S.V. Trends and prospects for the transformation of the modern world order. *Geopolitical Journal*, 2016, no. 3 (15), pp. 61–65. (In Russ.)

9. Nikaeva R.M., Shardan S.K. Innovations of state and municipal management. *FGU Science*, 2022, no. 1 (25), pp. 89–94. (In Russ.)
10. Kurashvili B.P. *Essay on the theory of public administration*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 294 p. (In Russ.)
11. Ivanenko L.V., Kiseleva O.N. Application of the project management method as an innovation in the public and municipal sectors. *Bulletin of Samara University. Series "Economics and management"*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 75–83. (In Russ.)
12. Pokidov A.A. Application of innovative technologies in state and municipal management in the context of European standards. *Economy and Society*, 2020, no. 4 (71), pp. 75–79. (In Russ.)
13. Andrunik A.P., Suglov A.E., Rudenko M.N. *Personnel security. Innovative technologies for personnel management*. Moscow, Dashkov and Co., 2020. 508 p. (In Russ.)
14. Kosorukov A.A. Artificial intelligence technologies in modern public administration. *Sociodynamics*, 2022, no. 5, pp. 43–58. (In Russ.)
15. Karapetyan D.V. Prospects for the use of artificial intelligence in public administration. *Management Formula*, 2020, no. 1, pp. 1–6. (In Russ.)
16. Ivanova N.L., Dubinenkova E.N. Introduction of innovations in the field of public administration: problems and factors. *Management Issues*, 2014, no. 4 (10), pp. 33–45. (In Russ.)
17. Eliseev A.S. *Artificial intelligence. What is this: a conventional name or a real intention to create?* Moscow, Dashkov and K Publ., 2018. 34 p. (In Russ.)
18. Kuznetsova A.V., Samygin S.I., Radionov M.V. *Artificial intelligence and information security of society*. Moscow, Rusnigs Publ., 2021. 117 p. (In Russ.)
19. Lukyanchenko V.V. Reflections on the prospects for the symbiosis of "human" and "machine" justice. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*, 2021, no. 8 (99), pp. 71–76. (In Russ.)
20. Morkhat P.M. *Legal personality of artificial intelligence units: civil legal research*. Moscow, UNITY Publ., 2022. 112 p. (In Russ.)
21. Fedorchenko S.N. The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: problems of legitimacy, information security and "soft power". *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "History and political sciences"*, 2020, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.)

Information about the authors

Victoria M. Akhmerova, Assistant, Kazan State Medical University, 49, Butlerov street, Kazan, 420012, Russian Federation; Viktoria20001998@yandex.ru

Margarita N. Maksimova, Dr. Sc., Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Social Work, Kazan State Medical University, 49, Butlerov street, Kazan, 420012, Russian Federation; soc90@mail.ru

Received: 20.05.2024

Revised: 18.08.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 355.01

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1721

Шифр специальности ВАК: 22.00.08

Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий: ключевые проблемы и механизмы управления

А.Г. Каримов, Л.А. Герасимова✉

*Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное
подразделение Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Россия, г. Уфа*

✉ljudmila-shagieva@mail.ru

Аннотация. Актуальность: исторический опыт свидетельствует о том, что проблема ресоциализации участников боевых действий оказывает существенное влияние на социальную безопасность и устойчивость развития общества в поствоенное время. В связи с событиями, вызванными геополитической нестабильностью и проведением СВО, данная тема вновь приобретает актуальность для современного российского общества, так как от эффективности процессов ресоциализации во многом будут зависеть не только здоровье и благополучие военнослужащих, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, но и важнейшие показатели социально-экономического развития страны в целом. **Проблема исследования:** ввиду значительного увеличения числа участников боевых действий на протяжении последних лет возникает необходимость разработки комплексной социальной программы по оказанию помощи в социальной адаптации и ресоциализации данной категории лиц. В настоящее время закрепленные на федеральном и региональном уровне правовые стандарты подобные практики не учитывают, в связи с чем возникает опасность вхождения бывших военнослужащих в группу социального риска. Особую значимость обретает разработка дополнительных мер по восстановлению и диверсифицированию социального капитала участников боевых действий, включающего в себя три базовых сегмента – социальные связи, ценности и нормы. **Цель:** разработать меры поддержки участников боевых действий с использованием структурных составляющих социального капитала, ориентированных на повышение эффективности процесса ресоциализации. **Методы:** методы анализа и синтеза, сравнения, обобщения и систематизации, аналогии. **Результаты:** выявлено, что эффективность ресоциализации в значительной степени обусловлена степенью задействования в процесс базовых сегментов социального капитала; доказана целесообразность введения мер дополнительной поддержки военнослужащих с использованием первичного социального капитала (уровень семьи и малых групп) и вторичного (трудовые коллективы, общественные организации, социум); разработаны дополнительные меры поддержки, направленные на повышение эффективности ресоциализации участников боевых действий; установлено, что социальный капитал военнослужащих в случае неэффективной ресоциализации может обретать негативные, деструктивные формы проявления. **Выводы:** разработанный в настоящее время комплекс мер поддержки участников СВО содержит множество направлений, затрагивающих практически все сферы жизни, но тем не менее существенным упущением остается то, что они носят преимущественно нормативный характер, не учитывая при этом в полной мере социально-психологические проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие после возвращения к мирной жизни. Для повышения эффективности предпринятых мер необходима переориентация с нормативного подхода на процессный, позволяющий взглянуть на ресоциализацию военнослужащих как на ряд этапов, на каждом из которых должны вводиться соответствующие виды помощи в выборе и проработке целевых ориентиров. Кроме того, особое внимание должно уделяться мерам восстановления дефлектированных ранее моделей поведения, основанных на утраченных ценностях, нормах и социальных связях – базовых сегментах социального капитала.

Ключевые слова: участники боевых действий, ресоциализация, социальная адаптация, посттравматическое стрессовое расстройство, социальный капитал, помощь участникам специальной военной операции

Благодарности: данное исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

Для цитирования: Каримов А.Г., Герасимова Л.А. Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий: ключевые проблемы и механизмы управления // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 24–33. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1721

UDC 355.01

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1721

Social capital as a factor in resocialization of combatants: key problems and management mechanisms

A.G. Karimov, L.A. Gerasimova✉

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

✉ljudmila-shagieva@mail.ru

Abstract. Relevance. Historical experience shows that the problem of resocialization of combatants has a significant impact on social security and sustainability of social development in post-war times. In relation to the events caused by geopolitical instability and the military operations, this topic is once again becoming relevant for modern Russian society, since not only the health and well-being of military personnel who took direct part in hostilities, but also the most important indicators will largely depend on the effectiveness of the resocialization processes of socio-economic development of the country as a whole. **Research problem.** Due to a significant increase in the number of combatants over the past three years, there is a need to develop a comprehensive social program to assist in social adaptation and resocialization of this category of people. Currently, the legal standards established at the federal and regional levels do not take these practices into account, and therefore their effectiveness is significantly reduced. Taking this circumstance into account, there is a need to introduce additional measures to restore and diversify the social capital of combatants, which includes three basic segments: social connections, values and norms. **Aim.** To develop measures to support combatants using the structural components of social capital, aimed at increasing the efficiency of the resocialization. **Methods.** Analysis and synthesis, comparison, generalization and systematization and analogy. **Results.** The authors have revealed that the resocialization effectiveness is largely determined by the degree of involvement of basic segments of social capital in the process; proved the feasibility of introducing measures of additional support for military personnel using primary (family and small group level) and secondary (work collectives, public organizations, society) social capital; developed additional support measures aimed at increasing the effectiveness of the resocialization of combatants; established that the social capital of military personnel in the case of ineffective resocialization can take on negative, destructive forms of manifestation; substantiated the need to differentiate resocialization of combatants into three basic stages and to introduce management practices at each of them to increase the efficiency of the implementation of this process. **Conclusions.** The currently developed set of measures to support participants in a special military operation contains many areas that affect virtually all areas of life, but nevertheless, a significant omission remains that they are primarily of a normative nature, without fully taking into account the socio-psychological problems that military personnel face upon returning to civilian life. To increase the effectiveness of the measures taken, it is necessary to reorient from a normative approach to a process approach, which allows us to look at the resocialization of military personnel as a series of stages, at each of which appropriate types of assistance should be introduced in the selection and development of target guidelines. In addition, special attention should be paid to measures to restore previously deflected patterns of behavior based on lost values, norms and social relations – the basic segments of social capital.

Keywords: combat participants, resocialization, social adaptation, post-traumatic stress disorder, social capital, assistance to participants in special military operations

Acknowledgments: This research was carried out within the framework of the state assignment of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025.

For citation: Karimov A.G., Gerasimova L.A. Social capital as a factor in the resocialization of combatants: key problems and management mechanisms. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 24–33 DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1721

Введение

Вооруженные конфликты влекут за собой множество разрушительных последствий, пагубно влияющих на социально-экономические процессы даже после окончания боевых действий. В первую очередь к их числу относятся проблемы реинтеграции и ресоциализации участников боевых действий. Как показывает практика, демобилизованные военнослужащие в большинстве случаев испытывают трудности при возвращении в социальное пространство мирной жизни, налаживании социальных связей и освоении гражданских специальностей. Барьеры психической, профессиональной и социальной адаптации приводят к тому, что ветераны боевых действий попадают в группу риска лиц с асоциальным поведением. В целях нивелирования данной проблемы особую актуальность приобретает внедрение механизмов управления и практик по оказанию помощи демобилизованным в процессе их интеграции в социум. В современных условиях данная тема затрагивает в первую очередь интересы участников СВО (специальной военной операции).

Материалы и методы исследования

В рамках представленной темы были рассмотрены материалы по социологии и психологии, позволившие адаптировать ключевые аспекты процесса ресоциализации под современные реалии. К их числу относятся труды зарубежных исследователей (Н. Бреслау, Дж. Борус, Р. Габриэль, Ф.Б. Дэвидсон, М. Фрейдман [1–5]) и отечественных (А.Я. Анцупов, В.Ф. Бондаренко, А.М. Жуков, А.Г. Караяни, И.Ю. Суркова, И.В. Сыромятников [6–11] и др.). В частности, были проанализированы такие аспекты, как: социально-психологическая интеграция в российское общество участников боевых действий, социально-психологические барьеры адаптации и проблемы диагностики расстройств адаптации у военнослужащих, роль социальных связей в процессе интеграции демобилизованных в социум, вопросы эффективности военной психотерапии, проблемы инклюзии и социальной дезориентации военнослужащих с ограниченными возможностями здоровья, особенности проявления посттравматического стресса у ветеранов боевых действий.

В целях диверсифицирования возможностей изучения поставленной проблемы был применен ретроспективный анализ, позволивший оценить степень опасности проблемы неэффективной ресоциализации, чреватой распространением различных форм девиантного и делинквентного поведения. На основе сравнительного анализа относительно аналогичных ситуаций в других странах сделаны выводы, что определяющую роль в процессе ресоциализации комбатантов (бывших военнослужащих) играют не закрепленные на законодательном уровне меры материальной поддержки, а социальный капитал: социальные связи, нормы и ценности, благодаря которым человек обретает чувство своей значимости, единения с социумом. Также в целях анализа реализуемых на сегодняшний день мер поддержки участников СВО в РФ были рассмотрены нормативно-правовые документы различного уровня, в том числе:

- Федеральный закон № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 07.11.2011;

- Федеральный закон № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998;
- Федеральный закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998;
- Федеральный закон № 5-ФЗ «О ветеранах» от 12.01.1995;
- Указ президента РФ № 787 от 02.11.2022 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации»;
- Постановления Правительства РФ: № 2278 от 09.12.2022, № 99 от 26.01.2023, № 1046 от 28.06.2023, № 1933 от 29.10.2022;
- Распоряжение Президента РФ от 06.06.2023 № 174-рп «О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей».

При разработке практических рекомендаций был применен системный подход, позволяющий обозначить траектории совершенствования управленческой деятельности относительно процессов ресоциализации военнослужащих.

Социальный капитал как фактор ресоциализации участников боевых действий

В той или иной степени общество оказывает существенное влияние на процесс ресоциализации участников боевых действий вне зависимости от их социального статуса, уровня образования и профессиональной принадлежности. Большую роль при этом играет социальный капитал, представляющий собой систему социальных связей, ценностей (в том числе доверия) и норм, направленных на приращение социально-экономических благ. Процесс интеграции в социум после демобилизации во многом детерминирован данными структурными составляющими, так как бывшие военнослужащие должны вновь принять нормы поведения и обрести ценности, в корне отличающиеся от тех, что были освоены в период боевых действий.

В данной ситуации ключевыми аспектами ресоциализации выступают доверие и поддержка, оказываемые участникам боевых действий со стороны общества. Высокий уровень доверия, уважение и признание в социуме определяют успешность восстановления социальных связей в трудовой и общественной деятельности демобилизованных. Возвращаясь к гражданской жизни, они должны чувствовать себя частью общества, в противном случае возникает угроза возникновения социальной отчужденности и изоляции, результатом которой станет вхождение данной категории лиц в группу социального риска. Поэтому меры помощи и поддержки, разрабатываемые на уровне государства, должны включать в себя не только материальные, социальные и психологические аспекты, но и конкретные механизмы, позволяющие демобилизованным стать частью гражданского общества.

В настоящее время на федеральном и региональном уровнях принят единый комплекс мер, ориентированных на поддержку участников СВО и их семей. В общей сложности он включает 20 направлений, которые условно можно объединить в следующие блоки:

- 1) меры материальной поддержки (денежные выплаты, компенсация части расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, капремонт);
- 2) социальные и бытовые услуги (обеспечение сохранности транспортных средств, бесплатные социальные услуги на дому в стационарной или полустационарной форме);
- 3) льготы (по уплате транспортного налога; предоставление льготного горячего питания детям участников СВО, освобождение от платы, взимаемой в детских садах; внеочередное зачисление в учебные заведения и группы продлённого дня; бесплатные занятия в кружках и секциях, льготное посещение учреждений культуры);

- 4) психологическая помощь (оказание бесплатной психологической помощи членам семей участников СВО).

Как видно из представленного перечня, базовые сегменты социального капитала в реализуемых на сегодняшний день мерах не учитываются, так же как не учитываются механизмы ресоциализации, определяющие уровень социального благополучия ничуть не меньше, чем материальные и психологические виды поддержки.

В данном случае вполне возможно повторение ситуации прошлых лет, когда многие военнослужащие и добровольцы, вернувшиеся из горячих точек, так и не смогли интегрироваться в социум и начали вести асоциальный образ жизни. В начале 1990-х гг. организованные преступные группировки, состоявшие из ветеранов Афганистана и Чечни, появились в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Иркутске, Красноярске и других городах. Показательным примером служит также экстремистская деятельность добровольцев, принимавших участие в Абхазской войне 1992–1993 гг. В 1994 г., во время Первой чеченской войны, «абхазский батальон» под руководством Шамиля Басаева выступил против федеральных войск, а после разгрома в июне 1995 г. уцелевшие участники конфликта объединились в преступные террористические группировки, совершившие множество крупных терактов.

Данные примеры наглядно демонстрируют то, что социальный капитал, установленный в группах участников боевых действий, может носить деструктивный, разрушительный характер. Важнейшие ценности и нормы, выраженные в форме доверия, взаимной поддержки и общности целей, в данном случае приобрели асоциальную направленность и повлекли за собой ряд негативных последствий. Для того чтобы избежать повторения подробных проблем в современных условиях, механизмы ресоциализации должны быть реализованы не только посредством мер господдержки, но и целенаправленной деятельности по восстановлению социального капитала бывших военнослужащих, расширения спектра их социальных связей в соответствии с общепринятыми нормами и ценностями.

Обсуждение результатов: ключевые аспекты и этапы процесса ресоциализации участников боевых действий

Под ресоциализацией понимается процесс восстановления социальных связей и ролей человека, оказавшегося под воздействием определенных факторов вне общества и его социально-правовых норм. Подобными факторами являются травмирующие события, неизбежно влияющие на психологическое состояние человека и его самосознание. Важно отметить, что ресоциализация существенно отличается от других ключевых понятий, затрагиваемых в рамках данного исследования, таких как реадaptация и реинтеграция. В фокусе рассматриваемого семантического поля реадaptация представляет собой первую ступень вхождения участников боевых действий в социальное пространство. На данной стадии отслеживается налаживание социальных связей и приспособление к новым условиям жизнедеятельности. На стадии реинтеграции происходит полное вхождение в социум и освоение новых либо возобновление утраченных социальных ролей, формируются устойчивые социальные отношения с другими социальными субъектами. После успешного прохождения данных ступеней происходит ресоциализация, при которой человек не просто живёт по законам социума, но и начинает реализовывать свой потенциал, приносить пользу обществу, менять в лучшую сторону реалии социальной среды, в которой он находится.

Анализ исследований в области рассматриваемой проблематики позволяет сделать вывод о необходимости разграничения процесса ресоциализации на три основных этапа: подготовительный этап (этап психологического покоя и диагностики состояния здоровья), этап первичной ресоциализации (возвращение в привычную социальную среду и налаживание социальных связей), этап вторичной ресоциализации (подключение к общественной деятельности, трудоустройство, обучение гражданским профессиям, организация свободного времени

посредством выбора наиболее подходящих видов спорта и культурного досуга). Отдельно можно выделить ещё и заключительный этап, характеризующийся окончанием ресоциализации военнослужащего и его интеграции в общество. На данном этапе полезно будет провести повторную диагностику, скорректировать программу в случае отсутствия ожидаемого результата.

Данный подход к поэтапному процессу ресоциализации позволит отслеживать ключевые проблемы и трудности, с которыми сталкивается участник боевых действий после возвращения к мирной жизни. Рассмотрим их более подробно.

Подготовительный этап. Применяя терминологию, используемую профессором А.Г. Караяни, можно назвать данный этап «психологическим карантином». Он представляет собой специальный период жизнедеятельности, во время которого демобилизованные могли бы пройти диагностику состояния физического и психического здоровья и получить в случае необходимости соответствующую помощь.

При этом важно помнить, что многие военнослужащие считают работу с психологом проявлением слабости, чем-то неприемлемым для своего социального статуса. Как показывает практика, основная часть предпочитает иные пути сглаживания психологического напряжения, в том числе при помощи употребления алкоголя. Введение в обязательном порядке систематических сеансов психотерапии для всех участников боевых действий во многом способствовало бы решению не только проблемы ПТСР, но и её побочных асоциальных явлений, в том числе алкоголизма, преступности, травматизма, семейного насилия.

Основной целью мероприятий, проводимых в данный период должно стать снятие психической напряженности и психологическая подготовка демобилизованных к мирным условиям жизнедеятельности. Необходимо, с одной стороны, исключить вторичную психотравматизацию ветеранов боевых действий при столкновении с обстоятельствами мирной жизни, а с другой – защитить общество от неподготовленного возвращения в него людей с «военизированной психикой» [11].

Ещё одним важным аспектом ресоциализации на подготовительном этапе является введение *адаптационных карт участников боевых действий*.

Данные карты могут включать следующие вопросы: планы и пожелания демобилизованных относительно дальнейшего трудоустройства, получения образования, переобучения и переквалификации, смены места жительства и переезда в другой населенный пункт. Представляется возможным также введение вопросов относительно того, в каких видах помощи и поддержки нуждается участник СВО. В качестве приложения к карте целесообразно включить перечень социальных программ, льгот и услуг, список адресов и телефонных номеров учреждений, занимающихся решением проблем участников СВО.

Обработка информации, полученной из данных карт, может производиться многофункциональными центрами при содействии центров занятости, социальных служб и образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования. В дальнейшем с учётом пожеланий военнослужащих может быть осуществлён подбор соответствующих предложений со стороны рынка труда и занятости, выбраны услуги, предоставляемые социальными службами.

Данный этап является первым и наиболее сложным в процессе ресоциализации участников боевых действий. В случае его успешного прохождения, можно будет приступать ко второму.

Второй этап (этап первичной ресоциализации) характеризуется возвращением демобилизованного в привычную социальную среду и налаживанием социальных связей. На данном этапе первостепенную роль играет то, насколько подготовленным к возвращению военнослужащего окажется его ближайшее окружение, в первую очередь – семья.

Необходимо помнить, что из-за постоянных переживаний за жизнь и здоровье близкого человека члены семьи военнослужащего также находятся в состоянии длительного стресса, а это не может не отразиться на их психологическом самочувствии. Кроме того, члены семьи часто склонны идеализировать будущее после возвращения военнослужащего домой, и, сталкиваясь с проявлениями ПТСР, не знают, как на них реагировать. В подобной ситуации нужно проинформировать близких родственников о том, как следует вести себя в случае агрессивного или депрессивного поведения демобилизованного, какие меры следует предпринять в случае проявления различных форм девиаций и к каким специалистам можно обратиться за помощью. Наиболее эффективными в данной ситуации могут стать сеансы семейной психотерапии. Как показывает практика, здоровые отношения в семье, основанные на доверии и понимании, оказывают гораздо большее воздействие на социализацию личности, чем нормы и правила социальных институтов. Именно в семье проходит первичная социализация личности, в семье человек усваивает основные модели поведения и учится выстраивать социальные отношения. То же самое можно проследить и относительно ресоциализации военнослужащих. Возвращение к мирной жизни должно проходить через принятие и поддержку со стороны близких родственников и только потом – социальных институтов общества.

Важным аспектом на данном этапе является также восстановление и поддержание здоровья демобилизованных. Как известно, все ветераны боевых действий должны обслуживаться государственными медучреждениями вне очереди. Но так как в ближайшее время количество их сильно возрастет, представляется возможным решить данную проблему при помощи полисов ДМС. При реализации данной меры участники боевых действий, имеющие отклонения по показателям здоровья, смогут обслуживаться в платных клиниках на льготных условиях.

Третий этап (этап вторичной социализации). Следующим важным шагом является обеспечение психологически безопасного вхождения военнослужащего в «мирное русло социальной среды».

История советско-афганской и двух чеченских войн показывает, что по окончании боевых действий у вернувшихся с войны возникают проблемы не только с налаживанием социальных связей, но и с материальным обеспечением, трудоустройством. В результате возрастает риск роста преступности. В современных условиях вполне может повториться ситуация 1990-х, когда во многих таких объединениях основную часть составляли бывшие ветераны – «афганцы» и «чеченцы». Происходило это чаще всего именно в силу экономических причин.

В сложившихся условиях проводимой СВО данный вопрос приобретает особую остроту в силу того, что многие из числа добровольцев являются заключенными. Помимо прочих трудностей приобщения к нормам социальной среды они неизбежно столкнутся с такими проблемами, как ограниченный доступ к рабочим местам, где обязательное требование – отсутствие судимости.

Учитывая вышесказанное, важно на этапе интеграции в социальное пространство вовлечь демобилизованных в сферу занятости и общественную деятельность. Одним из направлений реализации данной цели является проведение собраний при участии сотрудников муниципальных органов власти для выяснения проблем и нужд бывших военнослужащих и их семей, обсуждение возможностей оказания им посильной помощи в вопросах социализации и трудоустройства.

Для решения проблем, связанных с занятостью, возможно введение практики квотирования рабочих мест в организациях и на предприятиях. Для участников, не имеющих судимости, – устройство в войска национальной гвардии Российской Федерации. Для лиц, желающих получить образование, пройти переобучение или повышение квалификации, должны быть введены соответствующие льготы для реализации данных целей.

Заключительный этап ресоциализации характеризуется вхождением в социум, принятием его норм, налаживанием социальных связей. Но даже на этом этапе заканчивать работу с участниками СВО ни в коем случае нельзя.

Как отмечалось выше, ресоциализация военнослужащих является не просто комплексом мероприятий, но и представляет собой процесс, протяженность которого может варьироваться от нескольких месяцев до нескольких лет. С этой целью необходимо организовать курирование участников боевых действий, вернувшихся к гражданской жизни, социальными работниками и психологами. Для лиц, находившихся ранее в местах лишения свободы, предлагается ввести дополнительное курирование участковыми уполномоченными полиции.

В обязательном порядке каждый участник боевых действий должен иметь доступ к следующим услугам:

- предоставление юридической помощи в вопросах получения положенных материальных выплат, льгот и услуг;
- обеспечение участников боевых действий, нуждающихся в реабилитации, бесплатными путёвками в санаторно-курортные учреждения;
- прохождение регулярных медицинских осмотров при участии врачей-психотерапевтов после возвращения из зоны боевых действий;
- обеспечение доступа на льготных условиях к посещению учреждений культуры и спортивно-оздоровительных комплексов.

При реализации всех обозначенных мер ключевую роль играет то, как общество настроено по отношению к участникам боевых действий. Зарубежный опыт решения данной проблемы свидетельствует о том, как грамотно организованная работа по ресоциализации способна повлиять на дальнейшую полноценную жизнь военнослужащих. Поэтому не только военнослужащие должны быть подготовлены к возвращению в общество, но и само общество должно быть готово к их возвращению.

Заключение

Резюмируя вышесказанное нельзя оставить без внимания тот факт, что последствия, к которым приводят военные действия, остаются надолго даже после их благополучного завершения. Физические и психологические травмы, получаемые участниками боевых действий, на протяжении нескольких десятилетий способны влиять на уровень социально-экономического развития общества, создавая проблемы в виде демографического спада и различных форм асоциальных явлений.

К сожалению, вопросы управления процессами ресоциализации бывших военнослужащих на сегодняшний день проработаны довольно слабо, чем и обуславливается высокий уровень девиантного поведения среди данной категории лиц.

В рамках проведенного исследования были сделаны выводы, что для повышения эффективности мер помощи бывшим военнослужащим необходимо использование не только нормативно-правовой основы, но и базовых сегментов социального капитала на каждом этапе ресоциализации. Также помимо систематизации и переориентации на процессный подход требуется внедрение дополнительных мер поддержки, таких как:

- применение обязательной психологической помощи на подготовительном этапе ресоциализации;
- введение адаптационных карт участников боевых действий;
- применение методов семейной психотерапии;
- обеспечение полисами ДМС;
- введение практики квотирования рабочих мест в организациях и на предприятиях;

- организация для участников СВО встреч с органами власти и вовлечение их в общественную деятельность.

Важным при реализации данных мер является использование первичного социального капитала (уровень малых групп, семьи) и вторичного (трудовые коллективы, общественные организации), выраженного в форме социальных связей, норм и ценностей.

Введение подхода, основанного на поэтапном вхождении бывшего военнослужащего в общество, значительно отличается от применяемого в настоящее время, так как позволяет взглянуть на ресоциализацию как на систематизированный и управляемый процесс. Для его реализации, безусловно, понадобятся дополнительные материальные и административные ресурсы, но все затраты впоследствии будут компенсированы трудовой и социальной активностью демобилизованных, успешно прошедших все этапы ресоциализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Breslau N. Epidemiologic studies of trauma, posttraumatic stress disorder, and other psychiatric disorders // *The Canadian Journal of Psychiatry*. – 2002. – Vol. 47. – № 10. – P. 923–929. DOI: <https://doi.org/10.1177/070674370204701003>.
2. Borus J.F. The reentry transition of the Vietnam veteran // *Armed Forces & Society*. – 1975. – Vol. 2. – № 1. – P. 97–114. URL: <http://www.jstor.org/stable/45345946> (дата обращения 12.03.2024).
3. Gabriel R.A. No more heroes. – New York: Hill a. Wang, 1987. – 179 p.
4. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975 гг.). – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – 814 с.
5. Friedman M.J. Post-Vietnam syndrome: recognition and management // *Psychosomatics*. – 1981. – № 22. – P. 931–942.
6. Анцупов А.Я., Макаренков А.А. Проблема оценки информационно-психологического воздействия на военнослужащих посредством телекоммуникационных технологий // *Военный академический журнал*. – 2020. – № 2 (26). – С. 88–94.
7. Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / под общ. ред. В.Ф. Бондаренко. – М.: Военный ун-т, 2018. – 590 с.
8. Жуков А.М., Корчагин В.В. Методы диагностики суицидального риска военнослужащих: состояние и перспективы их дальнейшего развития // *Человеческий капитал*. – 2020. – № S4 (136). – С. 325–332.
9. Караяни А.Г., Волобуева Ю.М., Дубяга В.Ф. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий. – М.: МГОУ, 2007. – 120 с.
10. Суркова И.Ю. Социальный статус ветеранов вьетнамской войны: отношение общества и социальная защита // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2011. – № 4 (57). – С. 164–180.
11. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.

Информация об авторах

Каримов Айбулат Галимьянович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71; karaigal@gmail.com

Герасимова Людмила Алфисовна, младший научный сотрудник Сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71; ljudmila-shagieva@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.04.2024

Поступила после рецензирования: 10.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Breslau N. Epidemiologic studies of trauma, posttraumatic stress disorder, and other psychiatric disorders. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2002, vol. 47, no. 10, pp. 923–929. DOI: <https://doi.org/10.1177/070674370204701003>.
2. Borus J.F. The Reentry transition of the Vietnam veteran. *Armed Forces & Society*, 1975, vol. 2, no. 1, pp. 97–114. Available at: <http://www.jstor.org/stable/45345946> (accessed 12 March 2024).

3. Gabriel R. A. *No more heroes*. New York, Hill a. Wang, 1987. 179 p.
4. Davidson F.B. *The Vietnam War (1946–1975)*. Moscow, Isographus Publ., Eksmo Publ., 2002. 814 p. (In Russ.)
5. Friedman M.J. Post-Vietnam syndrome: recognition and management. *Psychosomatics*, 1981, no. 22, pp. 931–942.
6. Antsupov A.Ya., Makarenkov A.A. The challenge of assessment of information-psychological impact on service members through telecommunication technologies. *Military academic journal*, 2020, no. 2 (26), pp. 88–94. (In Russ.)
7. *Military sociology: history, theory and practice of research: collective monograph*. Ed. by V.F. Bondarenko. Moscow, Military University Publ., 2018. 590 p. (In Russ.)
8. Zhukov A.M., Korchagin V.V. Methods of diagnostics of suicidal risk of military personnel: state and prospects of their further development. *Human capital*, 2020, no. S4 (136), pp. 325–332. (In Russ.)
9. Karayani A.G., Volobueva Yu.M., Dubyaga V.F. *Socio-psychological integration of combat disabled veterans into Russian society*. Moscow, MGOU Press, 2007. 120 p. (In Russ.)
10. Surkova I.Yu. Social status of Vietnam War veterans: public attitude and social protection. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, no. 4 (57), pp. 164–180. (In Russ.)
11. Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. *Applied military psychology*. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 480 p. (In Russ.)

Information about the authors

Aibulat G. Karimov, Cand. Sc., Leading Researcher, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 71, Oktyabrya avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; karaigal@gmail.com

Lyudmila A. Gerasimova, Junior Researcher, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 71, Oktyabrya avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; ljudmila-shagieva@mail.ru

Received: 18.04.2024

Revised: 10.07.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 101.8:316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Доминанты локальной идентичности

Н.А. Колодий^{1✉}, В.С. Иванова²¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ kolna@tpu.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования локальной городской идентичности связана прежде всего с тем, что в современных условиях любой город совмещает несколько стратегий пространственного развития, а следовательно, определённое множество типов идентичности. Все они нуждаются в точном описании и систематизации, необходимой для того, чтобы дать адекватную интерпретацию города как трансфизического феномена и человека как культурно организованного субъекта. **Методы:** нарративный анализ текстов, созданных ключевыми потребителями и производителями Текста города в широком смысле этого слова. Для анализа разных типов идентичности использовались материалы нескольких исследований, связанных с Томском: интервьюирование горожан, проводившееся с целью выяснения отношения жителей к трансформации города и его общественных пространств в 2022–2023 гг.; отчёты по изучению протестного поведения горожан, обусловленного действиями городских властей, разрушающих, по мнению жителей, «гений места». **Результаты** основаны на интерпретации текстов, размещённых на сайте «Карта историй. Томск», материалов интервьюирования, которые дали возможность трактовать идентичность как приращение смыслов объектам городской среды или в целом городскому пространству, обусловленное общественным и индивидуальным опытом. **Выводы:** процессы формирования городской идентичности находятся в состоянии постоянного конструирования и трансформации, но при сохранении неких констант, связанных с доминирующей системой смыслов, приписываемых реальности.

Ключевые слова: локальная идентичность, нарративный анализ, жизненный мир, стратегии смыслообразования, пространство как трансфизический феномен, человек как культурно-организованный субъект

Для цитирования: Колодий Н.А., Иванова В.С. Доминанты локальной идентичности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 34–48. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

UDC 101.8:316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Dominants of local identity

N.A. Kolodiy^{1✉}, V.S. Ivanova²¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

✉ kolna@tpu.ru

Abstract. Relevance. The fact that in modern conditions any city combines several strategies of spatial development, and, consequently, a certain set of types of identity. All of them need an accurate description and systematization necessary in order to give an adequate interpretation of the city as a transphysical phenomenon and man as a culturally organized subject. **Methods.** Narrative analysis of texts created by the main consumer and producer of the Text of the city in the broadest sense of the word. To analyze different types of identity, materials from several studies related to Tomsk were used: interviews of citizens conducted to clarify the attitude of residents to the transformation of the city and its public spaces in 2022–2023; reports on the study of protest behavior of citizens caused by the actions of the city authorities, destroying, in the opinion of residents, the “genius of the place”. **Results.** Based on the interpretation of texts posted on the History Map website. Tomsk; interview materials that made it possible to interpret identity as giving meanings to objects of the urban environment or the urban space as a whole based on the results of public and individual experience. **Conclusions.** The processes of urban identity formation are in a state of constant construction and transformation, but while maintaining certain constants associated with the dominant system of meanings attributed to reality.

Keywords: local identity, narrative analysis, life world, strategies of meaning formation, space as a transphysical phenomenon, man as a culturally organized subject

For citation: Kolodiy N.A., Ivanova V.S. Dominants of local identity. Journal of Wellbeing Technologies, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 34–48. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Введение

В современной ситуации возникает достаточно большое количество привычных, необычных и неожиданно новых описаний образов города. Причём если цель создания привычных образов города – поддержать, укрепить складывающуюся годами идентичность [1], то цель новых спонтанных нарративов о городе – охарактеризовать благодаря определённой фокусу исследований сложную или мультимодальную природу города и, как следствие, процесс сосуществования нескольких темпоральных ритмов, скоростей, режимов городской жизни [2], а в связи с этим – множество типов локальной (городской) идентичности [3–6].

Новые здания города или один изменившийся локус пространства, новый арт-объект в городе или просто малые архитектурные формы, появившиеся в определённом общественном пространстве и вызывающие интенсивное обсуждение, новые технологии могут сформировать иной образ места и территории или трансформировать тип взаимодействия с пространством, вызвать процесс фрагментации старой и конституирования новой идентичности.

Рефлексия над этими процессами, как считает ряд исследователей, должна способствовать выработке стратегии гармоничного социопро пространственного развития города или обоснованию своеобразного пространственного каркаса для реализации глобальных амбиций города.

Пространственное развитие города противоречиво. Известный учёный М. Дэвис, исследуя урбанизацию в 1980–90-х гг., в своём исходном проекте разделил Лос-Анджелес на несколько сотен фрагментов, которые очень сильно отличались друг от друга [7–9]. В Большом Лос-Анджелесе он выделил около 350 «жизненных миров», интерпретация которых дала представление о городской идентичности.

Спустя почти 40 лет при изучении жизненных миров и практик в городе-университете (сибирском Томске) обнаружено до нескольких десятков относительно автономных миров и пространственных локусов¹. В России, как показывает опыт современных социальных анали-

¹ 13 исторических зон, каждую из которых можно разделить на три: те, кто живёт в полуразвалившихся старинных деревянных зданиях, составляющих средовый фон исторического поселения; те, кто живёт в самостоятельно отреставрированных домах, – в основном художники и интеллигенция; те, кто живёт в отреставрированных государством домах. Городской центр: условный средний класс, проживающий в строениях нового типа; горожане в домах-иконах деревянного зодчества, жители так называемой «деревни в городе», проживающие в «кап-

тиков, в анализе используется социально ориентированный (левацкий/радикальный) – подход урбанизма [9]. Если Дэвис сумел рассмотреть определённую логику в различающихся по форме процессах городских преобразований в центре и на периферии капиталистического мира, то подходы в России базируются на изучении отдельных фрагментов многообразных жизненных миров, изменения которых имеют разную логику. Если для Дэвиса выстраивание более жёсткой иерархии территорий современных городов, уменьшение средних классов, сужение формальной занятости, изменение статуса публичного пространства были главными социальными последствиями волны неолиберальной урбанизации, на фоне которой реконструировались жизненные миры; то для современных российских учёных наиболее типичными причинами этого процесса является усиление культурных различий, многообразие стилей жизни столицы и периферии, разнообразие в повседневных жизненных практиках в разных регионах, неравномерность смартизации городов.

Цель данной работы – построить типологию жизненных миров и локальной городской идентичности, выявляя доминанты этих явлений. Задачи: анализируя разные нарративы (карта историй, свободные интервью), сформировать представление об идентичности горожан, отражённой в них; сравнить разные модели идентичности, связанные с разными стратегиями смыслообразования.

Методология базируется на принципах социального конструктивизма, семиотическом подходе, разработанном классиками культурологии Ю. Лотманом и В. Топоровым.

Для анализа разных типов идентичности использованы материалы нескольких исследований, связанных с Томском: нарративы горожан о городе, точнее – о конкретных местах проживания в городе, чаще всего это проживание в домах, представляющих культурную и историческую ценность; документы интервьюирования горожан, проводившегося с целью выяснения отношения жителей к трансформации города и его общественных пространств в 2022–2023 гг.; отчёты по исследованию протестного поведения горожан, обусловленного действиями городских властей, разрушающих, по мнению жителей, «гений места».

Обзор литературы

По работам Р. Колхааса, Ф. Кука, Д. Логана, Х. Молоча, М. Руссо, С. Сассен, Э. Сойи Н. Трифта вполне определённо можно выделить не только стратегии описания современного города, но и охарактеризовать то, что в урбанизированном пространстве противоречиво, неоднозначно и вызывает максимальное напряжение дискурсивного обсуждения [10–17]. Пространственный поворот потребовал «переопределения», реконцептуализации пространства: оно стало пониматься гораздо отчётливее как носитель социальных и символических значений и как культурно нагруженная категория.

N. Brenner, Ch. Schmid удалось суммировать эти изменения в семи тезисах. В одном из первых тезисов они констатировали, что сегодня «город меньше всего представляет собой эмпирический объект, скорее, он – сконструированная модель: его выделение как зоны мысленной, репрезентируемой реальности является плодом фантазии и воображения; теоретической концептуализации». По их мнению, «многообразие процессов планетарной урбанизации» так велико, что его не смоделировать, даже учитывая все нюансы исторического, культурного контекста» [18].

Российские исследователи, репрезентирующие это направление, создавали целостный образ города с целью разработки рекомендаций по устранению или сглаживанию пространственного и социального неравенства и демонстрировали преимущество некоторых способов

сулах времени»; жители новых микрорайонов (люди, воспринимающие город как транзитное место); жители традиционных уважаемых районов; жители стагнирующих спальных микрорайонов. Все вместе это образует многообразие жизненных миров.

преодоления неравенства (последователи О. Трущенко) [19]. Гипотезы, которые в этом контексте наиболее популярны: первая – современные технологии усиливают все формы неравенства, вторая – умные технологии ослабляют их. В зависимости от этого выстраиваются и стратегии идентичности. С этим же связаны попытки собрать город по новому, чтобы избежать упрощения, адекватно описать тактики геттоизации, сегрегации². Хотя понятно, что эти процессы не имеют одной явно выраженной формы [20].

Е. Асс, А. Высоковский, В. Глазычев, И. Добрицына, В. Паперный развивают ту же тему усложнения природы города и исследуют дробность жизненных миров горожан. В трудах вышеперечисленных авторов город последовательно изучался как некая сложная экосистема, минимальное воздействие на которую меняет очертания целого, особенности стилей жизни [21–25].

Междисциплинарные урбанистические исследования (П. Вайль, Г. Горнова, Б. Гройс, О. Запорожец, О. Калачёва, С. Кропотов, М. Маяцкий, Г. Ревзин, С. Ромашко, Е. Трубина) также определяют пересборку города в её нынешнем виде и связанные с ней изменения идентичности [5, 26–35]. В современном российском, особенно – провинциальном, нестоличном контексте пересборка принципиально иная: в её рамках невозможно игнорировать более сильные противоречия в городской жизни – интеграцию и фрагментацию, статичность и изменение, множественность и единство, появление несопоставимых в каком-то смысле локусов и жизненных миров.

В российских городах изучение многообразия жизненных миров [36] как особых, тесно связанных с повседневной жизнью, с акцентом на социальной составляющей, тоже особенно интенсивно началось в середине 1990-х гг. Продолжением стало исследование эволюции жизненного мира россиян в условиях современного социума с опорой на феноменологическую методологию и социально-критическую теорию [37]. Обращение к категории «жизненный мир» в теоретической социологии вызвано попытками минимизации существующего зазора в исследовании агентных и структурных измерений социальной реальности и преодоления противоречий, связанных с объективизмом и субъективизмом, социальным номинализмом и социальным реализмом в их современной форме.

Это привело к детализации объема и содержания понятия «жизненный мир», к тому, что материально-вещный, фактический аспект социальной реальности стал исследоваться более подробно. Уровень «материальности», на котором сегодня сосредоточена позиция социальных аналитиков – «это не только машины, дороги, торговые сети и системы сбора мусора, уличные сенсоры и процессоры, обеспечивающие функционирование городов под землей и на поверхности; но и вертикальный слой ночного света, и виртуальная навигация и коммуникация, создающие новое измерение городской географии, и бюрократические правила и технические инструкции, и все те множественные «протезы», ...которые современный человек охотно натурализует и перестает замечать, воспринимая их как норму своего городского существования, своей “зоны обитания”» [38, с. 328]. В исследовательской литературе таким образом описаны процессы конституирования города-сцены и города-места, трактуемого как пространство приложения физических и интеллектуальных сил человека и общества, формирование мест-локалов и не-мест (термин Оже) [39]. Определённым образом осмыслены новые правила игры с пространством, медиатизация и цифровизация города, создающие еще одно измерение городской географии; новые формы организации пространства (пространство-сеть, пространство-отношение или пространство-поток отношений) [17]. Складывается

²В одной из своих работ социолог О. Трущенко использовала подход Бурдьё в исследовании российских городов и выявила то, что неравенство обусловлено определёнными социокультурными предпосылками. По её мнению, ещё со времён основания Москвы так называемая чернь селилась в восточном и юго-восточном направлении от княжеских палат, а знать – в южном и юго-западном. Автор считает, что такая символическая оппозиция задаёт и сегодняшнее противостояние центра и периферии.

исследовательская традиция в изучении глобально богатых и глобально бедных, выявляются причины глубинной поляризации социальных различий, разрывов целостной градостроительной ткани, трущобизации в разных формах [40]. Все это обуславливает, по мнению некоторых исследователей, появление новых жизненных практик, гибридных типов локальной идентичности [39, 41, 42].

Однако в литературе недостаточное внимание уделено тому, как происходит сохранение традиционного пространства города, как осуществляется жителями сознательное «бегство в прошлое» или его консервация. Или, другими словами, как складывается локальная идентичность, обусловленная культурно-историческим факторами и обстоятельствами?

Отражение городской локальной идентичности

Если определять идентичность как придание смыслов объектам городской среды или в целом городскому пространству на основании результатов общественного и индивидуального опыта, то следует обратить внимание на несколько моделей смыслообразования, которые выявлены в ходе данного исследования. Набор континуумов смыслов, составляющих текстуру сибирского города, таков: Томск – город со статусом исторического поселения, он представляет собой сибирский центр деревянного зодчества; Томск – город-университет; Томск – город, смарт-трансформация которого вполне предсказуема, но не всегда приводит к ожидаемым результатам.

В соответствии с этой классификацией выделяются, во-первых, тип идентичности, который связан с интерпретацией Томска как старинного сибирского города; во-вторых, позиции жителей в отношении города как университетского центра; в-третьих, реакции томичей на опыт интеграции умных технологий города и на то, определяют ли идентичность эти технологии умного города. И еще один тип реакций горожан, который требует особого внимания, – протестное настроение, когда идентичность разрушается и сами жители это отчётливо осознают. Этот вид мнений присутствует во всех трёх типах.

Чтобы укрепить именно идентичность, связанную со статусом исторического поселения, представители исторического Томска и жители-активисты иницируют такие городские практики, в которых горожане отчётливо наделяют ценностной маркировкой фрагменты объективной и субъективной реальности Томска (деревянное зодчество, природный и культурный ландшафт, компактность, реки, ритм жизни в городе, жители города).

Примечательно, что с помощью активистов, борющихся за сохранение целостной городской среды, исторических зон города, создаются такие информационные ресурсы, в которых указанная идентичность оживлённо обсуждается. Например, в сетевых акциях, которые организовывало местное издание «Томский Обзор» – #OldTownChallenge, #OldTownChallengeTomsk и в других флешмобах и перформансах в защиту памятников деревянного зодчества³ [43]. Также интересные материалы, иллюстрирующие процессы формирования идентичности, представлены в проекте «Карта историй. Томск» [44].

В реакциях жителей в первую очередь внимание было сконцентрировано на том слое мнений, в котором присутствовала прежде всего ссылка на то, что Томск – старинный сибирский город, где определённая часть сохранила историческую планировку (строения дорегулярной планировки XVII–XVIII вв., здания реализованных градостроительных проектов XIX и начала XX вв.). Жители, проживающие на этой территории, переживают сложную многослойную идентичность, точнее – могут переживать, поскольку текстура города противоречива. Обратимся к нарративам «Карты историй. Томск».

Первый нарративный шаблон фиксирует внимание на том, что та часть города, где проживают люди, – заповедник подлинной жизни. В такого рода нарративах принцип отноше-

³ Instagram, продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

ния к месту проживания заявляется сразу. Создаются сначала «рёбра жесткости конструкции», затем формируется основное тело представлений: *«Заисток наш, по сравнению с 80-ми, стал еще более ветхим. Стали его зажимать. Новые постройки появились, дома разбирают старые, строят из кирпича. Пытаются залезть сюда. Во всей нашей стране больше не осталось ни одного компактного района, где присутствует такая архитектура. Так, чтобы была сохранена эта историческая среда»* (муж., исторический район) [45]. Жителям таких домов важно не только то, что дом не является стандартизированным, массовым, но и то, что эту уникальность нужно сохранять, в ней – ключ к гармоничному существованию: *«Много лет по всей стране строили типовые дома, а сто с лишним лет назад каждый старался выделиться, каждый, кто что-то строил для себя. В каждом городе был свой рисунок резьбы и свой почерк, узнаваемый и уникальный»* (муж., исторический район). Гармоничное существование – это особое осознание идентичности и характера жизненных практик: *«Я с семьей здесь живу с 1986 года. Здесь жили бабушка и дедушка, оба – фронтовики. Люди старшего поколения, пережившие войну и трудности, так бодрячком и продержались всю жизнь. И столько у них запала было! Вот чего сейчас не хватает современному поколению. Мы гораздо слабее тех, кто прошел войну. Вот моей теще, Александре Пелагеевне, 86 лет. А так с молодости ее все Шурой зовут, даже внуки»* (муж., исторический район) [45].

В рамках этого же шаблона, но немного с другим акцентом – интересом к топосу усадьбы – проявляется подобная идентичность (об этом свидетельствуют нарративы людей, проживающих в отреставрированных деревянных домах) [45]. Исторические локусы, наделенные символическим значением в культуре, судя по нарративам, либо откровенно музеефицируются (точная реконструкция деревянных строений), либо эстетизируются (увядающая красота, на уровне жизненных практик это проявляется в перформансах, посвященных сохранению зодчества, в каталогизации резьбы, оконных проемов).

А что все-таки можно обнаружить в новом опыте проживания в доме, который намеренно стилизуется под усадьбу? Внешне – многое: позиционирование принципов экоурбанизма, бегство от суетной реальности, сибирскость как аутентичность. Мотив внутреннего убеждения – ощущение подлинности жизни в деревянном доме. В нарративах очевидны линии бегства, причем не столько от порядка, определяемого будущим, сколько от порядка бинарных оппозиций.

Второй нарративный шаблон акцентирует внимание на том, что любая идентичность – «родом из детства». Например, в «Карте историй. Томск» есть много описаний, согласно которым само место, где росли жители, очень подходило для детства. Это деревня в центре города, настоящие дворы, почти патриархальный уклад: *«Сейчас вспоминаю: не было жизни лучше той, которую я прожила там. Ну, вот не было! Во-первых, добрые люди. Там жило очень много простых людей, от сохи»* [46] (жен., центра города).

Аутентичность в этом контексте связана с уникальностью местности, с её эмоциональной привлекательностью. Она имеет двойственную природу, так как, с одной стороны, связана с устоявшимися традициями территории, ее неизменным образом и повседневным укладом жизни обычных горожан, с другой – она может формироваться за счёт нового, творческого начала, привносимого элитами, проживающими на этой территории [42].

Третий нарративный шаблон близок с предыдущим, но в этом шаблоне есть указание на то, что житель не признаёт возможности трансформации пространства города, в котором он живёт: *«Истоки здесь были, родники, прочие разные озера, короб из лиственницы, ее часто использовали при строительстве деревянных домов. Тут было вообще здорово. Пацанское детство, оно такое. Томь, бывало, подходила прямо сюда, к берегу. Такие пескари плавали. А там, где гараж, было озеро прекрасное, и речная вода соединялась с ним по этому коробу. При мне тут топило два раза. Вода доходила до Каримовского дома. Помню, пацанами на калитках катались, как на плотках, по этим улицам. И эта вода уходила туда, а озеро было*

чистейшее. Вот меня попробуй отсюда из Заистока выселить. Я пулемет поставлю, не сдамся» (муж., исторический район) [47].

Четвертый нарративный шаблон выстраивается таким образом, что признаётся то, что «жить в деревянном, например, перестроенном из бывшей конюшни, доме, это «колоссальное удовольствие» (жен., исторический район): *«Жила я и в обычных кирпичных домах. Поняла: холодные кивки соседей по площадке, молчание в лифте – это все не для меня. А здесь складывается совершенно особый микромир. Квартир немного, все друг друга знают. Появится во дворе чужой – кто-нибудь обязательно скажет. Деревня! К тому же я не хочу, выходя на улицу, видеть вокруг спальный район. Эстетическая радость для меня очень важна. А здесь прогуливаю собаку и любуюсь столетними красивейшими домами»* (жен., исторический район) [48]. Возможно, эстетическое созерцание позволило сохранять истории не только в памяти, но и в многочисленных создаваемых ей сценариях.

Установка на то, что уникальная среда рождает уникальные типы отношения к жизни, не подчиняющиеся бегу времени, отражается в нарративах, являясь устойчивой и постоянной. А.К. Секацкий использует оппозицию «присутствия–отсутствия» для обозначения сути культурных перемен, утверждая, что «традиция несуетного проживания стала, наконец, воистину маргинальной, принципиально несохраняемой – даже узы ближайшего родства не предотвращают угасания присутствия, оставшиеся пустыми, вещи-оболочки напоминают, в лучшем случае, о факте отсутствия, их эфемерное единство распадается сразу же, как только владелец исчезает. Они суть опавшие лепестки, и только тексты могут быть сжаты в семена, пригодные к произрастанию» [49, с. 78].

Практически любой город в большей или меньшей степени обладает мифологическим ландшафтом; который, с одной стороны, создаёт в культурном сознании простые знаки и символы воображаемой городской среды, с другой – выстраивает и корректирует ее реальную топографию. Модель города как многоуровневой риторической фигуры, совокупности мифов, как известно, была выведена на орбиту культурологических исследований Ю. Лотманом и В. Топоровым. Согласно их воззрениям, городское пространство формируется определённой иерархией мифологических представлений, порой – доминантных, порой – периферийных. Представления эти служат источником информации о прошлом или утопическом будущем города, реже – об актуальном настоящем. Ю.М. Лотман усматривал в городе «механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность соплагаться с настоящим как бы синхронно» [50, с. 282]. Так, хранители времени пекутся главным образом о том, чтобы этот импульс в описании города был искренним и аутентичным: *«Сохранение истории» для меня звучит очень серьёзно и ответственно. Предпочитаю «сохранение времени». Сильно не размахиваюсь, ограничил себя XX веком, первую треть которого знаю по рассказам близких, а дальше – собственные впечатления»* (муж., центр города) [51].

Хранители времени, как правило, отмечают следующее обстоятельство: *«Нам повезло жить в старинном деревянном доме, охраняемом как памятник архитектуры. Ещё недавно у нас была усадьба с флигелем, со служебными постройками, с деревьями и просторной лужайкой для детских игр и соседских посиделок. На деревьях висели скворечники и кормушки для птиц. Однажды пришлось вскармливать с ложечки осиротевших сорочат. С тех пор сороки навещали нас каждый год. Но в 2013-м птице негде было сесть – ни одного дерева, всё срубили»* (жен., исторический центр) [51]. Жители сетуют лишь на одно: застройщики разрушают целостность среды. Они утверждают: *«На экскурсиях я вижу, как гости города восхищаются отдельными зданиями, но они не видели, как живописно смотрелась старая застройка в комплексе. Настоящее путешествие на 100 лет назад. Где вы сейчас такое найдёте? Причём, всё подлинное. Тот Томск, который мы сегодня привычно называем «историческим», с большой любовью создавали состоятельные люди – «отцы города». Имея*

средства, привлекали к строительству высококлассных архитекторов. Мы знаем их имена, гордимся ими, чего нельзя сказать о наших современниках» [51] (жен., центр города).

Анализируя нарративы на «Карте историй Томск», можно наблюдать не пространство «глобального бегства», а пространство внутренней городской миграции, если не назвать это вообще бегством от суетной жизни. Процессы повернулись вспять – в сторону ре-территориализации и ре-материализации.

В свою очередь к переоценке места и территории приводят групповые протестные субкультурные практики, которые выгораживают и обустривают в пространстве города свое «бытие-вокруг» [52].

Так, нарратив членов ««artist-run space (ars), ars котельная» в Томске, которая долгое время существовала как особое пространство города, где собиралась творческая молодёжь, и которая на каком-то этапе развития была закрыта, представлял собой манифест в защиту локальных особенностей и контекстов от глобализирующего, универсализирующего, нивелирующего воздействия власти и принуждения: *«Котельная» расположена, на мой взгляд, в очень важном месте – на пересечении путей совершенно разных людей. Для меня она была экспериментом по созданию независимого места, художественной лаборатории в центре Томска* [53] (жен., Томск). Пространство ars котельной, вход в которую всё-таки был замурован, было своеобразной творческой лабораторией города: *«Было так хорошо, что есть маленькая вселенная во дворе жилого дома, где могут встретиться и поболтать австрийский профессор и основатель комьюнити [Archive of Digital Art] ADA, [художник] Ваня Дыркин, томские студенты и внезапно мы, заехавшие из Екатеринбурга. Эта «котельная» действительно грела Томск, была признаком нормального здорового города»* (муж., Екатеринбург). Её участники были уверены в том, что «Котельную» в глобальном контексте нельзя заварить [53].

Нарративы демонстрируют то, как происходит так называемое «сшивание», соединение виртуального и материального, удаленного и близкого, потока и статики, присутствия и отсутствия в единую онтологическую целостность, благодаря чему некое место на карте города превращается в «пространство-отношение». Таким образом, речь идет об отказе от картографически традиционного понимания «пространственности», основанной на простом географическом подходе к природе и сущности расстояния, места, территории.

Только благодаря дискуссиям в социальных медиа может конструироваться новое понимание форм социального взаимодействия, которое уже не укладывается в традиционные: «мы-переживание», солидарность, конфликт, борьба. Фреймированное взаимодействие людей «лицом к лицу» и фреймированное взаимодействие «гаджет–человек–гаджет» открывают новые горизонты социального. Оно происходит в переходный период: привычный материальный мир, созданный человеком, становится все менее заметным и значимым. Он как бы сливается с цифровым миром благодаря интерактивным коммуникациям. Пространственное развитие, которое предстаёт перед исследователем, может адекватно осмысливаться только с учётом разных перспектив и уникального культурного контекста. Вся совокупность современных технологий, система гаджетов не только обуславливают новое видение реальности, но вызывают динамичное перераспределение социокультурных связей, социальных дистанций и сложившихся социальных иерархий.

Социальные медиа, публич-группы, связанные с городом, создают особый тип риторики. Благодаря определённой исследовательской оптике можно выявлять риторическую доминанту, «конструктивный принцип», который определяет общественный порядок как таковой, – «его символическое и функциональное ядро» [54].

Если обратиться к нарративам, которые связаны с интерпретацией Томска как Большого города, Большого университета, Города-университета или умного города, то можно обнаружить переход от эссенциалистского взгляда на «мой город» к реляционному взгляду на

структуру городского пространства, которое «производит наши телесные схемы» и удерживает в себе силой «естественности» обыденного восприятия [55].

Критические комментарии в паблик-группах и сетевых сообществах по умному городу свидетельствуют о диаметрально противоположных подходах в понимании сущности проектов, реализуемых в этом контексте. Либо возникает представление, что эти проекты разрабатываются междисциплинарными командами профессионалов, которые, привлекая население, хотят действительно, трансформировать город в сторону умного, комфортного, живого, уникального, либо начинает доминировать подход, согласно которому любой партисипаторный проект – это вариант «инсценирования» коллективной деятельности с обязательным «ритуальным» участием горожан. Так, паблик-группа томских соцмедиа «Жесть Томска» любой проект по умному городу называет забавой молодых интеллектуалов, насмотревшихся умных европейских городов и желающих на грантовые деньги реализовать скудные фантазии [56].

Мнение о проектах развития умного города часто приобретает такую форму: *«Я хочу жить в городе, где меня окружают скверы, парки, газоны, красивая архитектура, кафе, какие-нибудь или фонтаны, а не сплошные дороги, развязки и парковки. Вы зачем так упорно пытаетесь хороший город превратить в каменные джунгли?»* (муж., 32 года). Сторонники этого подхода убеждены: *«Пространство города переформатируется под автомобиль медленно, но верно. Нужно находить баланс, а с этим сегодня проблемы»* (муж., 40+).

В нарративах подобного рода обрисовывается новая реальность мира, где природное и культурное начало пересекаются во множестве точек, а объекты, будучи отчасти медиум-специфичными, «вступают в различные отношения», расширенно понимаемая материальность «отмечена стремлением к преодолению всех дуализмов» [57]. Таким образом, провозглашается новая сложная материальность.

Разумеется, в российских городах, как правило, цифровизация, смартизация не закончены, а скорее, только начинаются. Но уже сейчас отчётливы контуры общества, существующего в режиме 24/7 [58], «с его непрерывностью производства, обмена, потребления, коммуникации и надзора, безостановочно функционирующей системой интернета, способами добровольного и невольного отслеживания местопребывания человека, с биометрической аутентификацией, при которой распознаются уникальные физические характеристики и устанавливается личность» [59]. Следовательно, для понимания складывающейся идентичности важно проследить, как новые «ассамбляжи» социального и технологического, культурного и пространственного влияют на эту идентичность. Акцентирование внимания на агентности городской инфраструктуры, на множественности сетей и задаваемые ими репертуары действий, как доказывают исследователи, должно обернуться тем, что формируется новое понимание жизненных практик. В них уже невозможно вычлениить социальное и несоциальное, материальное или духовное. Исследователи описывают при этом сужение традиционного социального (до офлайн соседства), с одной стороны, с другой – его расширение (до сообщества дигитальных граждан).

Любопытно, что в рамках современного общества уже найден способ превращения формы непрерывности коммуникаций, эффективной и повсеместной, встроенной в непрекращающийся поток производства и воспроизводства, в технологию по круглосуточному контролю и надзору (big data, камеры слежения). Причём люди порой и не осознают то, что это мощная технология задаёт парадигму социального устройства, по-прежнему в условиях преобладания основного капитала и власти. Сегодня в обществе есть только робкие попытки противостоять этому, не уподобляясь Дон Кихоту. В отношении городского пространства, меняющегося на глазах, в социальных медиа присутствуют две стратегии: поддержки трансформаций и ускользания от тотального прессинга тех, кто является идеологом таких изменений.

Что представляет собой подлинное сопротивление форме непрерывности? Об этом можно судить по нарративу-протесту, направленному против дублирования эталонного публичного

пространства, где утрачены спонтанность, природная «дикость», а присутствуют *постановочность*, *«коллективное самовозвеличивание»* (жен., 50+).

Что хотелось бы этому машинному, повторяющемуся, жестко урбанистичному противопоставить? Например, вот это: *«Кусочек природы в центре города. Никаких особых объектов не нужно, кроме симпатичных лавочек, зеленых лужаек и разнообразных деревьев»* (жен., 50+). Или абсолютно идиллическое: *«Только ничего, пожалуйста, не вырубайте ради огромных площадей с плиткой. Плитки в нашем городе достаточно, и она везде неудобная ни для ходьбы, ни для катания на чём-либо»* (жен., 31 год).

Восстать против валоризации, восстать хитро и настойчиво, провести более четкие линии – линии ускользания, борьбы, изобретения. Этим, конечно, не исчерпывается протестное настроение, но оно представляет существенный вектор борьбы со смарт-урбанизмом.

В социальных медиа динамично формируется риторическая модель, задающая определенные фреймы восприятия и описания города, его идентичности. Например, в Томске благодаря концепциям власти (Большой город, Большой университет) фокус настраивается на границу локального и глобального, но по преимуществу на глобальную перспективу: то с максимально точным конструированием того, как локальное вытесняется глобальным, как глобальное влияет на процессы конкурентной борьбы городов, на различия между самыми богатыми и самыми бедными, появление новых ландшафтов капитала, власти, городской политики, то на аутентичное развитие локального сибирского (в Томске, к примеру, это юбилейные даты города, годы интенсивного изучения: 1994, 2004, 2014, 2024 гг.). Но одновременно увеличение чёткости других исследовательских линз позволяет обнаружить то, как город видит сам себя, как действует, как превращает пространство в место-действие, место-локал.

Выводы

При анализе трех типа локальной идентичности было обнаружено следующее: разные форматы культуры производят многообразие практик «присвоения» города, систему высказываний о городе разных типов. Некоторые из них (фрагментарные, ориентированные на специфические аудитории и определённый тип потребителя) оказываются более востребованными, чем другие (не нацеленные на свою целевую аудиторию). Проанализированные нарративы, размещённые на популярных сайтах, продемонстрировали конфликтующие логики функционирования социальной сети (логика игры, демонстративного символического потребления, самопрезентации) и подтвердили гипотезу о том, что конструирование идентичности – сложный противоречивый процесс.

Противостояние нарративов о доме, усадьбе, профессорском гнезде, «капсуле времени», где мир реконструируется как устойчивый, предсказуемый, простой, определенный, и нарративов, где мир отражается как сложный, неоднозначный, неопределённый, характеризует систему ресурсов, на которых размещены тексты, отражающие локальную городскую идентичность. Любое вторжение суетного времени, неопределённого, сложного, неоднозначного мира изгоняется из сознания приверженцев устойчивого порядка. Условия нестабильного мира и принципы социального конструирования городской реальности накладывают свой отпечаток на переживание городской идентичности горожанами.

Влияние общества, существующего в режиме 24/7 с его непрерывностью коммуникаций и надзора, противоречиво. С одной стороны, происходит усиление глобальной «мы-идентичности», с другой – укрепление локальной идентичности, противостоящей любой тотальности и глобальности.

Новые фреймы восприятия и описания города, его идентичности существуют наряду с традиционными: создать или присвоить модель бегства от жизни в капсулу времени, инсценируемую в профессорских гнёздах, усадьбах, в строениях, в перформансах, противостоящих изменениям города; в зонах с плотным историческим слоем, гибридизацией советско-

сти-подлинности; в мечтах, обращённых подобно двуликому Янусу, в будущее и прошлое. Благодаря капсулам времени для их создателей типично участие только в тех формах модернизации города, которые сохраняют старый добрый провинциальный город. В фокусе позиционирования горожан оказывается не «идея места» (то есть идеально-типическое представление об этом месте, которым руководствуются его создатели), а действительное место, конкретное место-в-действии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаткулина Е. Городское путешествие. Томск. – Томск: Макушин Медиа, 2021. – 144 с.
2. Живая лаборатория // Сеть живых лабораторий Томска. URL: <https://vk.com/lltnet> (дата обращения 04.04.2023).
3. Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. – М.: Алетейя, 2022. – 408 с.
4. Анисимов Н.О., Туркина В.Г., Калинина Г.Н. Аксиология и границы идентичности городской среды: культурно-антропологическая перспектива // Наука. Искусство. Культура. – 2022. – № 3 (35). – С. 5–13.
5. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2018. – Вып. 3 (17). – С. 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56.
6. Петрулевич И.А. Городская идентичность в ценностной парадигме современного российского общества // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.15862/83SCSK423>.
7. Davis M. Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster. – New York: Metropolitan Books, 1998. – 142 p.
8. Davis M. Planet of Slums. – London: Verso, 2006. – 324 p.
9. Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. – New York: Vintage Books, 2006. – 441 p.
10. Koolhaas R., Mau B. S, M, L, XL. – New York: Monacelli Press, 1995. – 1344 p.
11. Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–30.
12. Логан Д., Молоч Х. Город как машина роста. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=98> (дата обращения 15.03.2024).
13. Rousseau M. Re-imaging the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in “Loser Cities” // International Journal of Urban and Regional Research. – 2009. – Vol. 33.3. – P. 770–788.
14. Сассен С. Глобальные города // Прогнозис. URL: <https://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (дата обращения 15.03.2024).
15. Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – 243 с.
16. Soja E. Six discourses on the posmetropolis. URL: http://www.opa-a2a.org/dissensus/wp-content/uploads/2008/05/soja_edward_w_six_discourses_on_the_postmetropolis.pdf (дата обращения 15.04.2024).
17. Амин Э., Трифт Н. Города. Переосмысляя городское. – М.: Красная ласточка, 2018. – 224 с.
18. Brenner N., Schmid Ch. Towards a new epistemology of the urban? // City. – 2015. – Vol. 19. – № 2–3. – P. 151–182. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
19. Трущенко О. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. – М.: Социо-Логос, 1995. – 240 с.
20. Манаенков К. Столичный Гарлем. Как решить проблему возникновения гетто в Москве и регионах. URL: <https://snob.ru/entry/185953n/> (дата обращения 15.05.2024).
21. Асс Е. К простоте // Проект Россия. URL: <https://prorus.ru/interviews/k-prostote/> (дата обращения 15.03.2024).
22. Высоковский А. Управление пространственным развитием // Отечественные записки. URL: <https://strana-oz.ru/2012/3/upravlenie-prostranstvennym-razvitiem> (дата обращения 12.03.2024).
23. Глазычев В. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
24. Добрицина И. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
25. Паперный В. Мос-Анджелес: Избранное. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 416 с.
26. Вайль П. Гений места. – М.: Независимая газета. 2001. – 242 с.
27. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html> (дата обращения 12.12.2023).
28. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 4. – С. 41–54.
29. Калачева О. Общие и общественные вещи современного города // Неприкосновенный запас. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/obshhie-i-obshhestvennye-veshi-sovremennogo-goroda.html> (дата обращения 13.03.2024).

30. Кропотов С.Л. Параметры креативного города: фантасмагории места в локальных текстах // Студенческая научно-практическая конференция «Культура современного мегаполиса: постиндустриализация городского пространства». – Екатеринбург: ЕАСИ, 2010. – С. 7–33.
31. Маяцкий М. Курорт Европа. – М.: Аггау Литагент «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 176 с.
32. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 142 с.
33. Ромашко С. Монумент-сувенир-улика: временная ось мегаполиса // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 97–108.
34. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: НЛЮ, 2011. – 520 с.
35. Трубина Е.Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. – 2011. – № 4. – С. 34–49.
36. Теория и жизненный мир человека / под ред. В.Г. Федотова. – М.: Институт философии РАН, 1995. – 206 с.
37. Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиски современности. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 287 с.
38. Самутина Н.В. Собиратели взгляда // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 325–332.
39. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А.Ю. Коннова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
40. Анохин А.А., Кузин В.Ю. Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Известия Русского географического общества. – 2021. – № 153 (5). – С. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869607121050025>.
41. Харви Д. Неолиберальная урбанизация. URL: www.inop.ru/files/Harvey.doc (дата обращения 17.02.2024).
42. Zukin S. Changing landscapes of power: opulence and the urge for authenticity // International Journal of Urban and Regional Research. – 2009. – Vol. 33 (2). – P. 543–553.
43. Old town challenge Tomsk. URL: https://www.instagram.com/domwood_tomsk (дата обращения 14.04.2024).
44. Томск. Карта историй. URL: <https://www.kartatomsk.ru/> (дата обращения 14.04.2024).
45. Улица Татарская, 31/1 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_31_1 (дата обращения 14.04.2024).
46. Улица Максима Горького, 18 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/gorkogo_18 (дата обращения 15.04.2024).
47. Улица Татарская, 11 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_11 (дата обращения 15.04.2024).
48. Улица Красноармейская, 117 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/krasnoarmeyskaya_117 (дата обращения 15.04.2024).
49. Секацкий А.К. От формации вещей к эпохе текстов // Сила простых вещей: сборник статей. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 69–80.
50. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
51. Улица Кузнецова, 17/2 // Томск. Карта историй. https://www.kartatomsk.ru/stories/kuznecova_17_2 (дата обращения 15.04.2024).
52. Рауниг Г. Для Берта: эссе о бытии-под и бытии-вокруг // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/100/article/2216п> (дата обращения 13.03.2024).
53. «Это был признак нормального здорового города»: арт-сообщество поддержало томских художников, которых выселяют под давлением мэрии. URL: <https://lyubimiiгород.ru/novosibirsk/news/11004576> (дата обращения 24.04.2024).
54. Калинин И. Возвышенный субъект политической риторики: между метафорой представления и метонимией присутствия // Неприкосновенный запас. – 2020. – № 4. – С. 130–149. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2020/4/vozvyshennyj-subekt-politicheskoy-ritoriki-mezhdu-metaforoj-predstavleniya-i-metonimiej-prisutstviya.html> (дата обращения 13.01.2024).
55. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/moskva-parizh-prostranstvennye-struktury-i-telesnye-shemy.html> (дата обращения 13.01.2024).
56. Жесть. Томск. URL: <https://vk.com/roughtomsk> (дата обращения 24.04.2024).
57. Смирнов Н. Постэкзотизм: ассамбляжность «Я», несводимость «Других» // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/85/article/1863> (дата обращения 13.03.2024).
58. Таунсенд Э. Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии / пер. А. Шоломицкой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 400 с.
59. Пензин А. «Постоянно включённый»: проблема непрерывности в современном капитализме // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/101/article/2234> (дата обращения 13.03.2024).

Информация об авторах

Наталья Андреевна Колодий, доктор философских наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; kolna@tpu.ru

Вера Степановна Иванова, кандидат философских наук, доцент философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; vcsoc@rambler.ru

Поступила в редакцию: 15.05.2024

Поступила после рецензирования: 10.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Fatkulina E. *Urban travel. Tomsk*. Tomsk, Makushin Media Publ., 2021. 144 p. (In Russ.)
2. Living laboratory. *Network of living laboratories of Tomsk*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/lltnet> (accessed 4 April 2023).
3. Avanesov S.S., Fedotova N.G. *City: in search of identity*. Moscow, Aletheya Publ., 2022. 408 p. (In Russ.)
4. Anisimov N.O., Turkina V.G., Kalinina G.N. Axiology and boundaries of urban environment identity: cultural and anthropological perspective. *Science. Art. Culture*, 2022, no. 3 (35), pp. 5–13. (In Russ.)
5. Gornova G.V. Harmony between the city and the man: problems of forming city identity. *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 2018, Iss. 3 (17), pp. 43–56. (In Russ.) DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56.
6. Petrulovich I.A. Urban identity in the value paradigm modern Russian society. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15862/83SCSK423>.
7. Davis M. *Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster*. New York, Metropolitan Books, 1998. 142 p.
8. Davis M. *Planet of Slums*. London, Verso, 2006. 324 p.
9. Davis M. *City of quartz: excavating the future in Los Angeles*. New York, Vintage Books, 2006. 441 p.
10. Koolhaas R., Mau B. *S, M, L, XL*. New York, Monacelli Press, 1995. 1344 p.
11. Cook F. Modern, postmodern and city. *Logos*, 2002, no. 3 (34), pp. 1–30. (In Russ.)
12. Logan D., Moloch H. *The city as a growth machine*. (In Russ.) Available at: <http://www.urban-club.ru/?p=98> (accessed 15 March 2024).
13. Rousseau M. Re-imagining the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in “Loser Cities”. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33.3, pp. 770–788.
14. Sassen S. Global cities. *Prognosis*. (In Russ.) Available at: <https://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (accessed 15 March 2024).
15. *Global city: theory and reality*. Ed. by N.A. Sluki. Moscow, Avanglion LLC, 2007. 243 p. (In Russ.)
16. Soja E. *Six discourses on the postmetropolis*. Available at: http://www.opa-a2a.org/dissensus/wp-content/uploads/2008/05/soja_edward_w_six_discourses_on_the_postmetropolis.pdf (accessed 15 April 2024).
17. Amin E., Thrift N. *Cities. Rethinking the urban*. Moscow, Red Swallow Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)
18. Brenner N., Schmid Ch. Towards a new epistemology of the urban? *City*, 2015, vol. 19, no. 2–3, pp. 151–182. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
19. Trushchenko O. *Prestige of the center: urban social segregation in Moscow*. Moscow, Sotsio-Logos Publ. House, 1995. 240 p. (In Russ.)
20. Manaenkov K. *Capital Harlem. How to solve the problem of the emergence of ghettos in Moscow and the regions*. (In Russ.) Available at: <https://snob.ru/entry/185953n/> (accessed 15 May 2024).
21. Ass E. Towards simplicity. *Project Russia*. (In Russ.) Available at: <https://prorus.ru/interviews/k-prostote/> (accessed 15 March 2024).
22. Vysokovsky A. Management of spatial development. *Otechestvennye zapiski*. (In Russ.) Available at: <https://strana-oz.ru/2012/3/upravlenie-prostranstvennym-razvitiem> (accessed 12 March 2024).
23. Glazychev V. *City without borders*. Moscow, Territory of the Future Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
24. Dobritsina I. *From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science*. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)
25. Paperny V. *Mos Angeles: favorites*. Moscow, New Literary Review Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)
26. Weil P. *Genius loci*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2001. 242 p. (In Russ.)
27. Groys B. The city in the era of its tourist reproducibility. *Untouched reserve*. (In Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html> (accessed 12 December 2023).

28. Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. Anthropology of the digital city: on the issue of choosing a method. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.)
29. Kalacheva O. Common and public things of a modern city. *Emergency reserve*. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/obshhie-i-obshhestvennye-veshhi-sovremennogo-goroda.html> (accessed 13 March 2024).
30. Kropotov S.L. Parameters of a creative city: phantasmagoria of place in local texts. *Student scientific and practical conference. Culture of a modern metropolis: post-industrialization of urban space*. Ekaterinburg, EASI Publ., 2010. pp. 7–33. (In Russ.)
31. Mayatsky M. *Resort Europe*. Moscow, Array Litagent “Ad Marginem Press”, 2009. 176 p. (In Russ.)
32. Revzin G. *Essays on the philosophy of architectural form*. Moscow, OGI Publ., 2002. 142 p. (In Russ.)
33. Romashko S. Monument-souvenir-evidence: the temporal axis of the metropolis. *Logos*, 2002, no. 3 (34), pp. 97–108. (In Russ.)
34. Trubina E.G. *The city in theory: experiments in understanding space*. Moscow, NLO Publ., 2011. 520 p. (In Russ.)
35. Trubina E.G. Turn to space: interdisciplinary movement and difficulties of its popularization. *Political Conceptology*, 2011, no. 4, pp. 34–49. (In Russ.)
36. *Theory and the life world of man*. Ed. by V.G. Fedotova. Moscow, Institute of Philosophy RAS Press, 1995. 206 p. (In Russ.)
37. Przhilenskaya I.B. *The evolution of the life world of Russians: the search for modernity*. Stavropol, SSU Publ. House, 2007. 287 p. (In Russ.)
38. Samutina N.V. Gatherers of the Gaze. *Russian sociological review*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 325–332. (In Russ.)
39. Auger M. *Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity*. Moscow, New Literary Review Publ., 2017. 136 p.
40. Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. Transformation of the modern methodology and trends of the study of polarization. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, 2021, no. 153 (5), pp. 3–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869607121050025>.
41. Harvey D. *Neoliberal urbanization*. (In Russ.) Available at: www.inop.ru/files/Harvey.doc (accessed 17 February 2024).
42. Zukin S. Changing landscapes of power: opulence and the urge for authenticity. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33 (2), pp. 543–553.
43. *Old town challenge Tomsk*. (In Russ.) Available at: https://www.instagram.com/domwood_tomsk (accessed 14 April 2024).
44. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: <https://www.kartatomsk.ru/> (accessed 14 April 2024).
45. Tatarskaya Street, 31/1. (In Russ.) *Tomsk. Map of stories*. Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_31_1 (accessed 14 April 2024).
46. Maxim Gorky Street, 18. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/gorkogo_18 (accessed 15 April 2024).
47. Tatarskaya Street, 11. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_11 (accessed 15 April 2024).
48. Krasnoarmeyskaya Street, 117. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/krasnoarmeyskaya_117 (accessed 15 April 2024).
49. Sekatsky A.K. From the formation of things to the era of texts. *The power of simple things: a collection of articles*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2013. pp. 69–80. (In Russ.)
50. Lotman Yu.M. *Inside thinking worlds*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ., 2018. 448 p. (In Russ.)
51. Kuznetsova Street, 17/2. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/kuznecova_17_2 (accessed 15 April 2024).
52. Raunig G. For Bert: an essay on being-under and being-around. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/100/article/2216n> (accessed 13 March 2024).
53. “This was a sign of a normal, healthy city”: the art community supported Tomsk artists who were being evicted under pressure from the mayor’s office. (In Russ.) Available at: <https://lyubimiiigorod.ru/novosibirsk/news/11004576> (accessed 24 April 2024).
54. Kalinin I. The sublime subject of political rhetoric: between the metaphor of representation and the metonymy of presence. *Untouched reserve*, 2020, no. 4, pp. 130–149. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2020/4/vozvyshennyj-subekt-politicheskoy-ritoriki-mezhdu-metaforoj-predstavleniya-i-metonomiej-prisutstviya.html> (accessed 13 January 2024).
55. Bikbov A. Moscow/Paris: spatial structures and bodily schemes. *Logos*. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/moskva-parizh-prostranstvennye-struktury-i-telesnye-shemy.html> (accessed 13 January 2024).
56. *Tin. Tomsk*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/rougthomsk> (accessed 24 April 2024).

57. Smirnov N. Post-exoticism: assemblage of “I”, irreducibility of “Others”. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/85/article/1863> (accessed 13 March 2024).
58. Townsend E. *Smart cities: big data, civil hackers and the search for a new utopia*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 400 p. (In Russ.)
59. Penzin A. “Constantly switched on”: the problem of continuity in modern capitalism. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/101/article/2234> (accessed 13 March 2024).

Information about the authors

Natalia A. Kolodiy, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kolna@tpu.ru

Vera S. Ivanova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; vcso@rambler.ru

Received: 15.05.2024

Revised: 10.07.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 331.101.262:330.322:338.1

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1775

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Влияние технологических вызовов шестой К-волны на изменение человеческого капитала

Е.В. Меньшикова¹✉, Т.Г. Трубоченко²,
Н.В. Потехина^{1,2}, М.В. Верховская¹, А.Н. Древаль¹

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ emikhalchenko@tpu.ru

Аннотация. Технологический уровень и человеческий капитал являются ключевыми факторами экономического развития. Развитие человеческого капитала и повышение качества жизни населения – первоочередные задачи для социально-экономических трансформаций в стране на ближайшие 7–10 лет. Учитывая значительные технологические изменения в рамках шестой К-волны (Кондратьевской волны) и перспективы развития МАНБРИК-технологий, можно утверждать, что актуальность человеческого капитала будет только возрастать. **Цель:** рассмотреть влияние нового технологического уклада на структурные изменения человеческого капитала в теории Кондратьевских волн и выявить потенциальные последствия на развитие социума. **Методы:** применяется метод анализа для понимания аспектов и ограничений теории технологических укладов, поскольку она используется многими исследователями для объяснения причин длинноволновой динамики; также используются методы типитизации и классификации технологических вызовов; метод систематизации позволил структурировать и описать качественные характеристики Кондратьевских волн и соотнести их с этапами развития общества; метод синтеза помог описать последствия глобальных социальных изменений на структурные компоненты человеческого капитала и развитие социума. **Результаты:** рассмотрены процессы формирования и использования человеческого капитала в контексте изменений в глобальных экономических и технологических структурах; описаны компоненты человеческого капитала, выявлены глобальные технологические вызовы, которые были соотнесены с периодизацией Кондратьевских волн; проанализированы и систематизированы факторы, влияющие на структурные компоненты человеческого капитала в рамках шестой Кондратьевской волны. Описанные тенденции и потенциальные последствия являются основой для формирования государственной технологической и социально-экономической политики.

Ключевые слова: шестая волна Кондратьева, шестая технологическая парадигма, кибернетическая революция, старение населения, человеческий капитал, развитые страны, развивающиеся страны

Для цитирования: Меньшикова Е.В., Трубоченко Т.Г., Потехина Н.В., Верховская М.В., Древаль А.Н. Влияние технологических вызовов шестой К-волны на изменение человеческого капитала // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 49–61. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1775

УДК 331.101.262:330.322:338.1

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1775

Impact of technological challenges of the sixth K-wave on changes of human capital

E.V. Menshikova^{1✉}, T.G. Trubchenko², N.V. Potekhina^{1,2}, M.V. Verkhovskaya¹, A.N. Dreval¹

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉emikhalchenko@tpu.ru

Abstract. The technological level and human capital are key factors of economic development. The development of human capital and improving the quality of life of the population are the primary tasks for socio-economic transformations in the country for the next 7–10 years. Taken into account the significant technological changes within the 6th K-wave (Kondratieff wave), and the prospects for the development of MANBRIC technologies, disclosed in this article, it can be argued that the relevance of human capital will only increase. **Aim.** To consider the impact of a new technological way on structural changes in human capital in the theory of Kondratieff waves and to identify potential consequences for the development of society. **Methods.** Method of analysis to understand the aspects and limitations of the theory of technological structures, since it is used by many researchers to explain the causes of long-wave dynamics; methods of typification and classification of technological challenges. The systematization method made it possible to structure and describe the qualitative characteristics of Kondratieff waves and correlate them with the stages of development of society. The synthesis method was used to describe the consequences of global social changes on the structural components of human capital and the development of society. **Results.** The article examines the processes of formation and use of human capital in the context of changes in global economic and technological structures. The authors described the components of human capital, identified global technological challenges, correlated global technological challenges with the periodization of Kondratieff waves, analyzed and systematized the factors effecting the structural components of human capital within the 6th Kondratieff wave. The described changes and assessment of potential consequences are for the emerging state technological and socio-economic policies.

Keywords: sixth Kondratieff wave, sixth technological paradigm, cybernetic revolution, aging population, human capital, developed countries, developing countries

For citation: Menshikova E.V., Trubchenko T.G., Potekhina N.V., Verkhovskaya M.V., Dreval A.N. Impact of technological challenges of the sixth K-wave on changes of human capital. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 49–61. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1775

Введение

В социально-экономическом прогнозе роста национальной экономики до 2030 года подчеркивается ключевая задача развития человеческого капитала и повышения уровня жизни населения, влияющая на все секторы и уровни экономической активности [1]. На сегодняшний день значительная часть экономического прогресса в развитых странах объясняется вкладом научно-технических достижений, в первую очередь связанных с расширением интеллектуального и человеческого капитала.

Научный обзор

Термин «человеческий капитал» прочно вошел в экономический оборот. Впервые он появился в 1970-х гг. в трудах Т. Шульца и Г. Беккера – представителей чикагской школы, но-

белевских лауреатов. В их понимании человеческий капитал есть экономическая оценка способностей человека приносить доход, включающий в себя врожденные и накопленные компетенции человека. При этом врожденные качества – лишь основа, собственно капиталом являются приобретенные ценные качества. Г. Беккер пишет, что «инвестиции в человеческий капитал включают инвестиции в обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [2, р. 11].

Люди увеличивают свои способности производить путем инвестирования в самих себя, чтобы в перспективе увеличить свои доходы. Человеческий капитал «есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [3, с. 303].

В российской экономической литературе имеются разные определения понятия «человеческий капитал». Часть исследователей полагают, что «человеческий капитал – это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые способствуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (зарботков). Для постиндустриального общества характерно воспроизводство производительных сил человека не в товарной форме, а в форме человеческого капитала» [4, с. 10]. Авторы подчеркивают, что человеческий капитал есть результат преобразования издержек на получение знаний и навыков, поддержание здоровья и миграцию.

Известный ученый Р.И. Капелюшников утверждает, что человеческий капитал – это «запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут быть использоваться им либо в производственных, либо в потребительских целях» [5, с. 26].

Неоднозначен и состав человеческого капитала. Г. Беккер выделяет общие и специальные знания, капитал профессиональной подготовки (квалификация и производственный опыт), капитал здоровья, капитал миграции, а также обладание экономически значимой информацией и мотивацией к экономической деятельности.

И. Ильинский выделяет такие составляющие человеческого капитала, как капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры. Под капиталом здоровья им понимались инвестиции в поддержание здоровья человека и, как следствие, его работоспособности [6].

Таким образом, понятие человеческого капитала, с одной стороны, показывает важность инвестирования в рабочую силу, а с другой – выявляет серьезные трансформации в качестве рабочей силы под воздействием технических нововведений.

С точки зрения технического прогресса общества, структурная составляющая человеческого капитала включает в себя следующие элементы [2, 6]:

1. Образование и профессиональная подготовка – формальное образование, такое как школьное и высшее образование, а также неформальное образование, такое как профессиональные курсы, тренинги и стажировки. Образование и профессиональная подготовка позволяют людям развивать свои навыки и знания, необходимые для работы в современных технологических отраслях.

2. Навыки и умения – технические навыки, такие как программирование, инженерия, дизайн, и нетехнические навыки, такие как коммуникация, лидерство, решение проблем и критическое мышление, позволяющие людям эффективно работать в современных технологических отраслях.

3. Капитал здоровья – инвестиции в человека, осуществляемые с целью поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности.

4. Культура и ценности – ментальность работника, ценности и мотивационные установки, социальная активность, уровень потребностей и т. д.

5. Доступ к информации и ресурсам – доступ к технологиям, необходимым для развития и применения человеческого капитала. Это может включать в себя доступ к образовательным ресурсам, библиотекам, онлайн-курсам и пр.

Все эти элементы вместе формируют структурную составляющую человеческого капитала с точки зрения технического развития общества. Они позволяют людям эффективно работать в современных технологических отраслях, генерировать идеи и инновации, а также способствуют прогрессу общества в целом. В то же время все эти факторы вместе определяют качество человеческого капитала и его вклад в экономический рост, инновации и социум.

Формирование и использование человеческого капитала в контексте изменений в глобальных экономических и технологических структурах имеет актуальное значение для понимания функционирования социально-экономических процессов. Этот подход вытекает из признания того, что технологические структуры охватывают множество взаимосвязанных отраслей, составляющих единый воспроизводственный цикл экономического развития.

Устойчивое воспроизводство человеческого капитала служит краеугольным камнем для поддержания современной экономической системы. Каждая технологическая структура соответствует определенным формам общественного потребления, производства и социальной организации.

Изменения технологической структуры отражаются в концепции длинных волн российского социолога и экономиста Н.Д. Кондратьева (1892–1938 гг.) и в теории технологических укладов, согласно которым каждой новой волне (50–60 лет) соответствует новый технологический уклад [7].

Согласно концепции длинных волн (или К-волн), «в долгосрочной динамике некоторых экономических индикаторов наблюдается определенная циклическая регулярность, в ходе которой на смену фазам роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада с характерным периодом этих долгосрочных колебаний порядка 50 лет» [8, с. 39]. За основу исследования циклической закономерности были взяты такие индикаторы, как цена, банковский процент, объем внешней торговли, производство угля и чугуна, а также некоторые другие производственные показатели, характерные для экономик стран Запада и США. Так, в начале 1870-х гг. автор выявил циклические «длинные волны» в производстве угля и чугуна. Также следует отметить, что вопросы цикличности экономики исследовались в работах разных авторов еще до появления трудов Кондратьева.

У теории Кондратьева оказалось много последователей, которые продолжили изучать цикличность экономики: С.Ю. Глазьев, М.И. Туган-Барановский, Й. Шумпетер, Р. Гильфердинг, А. Шпитгоф, Ж. Лескюр, А. Афталион, У. Митчел, Дж. Мур, К. Лейтон, В. Зомбарт, Дж. Модельски и В.Р. Томпсон и др.

В.Р. Томпсон утверждает: «Длинные волны экономического роста, по всей видимости, обладают исключительно высокой значимостью для мир-системных социальных процессов... Длинные волны технологических изменений (продолжительностью в 40–60 лет) определяют форму многих важных процессов... В течение последней тысячи лет их влияние становилось все более и более существенным. К-волны стали особенно важными для нашего понимания экономического роста, войн и системного лидерства... Но они важны и для других процессов, таких как политические изменения в отдельных странах, культурные изменения, а также процессы смены поколений. Этот список, по всей видимости, не исчерпывает значимости Кондратьевских волн, но он должен помочь оценить важность длинных волн для глобальных социальных процессов» [8, с. 63].

Согласно концепции российских авторов, смена принципов производства (охотничье-собирательский, аграрно-ремесленный, промышленно-торговый, научно-кибернетический) сопровождается соответствующей революцией [9].

В настоящее время имеет место кибернетическая революция, начало которой датируется 1950–1990 гг., когда появились и стали развиваться мощные информационные технологии, произошел прорыв в автоматизации, энергетике, в области синтетических материалов, космических технологий, в освоении космоса и морской акватории, сельском хозяйстве, но осо-

бенно – в создании электронных средств управления, связи и информации. Завершающая фаза кибернетической революции может начаться в 2030–2040-е гг. и продлится до 2070-х гг., совпадая с шестой кондратьевской волной, которая, по оценкам специалистов, охватывает период с 2020 по 2060–70-е гг.

Кибернетическая революция – это крупнейший технологический переворот от индустриального принципа производства к производству и услугам, базирующимся на работе саморегулирующихся систем [7].

В ряде публикаций российских и зарубежных авторов можно увидеть прогноз о появлении комплекса технологий «МАНБРИК» (по первым буквам, входящих в него технологических направлений: Медицина, Аддитивные, Нано-, Био-, Робототехнические, Информационные и Когнитивные технологии). Особенностью МАНБРИК-комплекса будет то, что большинство входящих в него технологий будут являться самоуправляемыми системами. [10–13].

При этом, как отмечают авторы, пандемия COVID-19 сильно ускорила процесс распространения самоуправляемых систем, в том числе и тех, с помощью которых регулируется поведение человека [14, 15].

Оценка влияния технологических вызовов на развитие человеческого капитала

На сегодняшний день выделяют шесть Кондратьевских волн (К-волн) и соответствующих им технологических укладов. Закономерности развития человеческого капитала и Кондратьевских волн представлены в табл. 1.

Таблица 1. Характеристика Кондратьевских волн и закономерностей развития человеческого капитала

Table 1. Characteristics of Kondratieff waves and patterns of human capital development

Кондратьевская волна Kondratieff wave	Даты Dates	Развитие новых технологий и базовые отрасли Development of new technologies and basic industries	Закономерности развития человеческого капитала Patterns of human capital development
Первая/First	1780–1840-е гг. 1780–1840s	Текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля Textile factories, industrial use coal	• развитие ремесленного мастерства • development of craft skills; • установление регламентированного труда рабочих/establishment of regulated labor for workers; • обучение рабочих без отрыва от производства workers were trained on the job; • минимальные требования к профессиональным навыкам и грамотности населения/minimum requirements for professional skills and literacy of the population
Вторая/Second	1840–1890-е гг. 1840–1890s	Угледобыча и чёрная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель Coal mining and ferrous metallurgy, railway construction, steam engine	• преимущественно тяжелый физический труд персонала на развивающихся производствах/predominantly heavy physical labor of personnel in developing industries; • развитие потребности в квалифицированных инженерах/developing the need for qualified engineers; • преобладание мужского труда над женским/predominance of male labor over female labor

Третья/Third	1890–1940-е гг. 1890–1940s	Тяжёлое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей Heavy engineering, electric power, inorganic chemistry, steel and electric motor production	• этап массового обучения stage of mass training; • высокий спрос на квалифицированных рабочих и специалистов, ответственных за обслуживание конвейеров, станков и инструментов great demand for skilled workers and specialists responsible for servicing conveyors, machines and tools; • повсеместное развитие начального образования, которое позволило вовлекать в производство большой пласт грамотного населения widespread development of primary education, allowing a large layer of the literate population to be involved in production; • развитие женского образования и женского труда development of women's education and women's labor; • возникновение научных подходов к управлению the emergence of scientific approaches to management
Четвертая Fourth	1940-е – начало 1980-х гг. 1940s – beginning 1980s	Производство автомобилей и других машин, химическая промышленность, нефтепереработка и двигатели внутреннего сгорания, массовое производство, развитие электроники Manufacture of automobiles and other machines, chemical industry, oil refining and internal combustion engines, mass production, electronics development	• высокий спрос на специалистов с высшим и средним специальным образованием great demand for specialists with higher and secondary specialized education; • переход от ручного труда к машинному производству transition from manual labor to machine production; • развитие науки и образования, повсеместное создание научных и исследовательских организаций, внедрение норм труда development of science and education, widespread creation of scientific and research organizations, implementation of labor standards; • улучшение благосостояния граждан the welfare of citizens has improved; • развитие медицины medicine development
Пятая /Fifth	1980-е – 2020 гг. 1980s – 2020	Производство персональных компьютеров, микроэлектроники, развитие сферы услуг, дистанционного управления, космической отрасли, робототехники, биотехнологий, лазерной и иной оптики, фототехники Production of personal computers, microelectronics,	• внедрение автоматизированных систем управления implementation of automated control systems; • рост спроса на специалистов с высшим образованием, в том числе на ученых для проведения научных исследований и разработок growing demand for specialists with higher education, including scientists to conduct research and development;

		development of services, remote control robotics, biotechnologies, laser and other optics, photographic equipment, development of the space industry	- резкое улучшение качества и продолжительности жизни населения, расширение социальных гарантий и трудовых прав sharp improvement in the quality and life expectancy of the population, expansion of social guarantees and labor rights; - активное развитие сфер сервиса active development of service areas; - бурное развитие женского предпринимательства rapid development of women's entrepreneurship
Шестая/Sixth	2020–30-е – 2050–70-е гг. 2020–30s – 2050–70s	Искусственный интеллект, нанотехнологии, биотехнологии, новые медицинские технологии, новые технологии управления различными процессами (МАНБРИК-технологии), развитие самоуправляемых систем Artificial intelligence, nanotechnology, biotechnology, new medical technologies, new technologies for controlling various processes (MANBRIC technologies) Development of self-managing systems	- переход к экономике знаний transition to a knowledge economy; - карьерный рост персонала за счет внедрения цифровых технологий accessibility of career fulfillment for personnel through the introduction of digital technologies; - повышение мобильности рабочей силы increasing of labor mobility; - выход на первый план социальных и культурно-этических требований к труду (для молодого поколения) bringing to the fore social, cultural and ethical requirements for work (for the younger generation); - спрос на специалистов по разработке и дальнейшему обслуживанию самоуправляемых систем demand for specialists in the development and further maintenance of self-managing systems

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Сам Кондратьев выделил несколько основных признаков нового цикла [16]:

- появляются новые отрасли, приходящие на смену старым;
- новый, продолжительный экономический бум начинается с ростом фондовых рынков;
- начинают доминировать новые системы ценностей, определяющие общественные дебаты и планирование;
- появляются новые профессии и стандарты квалификации;
- начинают доминировать новые корпоративные культуры.

Взаимосвязь отраслей в период развития МАНБРИК-технологий на этапе шестой К-волны рассмотрена в табл. 2.

Волновые изменения в разные периоды развития экономики меняют требования и структурные составляющие человеческого капитала и порождают новые технологические вызовы.

Технологические вызовы – это проблемы и задачи, которые возникают в результате быстрого развития и изменения технологий. Они могут быть связаны с автоматизацией, искусственным интеллектом, цифровизацией, глобализацией, обучением и переподготовкой, циф-

ровой безопасностью, экологическими и социальными вызовами, изменением структуры занятости и требований к образованию и профессиональной подготовке. Технологические вызовы требуют от работников новых навыков и компетенций, а также могут привести к изменению рабочих моделей и организационных структур.

Таблица 2. Отрасли и сферы применения МАНБРИК-технологий
Table 2. Industries and areas of application of MANBRIC technologies

Отрасли применения МАНБРИК-технологий <i>Areas of application of MANBRIC technologies</i>	Сферы применения в данных отраслях <i>Application areas in these industries</i>
Медицина Medicine	- искусственные органы/artificial organs; - генная терапия/gene therapy; - хирургия/surgery; - фармацевтика/pharmaceuticals; - биочипы/biochips; - искусственный иммунитет/artificial immunity; - программы комплексной ранней диагностики и профилактики здоровья comprehensive early diagnosis and health prevention programs
Аддитивные технологии Additive technologies	3D-печать в разных сферах применения 3D printing in various fields of application; - FDM-, SLA-, SLS-, EBM-печать/FDM, SLA, SLS, EBM printing
Нанотехнологии Nanotechnology	- нанороботы/nanorobots; - наносхемы/nanocircuits; - наноматериалы/nanomaterials; - наномедицина/nanomedicine
Биотехнологии Biotechnology	- генетическая инженерия/genetic engineering - биоинформатика, промышленные биотехнологии bioinformatics, industrial biotechnology; - клонирование/cloning; - биомедицина/biomedicine
Робототехнологии Robotic technology	- промышленные роботы/industrial robots; - медицинские роботы/medical robots; - военные роботы/military robots; - бытовые роботы/household robots
Информационные технологии Information technology	- информационные сети/information networks; - компьютерные программы для управления computer programs for control; - цифровизация для государственных и личных нужд digitalization for government and personal needs; - базы данных/database; «умные технологии» для дистанционного или автономного управления “Smart technologies” for remote or autonomous control
Когнитивные технологии Cognitive technologies	- распознавание речи, лица, отпечатков пальцев speech, face, fingerprint recognition; - искусственный интеллект/artificial intelligence «умные программы» для улучшения когнийций “Smart programs” to improve cognition

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

По мнению авторов, к технологическим вызовам для человеческого капитала в рамках шестой Кондратьевской волны, относятся:

- автоматизация и роботизация: с развитием технологий многие рутинные и повторяющиеся задачи, которые ранее выполнялись людьми, могут быть автоматизированы или роботизированы, что может привести к сокращению рабочих мест и изменению требований к навыкам и компетенциям работников;
- искусственный интеллект и машинное обучение: с развитием искусственного интеллекта и машинного обучения многие задачи, которые ранее требовали человеческого интеллекта и экспертизы, могут быть выполнены компьютерами, что меняет требования к навыкам и компетенциям работников;
- дистанционная работа и удаленный доступ: с развитием технологий связи и Интернета многие рабочие задачи могут быть выполнены удаленно, вследствие этого меняются требования к навыкам и компетенциям специалистов, а также к производственным процессам и организационным структурам. Внедрение системы дистанционной работы увеличит гибкость и продуктивность сотрудников;
- цифровизация и интернет вещей: с развитием цифровых технологий и интернета вещей, многие рабочие процессы и задачи могут быть оцифрованы и автоматизированы;
- глобализация и мобильность рабочей силы: с развитием технологий связи и транспорта, рабочая сила становится все более мобильной и глобальной;
- обучение и переподготовка: с развитием технологий и изменением требований к навыкам и компетенциям работников необходимость в постоянном обучении и переподготовке становится все более актуальной. Эффективность обучения будет повышаться с использованием онлайн-платформ и образовательных приложений;
- цифровая безопасность и конфиденциальность данных: с развитием цифровых технологий и увеличением объема данных вопросы цифровой безопасности и конфиденциальности данных становятся все более актуальными, что может потребовать от работников новых навыков и компетенций в области информационной безопасности;
- экологические и социальные вызовы: в связи с технологическим прогрессом и изменением требований к бизнесу и обществу возникают экологические и социальные вызовы, которые требуют от работников новых навыков и компетенций в области устойчивого развития и социальной ответственности;
- изменение структуры занятости: с развитием технологий и изменением требований к бизнесу и обществу структура занятости может измениться. Это приводит к сокращению рабочих мест в некоторых отраслях и увеличению рабочих мест в других отраслях и требует от работников новых навыков и компетенций.

На уровне функционирования предприятий технологические вызовы по отношению к человеческому капиталу коснутся следующих направлений:

- использование современных HR-технологий для улучшения процессов найма, оценки и развития персонала;
- создание цифровых платформ для обмена знаниями и опытом между сотрудниками;
- внедрение системы менторства и коучинга через онлайн-платформы для развития лидерских навыков;
- автоматизация рутинных задач с помощью программного обеспечения для освобождения времени сотрудников на более стратегически важные задачи;
- обучение сотрудников навыкам цифровой грамотности и использованию новых технологий для повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Детализация влияния технологических вызовов на отдельные составляющие человеческого капитала приведена в табл. 3.

Таблица 3. Шестая К-волна и качественные изменения элементов человеческого капитала**Table 3. The sixth K-wave and qualitative changes in the elements of human capital**

Составляющие человеческого капитала Components of human capital	Изменение составляющих человеческого капитала Changing components of human capital
Образование и профессиональная подготовка Education and training	Развитие онлайн-курсов, дистанционного обучения и персонализация приведут к более доступному и эффективному образованию, которое будет учитывать индивидуальные особенности каждого человека, независимо от его социального статуса или географического положения. Возрастет спрос на специалистов, владеющих комплексом жестких, гибких и специальных компетенций, а также личностных компетенций Development of online courses, distance learning and personalization will lead to more accessible and effective education, which will take into account the individual characteristics of each person, regardless of their social status or geographic location. The demand for specialists who possess both a complex of hard, flexible and special competencies, as well as personal competencies, will increase.
Навыки и умения Skills	В ближайшие десятилетия навыки и умения будут ориентированы на цифровые технологии, креативность, коммуникативность и способность к саморазвитию и адаптации к новым условиям In the coming decades, skills and abilities will be increasingly related to digital technologies, creativity, communication and the ability to self-develop and adapt to new conditions
Капитал здоровья Health capital	Развитие Интернета вещей, интеллектуальных технологий может привести к созданию более точных и эффективных методов диагностики и лечения заболеваний. Развитие персонализированной медицины приведет к более продолжительной и насыщенной жизни людей Development of Internet things and smart technologies can lead to the creation of more accurate and effective methods for diagnosing and treating diseases. Development of personalized medicine will lead to longer and richer lives for people
Культура и ценности Culture and values	Изменяются социальные нормы, отношение к гендерным ролям; более толерантным и открытым станет отношение к различным культурам и ценностям, более важными станут ценности, связанные с этической стороной использования технологий Social norms and attitudes towards gender roles will change; attitudes towards different cultures and values will become more tolerant and open, values associated with the ethical side of using technology will become more important.
Доступность информации Availability of information	Расширение информационной базы может привести к увеличению скорости передачи информации, созданию более точных и эффективных методов поиска и анализа информации. Получение доступа к информации станет очень быстрым и эффективным за счет появления новых технологий (например, за счет искусственного интеллекта). Виртуальная и дополненная реальность позволит видоизменить систему коммуникаций Expanding the information base can lead to an increase in the speed of information transfer and the creation of more accurate and efficient methods for searching and analyzing information. Gaining access to information will become very fast and efficient due to the emergence of new technologies (eg, through artificial intelligence). Virtual and augmented reality will allow us to modify the communication system.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Заключение

Переход на новый технологический путь развития, который в первую очередь опирается на человеческий фактор, потребует существенных изменений в ключевых секторах, таких как наука, образование и здравоохранение, социальная сфера. Шестая К-волна, в отличие от предыдущих волн, качественно меняет роль структуры человеческого капитала:

1. Существенно меняются требования к образованию человека, осуществляется перегруппировка и появление новых навыков и компетенций, возрастает актуальность непрерывного и многоуровневого развития личности.
2. Самоуправляемые системы приведут к значительным изменениям в социальной среде, но точный характер этих изменений будет зависеть от того, как эти системы будут разработаны и внедрены человеком.
3. Инвестиции в человеческий капитал остаются по-прежнему актуальными как для отдельного человека, так и для общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апокин А.Ю., Белоусов Д.Р. Сценарии развития мировой и российской экономики как основа научно-технического прогнозирования // Форсайт. – 2009. – № 3 (3). – С. 12–29.
2. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1993. – 390 p.
3. Фишер С., Дорнбуш Р. Экономика. – М.: Дело ЛТД, 1998. – 830 с.
4. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999. – 309 с.
5. Российский работник: образование, профессия, квалификация: монография / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. – М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2011. – 574 с.
6. Ильинский И.В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1996. – 163 с.
7. Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Кибернетическая революция, шестой длинный цикл Кондратьева и глобальное старение // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 147–165. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.9>.
8. Гринин Л.Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Кондратьевские волны: Палитра взглядов. – Волгоград: Учитель, 2013. – С. 31–83.
9. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной мир-системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 480 с.
10. Гринин Л.Е. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюглярских циклов // История и математика: Анализ и моделирование глобальной динамики. – М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2010. – С. 44–111.
11. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A. A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century // Technological Forecasting and Social Change. – 2020. – Vol. 155. – Article number 119955. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.
12. Thompson W.R. The Kondratieff wave as global social process // World System History. Encyclopedia of Life Support Systems // Eds. G. Modelski, R.A. Denemark. – Oxford: UNESCO, EOLSS Publ., 2007. URL: <https://www.eolss.net/outlinecomponents/world-system-history.aspx> (дата обращения 12.03.2024).
13. Dator J. Alternative futures for K-waves // Kondratieff Waves, Warfare and World Security / Ed. by T.C. Devezas. – Amsterdam: IOS Press, 2006. – P. 311–317.
14. Nefiodow L., Nefiodow S. The sixth Kondratieff. The growth engine of the 21st century // Kondratieff Waves: Juglar–Kuznets–Kondratieff / Eds. L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev. – Volgograd: Uchitel, 2014. – P. 326–353.
15. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. The MANBRIC-technologies in the Forthcoming Technological Revolution // Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape / Eds. T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. – Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2017. – P. 243–261.
16. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18839-kondratiev-n-d-mirovoe-hozyaystvo-i-ego-kon-yunktury-vo-vremya-i-posle-voyny-vologda-1922> (дата обращения 12.03.2024).

Информация об авторах

Екатерина Валентиновна Меньшикова, кандидат философских наук, доцент Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; emikhalchenko@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8228-8236>

Татьяна Григорьевна Трубоченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры организационного поведения и управления персоналом Института экономики и менеджмента Национального исследова-

тельского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; ttg1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1206-3191>

Нина Васильевна Потехина, старший преподаватель Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; старший преподаватель кафедры экономики Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; potechinanina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7833-7242>

Марина Витальевна Верховская, кандидат экономических наук, доцент Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; vmv@tpu.ru; <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57190291702>

Анатолий Николаевич Древал, кандидат технических наук, доцент кафедры управления качеством факультета инновационных технологий Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; dreval@mail2000.ru; <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=7007032496>

Поступила в редакцию: 10.04.2024

Поступила после рецензирования: 12.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Apokin A.Yu., Belousov D.R. Scenarios for the development of the world and Russian economy as the basis of scientific and technical forecasting. *Forsayt*, 2009, no. 3 (3), pp.12–29. (In Russ.)
2. Becker G.S. *Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1993. 390 p.
3. Fischer S., Dornbusch R. *Economics*. Moscow, Delo LTD, 1998. 830 p. (In Russ.)
4. Dobrynin A.I., Dyatlov S.A., Tsyrenova E.D. *Human capital in a transitive economy: formation, assessment, efficiency of use*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 309 p. (In Russ.)
5. *Russian worker: education, profession, qualification*: monograph. Eds. V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2011. 574 p. (In Russ.)
6. Ilyinsky I.V. *Investments in the future: education in innovative reproduction*. St. Petersburg, SPbUEF Publ. house, 1996. 163 p. (In Russ.)
7. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. Cybernetic revolution, sixth long Kondratiev cycle, and global aging. *AlterEconomics*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 147–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.9>.
8. Grinin L.E. Dynamics of Kondratieff waves in the light of the theory of industrial revolutions. *Kondratieff waves: a palette of views*. Volgograd, Teacher Publ., 2013. pp. 31–83. (In Russ.)
9. Grinin L.E., Korotaev A.V. *Cycles, crises, traps of the modern world system. Study of Kondratieff, Juglar and secular cycles, global crises, Malthusian and post-Malthusian traps*. Moscow, LKI Publ. House, 2012. 480 p. (In Russ.)
10. Grinin L.E. Verbal model of the relationship between long Kondratieff waves and medium-term Juglar cycles. *History and Mathematics: analysis and Modeling of Global Dynamics*. Moscow, LIBROKOM/URSS Publ., 2010. pp. 44–111. (In Russ.)
11. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A. A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century. *Technological Forecasting and Social Change*, 2020, vol. 155, article number 119955. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.
12. Thompson W.R. The Kondratieff wave as global social process. *World System History*. Eds. G. Modelski, R.A. Denemark. Oxford, UNESCO, EOLSS Publishers, 2007. Available at: <https://www.eolss.net/outlinecomponents/world-system-history.aspx> (accessed 12 March 2024).
13. Dator J. Alternative Futures for K-Waves. *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Ed. by T.C. Devezas. Amsterdam, IOS Press, 2006. pp. 311–317.
14. Nefiodow L., Nefiodow S. The sixth Kondratieff. The growth engine of the 21st century. *Kondratieff Waves: Juglar–Kuznets–Kondratieff*. Eds. L. Grinin, T. Devezas, A. Korotayev. Volgograd, Uchitel Publ., 2014. pp. 326–353.
15. Grinin L., Grinin A., Korotaev A. The MANBRIC-technologies in the Forthcoming Technological Revolution. *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape*. Eds. T. Devezas, J. Leitão, A. Sarygulov. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2017. pp. 243–261.
16. Kondratyev N.D. *The world economy and its conditions during and after the war*. (In Russ.) Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18839-kondratiev-n-d-mirovye-hozyaystvo-i-ego-kon-yunktury-vo-vremya-i-posle-voyny-vologda-1922> (accessed 12 March 2024).

Information about the authors

Ekaterina V. Menshikova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, emikhalchenko@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8228-8236>

Tatiana G. Trubchenko, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, ttg1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1206-3191>

Nina V. Potekhina, Senior Lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Senior Lecturer, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation potechinanina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7833-7242>

Marina V. Verkhovskaya, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, vmv@tpu.ru; <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57190291702>

Anatolii N. Dreval, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, dreval@mail2000.ru; <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=7007032496>

Received: 10.04.2024

Revised: 12.07.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 378.091.3-027.22:331.102.312

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1827

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Потенциал креативного пространства в образовательной среде

В.В. Орлова[✉], А.В. Грязнова, Е.Р. Менгардт

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, г. Томск*

[✉]vera.v.orlova@tusur.ru

Аннотация. Актуальность. В настоящее время вопросы, связанные со спецификой реализации государственной молодёжной политики в различных субъектах Российской Федерации, становятся одной из приоритетных задач в контексте осуществления внутренней политики регионов. Это обусловлено не только социально-экономическим своеобразием субъектов, но и особенностью демографического и культурного портрета населения. Развитие креативных индустрий в современных условиях выступает фактором оживления региональной экономики во всем мире. Креативные индустрии создают творческие продукты в области программного обеспечения, компьютерных игр, кино, моды, дизайна, ювелирного дела и образования и в основном являются частными предприятиями. Стремительный рост креативных индустрий в современном обществе обуславливает необходимость изучения вопросов об их сущности, специфике и функциях. В связи с этим актуальным становится анализ совершенствования образовательных услуг, которые предоставляют творческие предприниматели – резиденты креативных пространств. Сегодня на креативные отрасли возлагаются надежды по развитию, оживлению экономической активности в городах и регионах Российской Федерации, а вместе с тем главным ресурсом экономики по праву становится человек – деятельный, творческий, интеллектуальный. В статье через анализ социального креативного пространства региона как социально преобразующей деятельности представлены модели процесса интеграции развития креативных индустрий и образовательного процесса образовательных организаций. **Цель:** описание моделей интеграции развития креативных индустрий и образовательной среды в контексте образовательных организаций региона, сопоставительная оценка отечественной практики применения креативных индустрий в высшем образовании. **Методы:** контент-анализ, теоретические методы (обзор литературы, в том числе нормативно-правовой документации, синтез, классификация и обобщение). **Результаты:** представлен анализ образования, преимуществ и ограничений платформ, развития творческих индустрий и моделей интеграции образовательной среды.

Ключевые слова: креативные индустрии, образовательные платформы, региональная экономика, ресурсы

Для цитирования: Орлова В.В., Грязнова А.В., Менгардт Е.Р. Потенциал креативного пространства в образовательной среде // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 62–76. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1827

UDC 378.091.3-027.22:331.102.312

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1827

Potential of creative space in the educational environment

V.V. Orlova[✉], A.V. Gryaznova, E.R. Mengardt

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

[✉]vera.v.orlova@tusur.ru

Abstract. Relevance. Currently, issues related to the specifics of the implementation of state youth policy in various constituent entities of the Russian Federation are becoming one of the priorities in the context of the implementation of the internal policy of the regions. This is due not only to the socio-economic specifics of the subjects, but also to the peculiarities of the demographic and cultural portrait of the population. The development of creative industries in modern conditions is a factor in the revitalization of regional economies around the world. Creative industries are innovative mainly in the form of individual enterprises, forming a postmodern product in the field of software and computer games, the film industry, fashion, design, jewelry, and education. The rapid growth of creative industries in modern society necessitates the study of questions about their essence, specificity and functions. In this regard, it becomes relevant to analyze the development of educational services provided by creative entrepreneurs – residents of creative spaces. Today, hopes are placed on the creative industries for development and revitalization of economic activity in the cities and regions of the Russian Federation, and at the same time, the main resource of the economy rightfully becomes a person – active, creative, intellectual. Through the analysis of the social creative space of the region as a socially transformative activity, the article presents models of integration of the development of creative industries and the educational process of educational organizations. **Aim.** Description of models for integrating the development of creative industries and the educational environment in the context of educational organizations in the region, comparative analysis of domestic practices in the use of creative industries in higher education. **Methods.** Content analysis, theoretical methods (analysis of literature on the research topic, including regulatory documentation, synthesis, classification and generalization). **Results.** The paper introduces the analysis of educational platforms, advantages and limitations, models of integration of the development of creative industries and the educational environment.

Keywords: creative industries, educational platforms, regional economy, resources

For citation: Orlova E.V., Gryaznova A.V., Mengardt E.R. Potential of creative space in the educational environment. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 62–76. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1827

В связи с активным развитием творческой деятельности за рубежом в России с 2014 г. активно обсуждается необходимость преобразования креативной индустрии: законодательно закрепляется понятие «творческие (креативные) индустрии». В 2014 г. Постановлением правительства [1] утверждена государственная программа «Развитие культуры». В сентябре 2021 г. в России принята Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. [2], что в целом соответствует международной повестке в связи с тем, что 2021 г. был объявлен Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития [3]. В ряде регионов РФ сформированы команды по развитию креативных индустрий (проектные офисы, агентства, фонды и т. п.), приняты концепции развития креативных индустрий, которые, отражая специфику субъекта РФ, встраивают свою стратегию в федеральный вектор социально-экономического развития. Данные тенденции делают изучение развития креативных индустрий на региональном и местном уровне крайне актуаль-

ным [4]. На творческие индустрии приходится 8–12% валового внутреннего продукта (ВВП) развитых стран, а их капитализация составляет 2,3 трлн долл. США.

Цель исследования заключается в обосновании феномена креативных индустрий с точки зрения средства модернизации образовательной среды г. Томска и их потенциала.

В современном мире происходит активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в сфере образования. Прежде всего это связано с теми возможностями, которые может представить Интернет. Экономия времени и физических ресурсов субъекта в получении образования делает дистанционное обучение все более значимым для преподавателей общеобразовательной среды [5].

Цифровые сервисы, электронная учебная литература, онлайн-уроки – всё это стало неотъемлемой частью образовательного процесса. Сначала это была вынужденная мера, сейчас – упрочившаяся действительность. Стали активно применяться многие решения и новации, которые ранее лишь апробировались. Начали тиражироваться и распространяться лучшие вузовские практики, будь то качественный онлайн-курс для студентов или курс для преподавателей по работе с цифровыми сервисами и системами дистанционного обучения. Развитие технологий достигло образовательную сферу настолько, что и преподаватели, и обучающиеся уже погрузились в новую реальность.

В создании глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное общество, М. Кастельс считает сетевую логику его базовой структурой [6].

Возникновение новых обществ влечет за собой трансформацию социальных форм в пространстве и времени, а также появление новых культур, охватывающих все сферы – от повседневной жизни до мировой политики.

Д. Белл системно рассматривает изменения, происходящие в трех основных, относительно автономных областях общества: социальной структуре, политической системе и сфере культуры (при этом к социальной структуре Д. Белл несколько нетрадиционно относит экономическую, технологическую системы и систему занятости) [6].

Концепция постиндустриального общества, по Беллу, включает пять основных компонентов:

- в экономическом секторе – переход от производства товаров к расширению сферы услуг;
- в структуре занятости – доминирование профессионального и технического классов, создание новой «меритократии»;
- осевой принцип общества – центральное место теоретических знаний;
- будущая ориентация – особая роль технологии и технологических оценок;
- принятие решений на основе новой «интеллектуальной технологии».

Говоря об использовании современных образовательных технологий, необходимо отметить важность образовательных платформ.

Образовательные платформы широко распространены за счёт разнообразия инструментов, востребованных для продуктивной деятельности школьников. Образовательная платформа – интернет-ресурс, обязательно содержащий банк учебных материалов, которые предоставляются пользователям на определенных условиях. Цель данных платформ – обеспечение высокого качества образования с помощью цифровых технологий.

Образовательная платформа Skillbox [7] второй год занимает лидирующую позицию, получив за год более 291 тыс. упоминаний. Сейчас у компании свыше 500 образовательных программ, а число пользователей превышает полмиллиона человек. Компания адаптируется к изменениям рыночной ситуации и экспериментирует с новыми направлениями.

Сервис GetCourse стал лидером по росту внимания, получив за анализируемый год 284 тыс. упоминаний против 174 тыс. за прошлый период. Интерес к GetCourse растет вместе с трендом на запуск авторских курсов от блогеров и знаменитостей [8].

Образовательный портал «Инфоурок» за год смог опередить крупнейшую онлайн-школу иностранных языков SkyEng (4-е место) и занять бронзовую позицию рейтинга, получив 255 тыс. упоминаний. «Инфоурок» входит в список социально значимых ресурсов, утвержденных Минкомсвязи 2020 г., доступ к сайту предоставляется бесплатно с любых устройств [9].

Яндекс Практикум – это сервис онлайн-образования, где каждый может получить навыки для работы и жизни. Сейчас в Практикуме можно получить одну из современных IT-профессий или заговорить на английском языке за полгода. Всё обучение проходит в собственной технологической среде, где можно на практике применить полученные навыки [10].

Плюсы и минусы образовательных платформ

К плюсам образовательных платформ можно отнести:

1. Сокращение операционных расходов. Дистанционное образование не требует аренды помещения и найма дополнительного персонала. Выбор преподавателей не ограничен географией: организатор может приглашать специалистов из любого города или страны. При этом не придется оплачивать дорогу и проживание. Сами преподаватели также экономят на дороге до учебного класса.
2. Привлечение большего количества учеников. На очных занятиях число участников ограничено вместимостью аудитории, а в онлайн-школу-можно приглашать одновременно тысячи людей. Если речь идет о корпоративном обучении, появляется возможность проводить занятия одновременно для всех филиалов. Коммерческие учебные заведения таким образом могут больше зарабатывать.
3. Автоматизация учебной программы. Еще одним плюсом обучения можно считать снижение рутины. Образовательные платформы снижают нагрузку на преподавателя, автоматизируя шаблонную работу. Например, они автоматически формируют отчеты о посещаемости и успеваемости, проверяют тесты, рассылают уведомления о следующем занятии.
4. Контроль за успеваемостью и посещением. В онлайн-образовании можно проверять знания учеников с помощью тестов, диалоговых тренажеров, устного экзамена по видеосвязи, практических заданий на интерактивной доске. Некоторые сервисы также позволяют отслеживать активность участников, смотреть статистику посещений по всей группе и отдельным людям.
5. Большой выбор инструментов для преподавания. Дистанционное образование не ограничивает преподавателя в выборе инструментов. В СДО также можно загружать презентации и документы, делиться изображением своего экрана, общаться в чате, модерировать пользователей. Всё это делает уроки разнообразнее и помогает убедительно доносить материал.

К минусам можно отнести:

1. Необходимость дополнительной мотивации учеников. Главный недостаток дистанционного обучения в том, что оно требует большей самостоятельности слушателя курса и даже инструменты контроля не всегда гарантируют качественное прохождение материала. Чтобы мотивировать участников, нужно хорошо продумать программу с учетом потребностей и уровня знания набранной группы.
2. Отсутствие навыков удаленного преподавания. Преподавателю сложнее удерживать внимание аудитории без личного контакта. Он не может оценить уровень вовлечения и понимания материала. Эту проблему легко преодолеть, если использовать правила подготовки к вебинарам.
3. Технические сложности. К минусам электронного учебного процесса относят как недостаточную техническую грамотность преподавателей, так и проблемы с оборудовани-

ем. Чтобы персоналу было проще перейти из офлайн в онлайн, следует простые сервисы, для которых не требуются специальные навыки. Например, на платформе Линк Вебинары (ранее Webinar) можно создать мероприятие в несколько кликов. Оптимальный способ выполнить вторую задачу – наличие системы дистанционного обучения с круглосуточной поддержкой или привлечением технического специалиста в команду. Для предотвращения возможных неполадок с камерой или гарнитурой рекомендуется заранее настроить виртуальное пространство. Также полезно иметь под рукой резервные наушники.

4. Проблема идентификации пользователя при сдаче экзамена. Сложно проверить, действительно ли человек самостоятельно прошел тестирование и диалоговый тренажер. Решением проблемы может стать видеонаблюдение, но это не всегда возможно.

При анализе множества образовательных платформ было замечено, что больше всего востребованы курсы по Архитектуре и IT-индустрии.

Сфера IT – одна из самых стремительно развивающихся и быстрорастущих. В связи с мировой цифровизацией появляются новые проекты, открывается бизнес и обновляются существующие разработки. Это область, которая не может существовать без IT-специалистов, поэтому в ней требуются профессионалы, способные поддерживать работу предприятий и других организаций на уровне компьютерных технологий. По данным Минцифры РФ в России спрос на IT-специалистов в 2022 г. вырос в 2 раза по сравнению с предыдущим годом. Эксперты прогнозируют, что цифра будет расти в связи с необходимостью разработки и усовершенствования программного обеспечения в России [11].

В начале 1990-х гг., не говоря уже о советской эпохе, практически все городские здания и многие сельские (дачные) дома строились по типовому проекту. В последние десятилетия работа архитекторов стала намного более востребованной, особенно в загородном строительстве.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образовательные платформы популярны в настоящее время. С их помощью можно получить новую профессию, новые знания, а также самому выбирать время обучения.

Креативные индустрии: концепции, типологии, инновационный потенциал в образовательной сфере

Креативные индустрии – сектор экономики, значимая часть добавленной стоимости которого формируется за счет творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность.

В течение последних десятилетий концепция «креативной экономики» стала предметом теоретического осмысления и научных дискуссий. Согласно данной концепции, виды творческой деятельности классифицируются в соответствии с определенными направлениями креативных индустрий.

Впервые термин «креативные индустрии» возник во второй половине 1990-х гг. в Великобритании. Департаментом культуры, медиа и спорта было сформулировано понятие «креативные индустрии», согласно которому они определяются как деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

Д. Хесмондхалф [12] рассматривал креативные индустрии как большое количество интерактивных сервисов, которые не просто помогают человеку в его повседневной жизни, но и способствуют развитию его творческого потенциала, моделированию продуктивного досуга, призывая сделать что-то самостоятельно, используя новое искусство, технологии (мультимедиа и компьютерные игры, Интернет). В то же время распространение ряда «новых креативных технологий» вызывает качественные изменения в культуре и обществе.

Креативные индустрии подробно характеризуются в работах зарубежных ученых (Р. Флорида, Т. Адорно, Ч. Лэндри) и отечественных (Е.Г. Трубина, С.Э. Зуев, Е.В. Зеленцова, М.В. Матецкая и др.), в которых они определяются как отрасль креативной экономики, объединяющей предприятия и предпринимателей.

Вопросам научного осмысления креативных индустрий в социально-культурной деятельности посвящены работы В.З. Дуликова, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, Н.Н. Ярошенко, раскрывающие особенности инноваций в сфере культуры, а также инновационные технологии и организационные процессы в социокультурной сфере [13].

Британской школой «креативные индустрии» интерпретируются как мероприятия, которые имеют свое происхождение в индивидуальном творчестве, умении, таланте и которые имеют потенциал для богатства и создания новых рабочих мест через генерирование идей и использование интеллектуальной собственности [14]. К ним причисляются следующие сферы творчества:

- реклама, архитектура (архитектурный сектор, связанный с деятельностью строительной промышленности);
- искусство и рынок антиквариата (включаются старинные ювелирные изделия, мебель, картины, скульптуры);
- ремесла (в области текстиля, керамики, металла, кожи и др.);
- дизайн и дизайнерская мода;
- кино и видео;
- программное обеспечение для интерактивного досуга;
- музыка, исполнительское искусство (танцы, мюзиклы, балет и т. д.);
- публикации (издание книг, газет, журналов, использование английского языка на международном уровне);
- программное обеспечение и компьютерные услуги;
- телевидение и радио.

Креативные индустрии в соответствии с классификацией Конференции ООН по торговле и развитию (2008) распределяются по четырём большим сферам: культурное наследие, искусство, медиа, функциональные сферы. Отечественные ученые относят музыку, книги, фильмы и другие отрасли искусства к индустрии культуры и искусства.

Профессор Г.А. Аванесова к важнейшим составляющим креативных индустрий относит: газеты, журналы, книги развлекательного содержания; кинопроизводство и производство видеопродукции; сеть кинопроката, телеканалы, радиостанции; музыкальную индустрию; арт-бизнес; шоу-бизнес; театры, концертные организации, цирки; досуговые центры, клубы; модельный бизнес; парки; сеть общественного питания (кафе, рестораны) [15].

При этом культурные ценности являются приоритетными и возникают в ходе получения культурного продукта по законам экономической целесообразности и эмоциональной эффективности. В то же время культурные ценности играют роль основного интегратора всей системы, определяют развитие её отдельных элементов.

Современное образовательное пространство претерпевает существенные подвижки в связи с интенсивными социокультурными изменениями, фундированными, прежде всего, технологическим развитием. Образование можно представить в виде системы, состоящей из трех компонентов, которые распределены следующим образом: объект – обучающийся, субъект – преподаватель, а средством обучения выступают книги, журналы, компьютерные обучающие системы, учебники, дидактический материал и т. д. Опираясь на эту модель, можно прийти к выводу, что взаимодействие преподавателей и студентов происходит через технические средства обучения. Поэтому преподаватель должен тщательно подбирать учебный материал, который будет соответствовать возможностям и потребностям студента.

Классическая модель университета/института, основанная на знании, меняется на системно-деятельностную/компетентностную. Образование как важнейший социальный институт постоянно трансформируется. Специалисты предлагают выделять следующие образовательные парадигмы:

- **традиционно-консервативную** (знаниевую), основанную на передаче молодому поколению культурно-исторического опыта и наследия цивилизации;
- **рационалистическую** (бихевиористскую, поведенческую), основной формой которой являются научение, тренинг, тестовый контроль;
- **феноменологическую** (гуманистическую), рассматривающую и педагога, и обучающегося как равноправных субъектов образовательного процесса;
- **технократическую**, провозглашающую основой точное научное знание;
- **неинституциональную**, ориентированную на организацию образования вне традиционных социальных институтов (школ и вузов), с помощью Интернета, в условиях открытых школ, дистанционного обучения, гуманитарную, ориентированную на обучающегося в формате субъект-субъектного взаимодействия.

Именно в рамках неинституциональной парадигмы и происходит образовательная (в режиме «дополнительности») деятельность на базе креативных площадок. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что «дополнительное образование детей и взрослых направлено на становление и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [16]. Дополнительное образование включает в себя общее дополнительное образование и профессиональное дополнительное образование. Можно говорить, что на базе креативных пространств формируется рынок малых образовательных форм в рамках досуговой и просветительской деятельности. В креативных пространствах в настоящее время на первый план выходят не стандартные учебные программы, а новые, дополнительные, отвечающие более узким запросам со стороны потребителей. Такие специальные короткие дополнительные программы называют малыми образовательными формами, а новый рынок таких услуг – рынком малых образовательных форм.

Таким образом, креативные пространства обладают большим потенциалом в качестве площадок дополнительного образования для взрослых и детей, но не заменяют на данный момент традиционные учреждения культуры. Они нашли свою нишу, связанную с предоставлением краткосрочных программ в виде семинаров, лекций, тренингов с непостоянной аудиторией и выполняют важную просветительскую функцию. При этом наравне с традиционными учреждениями культуры они реализуют и долгосрочные образовательные программы. Образовательные практики креативных пространств меняют городскую образовательную среду, дают возможность для запуска новых форм в виде творческих проектов, тренингов, семинаров, встреч с интересными специалистами.

Становление и развитие креативных индустрий в России в сфере образования

Российская траектория развития креативной индустрии, в отличие от международной практики, где абсолютное лидерство за телевидением, развивается по тому пути, где первая строчка принадлежит сфере информационных технологий, программного обеспечения и компьютерных услуг, вторая – рекламе и маркетингу, а тройку лидеров по доходности замыкает отрасль «издательская деятельность».

По сравнению с традиционными отраслями экономики креативная индустрия демонстрирует более интенсивный рост. Но за последние годы произошло стремительное увеличение объема экспорта креативных услуг, что сопровождается одновременным ростом импорта то-

варов и услуг по этой категории. Это обстоятельство привело к тому, что, например, на рынке креативной индустрии для сферы образования каждый третий товар и услуга – зарубежного производства.

Около 70 % продукции и услуг в сфере образования произведено зарубежными производителями, объем рынка товаров для хобби-творчества и ремесел в России в 22 раз меньше, чем в США.

Доля занятости населения России в креативной индустрии, по некоторым оценкам, составляет около 4 % от общей численности трудоспособного населения страны. При этом порядка 30 % приходится на малый и средний бизнес и еще около 2 % – доля самозанятых в данной сфере.

Творческий подход является главной целью современного образования. Таким образом, это защищает преподавателей от профессионального выгорания и усталости, а студентов – от скуки и демотивации, что делает систему образования актуальной и мобильной.

Государство, безусловно, осознает значимость развития креативных индустрий в качестве важной сферы экономики. В подтверждение этого в 2021 г. в России на уровне правительства была принята Концепция развития творческих (креативных) индустрий, а также разработаны механизмы государственной поддержки. Искусство и дизайн, музыка и телевидение, кино и анимация, дизайн и разработка игр – в общей сложности от 10 до 14 творческих отраслей к 2030 г. могут составить 6 % ВВП в российской экономике, в том числе благодаря реализации потенциала регионов и формирования территориальной инфраструктуры креативного предпринимательства.

Креативные индустрии – это феномен, который влияет на экономику, инфраструктуру городов, культурный и социальный облик регионов. Такая планка автоматически повышает и уровень требований, предъявляемых к творцам, которые работают в креативных индустриях. Это уже не просто свободные художники, а специалисты с широким кругозором и целым перечнем профессиональных компетенций. Данное обстоятельство естественным образом переводит вопрос подготовки кадров для креативных индустрий на уровень образовательных организаций.

В настоящее время количество образовательных платформ и размещенных курсов увеличивается (табл. 1).

Нормативное сопровождение креативных индустрий: 20 сентября 2021 года Правительством РФ было принято Распоряжение № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», 15 августа 2023 года на сайте Президента РФ опубликован Перечень поручений по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России».

Креативная экономика в прямом смысле трансформирует города и меняет привычные процессы в смежных индустриях. Очевидно, что этот факт повышает уровень ответственности и требований к молодым творцам, а значит, влияет и на профессиональную подготовку. Кроме базового академического образования специалисту необходимы прикладные компетенции. При этом со стороны учебных заведений важно помочь свободному художнику и дать ему эффективную траекторию обучения. Центрами развития культурных индустрий России выступают Москва и Санкт-Петербург, активно развиваются в данном направлении Ростов-на-Дону и некоторые другие регионы страны [17].

Необходимо не только адаптировать существующие образовательные программы к современным реалиям. Чтобы охватить интересы самых разных аудиторий, система должна быть гибкой между стандартами и тенденциями.

Таблица 1. Структура онлайн-ресурсов и посещений образовательных платформ**Table 1. Structure of online resources and visits**

Платформы Platforms	Тип контента Type of content	Количество посещений Number of visits
Skillbox ¹	346 курсов 346 courses	733000 зарегистрированы (registered) 102000 обучаются (are studying)
GetCourse ²	260000 тренингов (trainings) 4,6 млн уроков (million lessons)	85 млн пользователей зарегистрировались 85 million users registered количество оплаченных заказов – 16 млн the number of paid orders amounted to 16 million
Инфоурок Info lesson ³	1195 онлайн-курсов повышения квалификации (online training courses) 443 онлайн-курса переподготовки 443 Online retraining courses 6 394 883 единиц – библиотека материалов (material library) 4590 онлайн-мероприятий (online events)	97085 чел./people 65235 чел./people 5662563 чел. скачали контент 5662563 people downloaded content 12417 посещений (visits)
Яндекс.Практикум Yandex Workshop ⁴	76 курсов/courses	
Skillfactory ⁵	93 курса/courses	около 75000 чел./about 75000 people
Otus ⁶	253 курса/courses	42702 чел./people
Ted-Ed ⁷	2000 видео/video	19,1 млн подписчиков (million subscribers)
ПостНаука PostScience ⁸	371000 видео/video	1,31 млн подписчиков (million subscribers)
CGP Grey ⁹	181 видео/video	6,01 млн подписчиков (million subscribers)
Канал Арзамас Arzamas channel ¹⁰	760 видео/video	1,57 млн подписчиков (million subscribers)
VSauce ¹¹	485 видео/video	20,1 млн чел./million people

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Примечания/Notes: ¹Skillbox – российская интернет-компания, работающая в сфере онлайн-образования, основана в 2016 г., входит в образовательный холдинг Skillbox Holding Limited. Компания считается лидером российского рынка онлайн-обучения/Russian Internet company operating in the field of online education, founded in 2016, and is part of the educational holding Skillbox Holding Limited. The company is considered the leader of the Russian online learning market.

²GetCourse – российская интернет-компания, платформа для запуска, продажи и проведения онлайн-курсов. Основана в 2014 г. Маратом Нигаметзяновым, Дмитрием Останиным, Тимуром Каримбаевым и Матвеем Калачевым. С 2018 г. входит в десятку крупнейших EdTech-компаний России по рейтингу РБК/Russian Internet company, a platform for launching, selling and conducting online courses. Founded in 2014 by Marat Nigametzyanov, Dmitry Ostanin, Timur Karimbaev and Matvey Kalachev. Since 2018, it has been included in the top ten largest EdTech companies in Russia according to the RBC rating.

³Инфоурок – крупнейший образовательный интернет-проект в России, который ежедневно посещают более 2900000 чел. В рамках проекта проводятся массовые международные олимпиады и конкурсы по предметам школьной программы. «Инфоурок» даёт возможность пройти курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, является базой для размещения методических материалов и разработок, с помощью которых учителя могут делиться опытом или искать новые идеи. «Инфоурок» предлагает бесплатные видеоуроки по основным предметам школьной программы, проводит вебинары на актуальные и интересные темы. За 8 лет существования проект «Инфоурок» стал одним из самых посещаемых ресурсов России/The largest educational Internet project in Russia visited daily by more than 2900000 people. Within the framework of the project, the most widespread international Olympiads and competitions are held in school subjects and beyond. Infourok provides an opportunity to take advanced training and professional retraining courses, and is the basis for posting methodological materials and developments with the help of which teachers can share experience or, conversely, look for new ideas. The Infourok project offers free video lessons on the main subjects of the school curriculum and conducts webinars on current and interesting topics. Over the 8 years of its existence, the Infourok project has become one of the most visited resources in Russia. ⁴Яндекс. Практикум – международный сервис онлайн-образования, запущенный компанией «Яндекс» в 2019 г. Обучение проходит в собственной технологической среде компании, что

позволяет сразу применять полученные знания на практике/International online education service launched by Yandex in 2019. Training takes place in the company own technological environment, which allows you to immediately apply the acquired knowledge in practice. ⁵Skillfactory – российская компания в сфере онлайн-образования, основанная в 2016 г. Skillfactory предлагает курсы по Data Science, аналитике данных, программированию, IT-менеджменту и дизайну/Russian company in the field of online education, founded in 2016. Skillfactory offers courses in Data Science, data analytics, programming, IT management and design. ⁶Otus – это авторские курсы по программированию, тестированию, инфраструктуре, администрированию, разработке игр, управлению и Data Science/Otus is a collection of original courses on programming, testing, infrastructure, administration, game development, management and Data Science. ⁷Ted-Ed – компания, которая с марта 2011 г. органично сочетает образование с технологиями. Она является одним из пионеров онлайн-образования, включает много предметов, в том числе математику, естественные науки, бизнес, историю и т. д. У Ted-Ed 18,2 млн подписчиков и более 3 млрд просмотров/Since March 2011, Ted-Ed has seamlessly combined education with technology. Resource soon became one of the pioneers of online education. They have many subjects including math, science, business, history, etc. Ted-Ed has 18.2 million subscribers and over 3 billion views. ⁸ПостНаука – один из крупнейших русскоязычных каналов о современной науке и официальный YouTube-канал проекта (на YouTube (1,31 млн подписчиков)/One of the largest Russian-language channels about modern science and the official representation of the project on YouTube (1.31 million subscribers). ⁹CGP Grey – канал, который специализируется в основном на политике, истории, философии, науке и технике. Кроме того, на платформе размещено достаточное количество видеороликов с забавными сюжетами и анимацией. Это облегчает понимание сложных политических тем. Также на канале 5,77 млн подписчиков. Количество просмотров – 890 млн/Mainly focuses on politics, history, philosophy and science and technology. In addition, they have many videos with funny stories and animations. This makes complex political topics easier to understand. Additionally, they have 5.77 million subscribers and 890 million views on their channel. ¹⁰Канал «Арзамас» – образовательный ютуб-канал (1,57 млн подписчиков). Благодаря этому уникальному проекту можно узнать много нового из истории, литературы, археологии: откуда взялся Лакан, как был устроен средневековый город, как тоталитарный режим изменил японскую семью/Called one of the best educational YouTube channels (1.57 million subscribers). In this unique project you can learn a lot of new things from history, literature, and archeology. Where Lacan came from, how the medieval city was structured, how the totalitarian regime changed the Japanese family (1.57 million subscribers). ¹¹VSauce – научно-образовательный канал на YouTube, впервые запущенный в 2010 г. Майклом Стивенсом, Кевином Либером и Джейком Ропером. На YouTube-канале обсуждается множество вопросов. Например, «Что, если солнце однажды исчезнет?» или «Что, если наши океаны высохнут?». Есть ответы на многие важные вопросы «что, если...?». На VSauce подписаны 18,4 млн человек; количество просмотров – более 2 млрд. Есть и другие каналы – VSauce 1 и 2/Launched in 2010 by Michael Stevens, Kevin Lieber and Jake Roper. This is a scientific and educational channel on YouTube. This channel mainly addresses many issues. For example, “What if the Sun disappears one day?” or “What if our oceans dry up?” The channel has the best answers to all our “what if” questions. We suggest this channel to everyone who has similar intriguing questions. The channel has 18.4 million subscribers and over 2 billion views. They have other channels called VSauce 1 and 2.

Образовательные программы, связанные с креативными индустриями, предлагают студентам широкий выбор направлений, включающих искусство, дизайн, музыку, театр и медиа. Учебные заведения, предлагающие такие программы, стремятся создать стимулирующую и вдохновляющую обучающую среду, где студенты могут раскрыть свой творческий потенциал и научиться применять его на практике.

Креативные индустрии также способствуют развитию развлечений и культуры, которые имеют огромный потенциал для экономического роста. Студенты, получающие образование в таких областях, имеют возможность стать профессионалами в культурной сфере, влиять на развитие искусства и вносить вклад в общественное развитие.

Креативные индустрии играют важную роль в развитии современного образования. Они предлагают новые возможности для творческого развития и профессионального роста студентов. Вот несколько способов влияния креативных индустрий на образование:

- Развитие творческих специальностей: креативные индустрии создают спрос на специалистов в области дизайна, искусства, мультимедиа и других творческих областей. Это побуждает образовательные учреждения расширять свои программы и предлагать новые специализации, чтобы удовлетворить потребности рынка труда.
- Интеграция практического опыта: креативные индустрии активно сотрудничают с образовательными учреждениями, предлагая студентам возможность получить практический опыт работы в реальных проектах. Это помогает студентам применить свои знания и навыки на практике, а также улучшить свои шансы на трудоустройство после окончания учебы.

- Стимулирование инноваций: креативные индустрии способствуют развитию инноваций в образовании. Они внедряют новые технологии и методики обучения, создают новые форматы и контент для образовательных программ. Это помогает современным учебным заведениям быть актуальными и привлекательными для студентов.
- Развитие междисциплинарности: креативные индустрии объединяют различные области знаний и дисциплины. Студенты, обучающиеся в таких областях, развивают междисциплинарные навыки, такие как коммуникация, сотрудничество и адаптивность. Эти навыки являются важными для успешной карьеры в современном мире.

В целом влияние креативных индустрий на современное образование является перспективным. Они способствуют развитию творческих специальностей и инноваций, а также предоставляют студентам практический опыт и междисциплинарные навыки, необходимые для успешной карьеры в современном мире (табл. 2).

Преимущества образовательных платформ в контексте развития креативных индустрий заключаются в следующем:

1. Снижение операционных расходов. Дистанционное образование не требует аренды школьных зданий или найма персонала. При подборе преподавателей нет географических ограничений. Организаторам не нужно оплачивать проезд и проживание. Сами преподаватели могут сэкономить на поездках в класс.
2. Возможность привлечения большого количества студентов. В то время как на очных занятиях количество студентов ограничено вместимостью аудитории, онлайн-школы могут приглашать тысячи человек одновременно. При корпоративном обучении занятия могут проводиться во всех филиалах одновременно. Таким образом, коммерческие школы могут получить больший доход.
3. Еще одним положительным моментом обучения можно считать сокращение рутины. Образовательные платформы снижают нагрузку на преподавателей, автоматизируя шаблонные задачи. Например, они могут автоматически генерировать отчеты о посещаемости и успеваемости, проверять тесты и отправлять уведомления о предстоящих занятиях.
4. Онлайн-образование позволяет проверять знания учащихся с помощью тестов, диалоговых тренажеров, устных экзаменов по видеосвязи и практических заданий на интерактивных досках. Существуют также сервисы, позволяющие участникам отслеживать свою деятельность и просматривать статистику посещений в целом по группе и по отдельности.
5. Дистанционное обучение не ограничивает преподавателей в выборе инструментов. Они могут загружать презентации и документы, обмениваться изображениями с экрана, общаться в чате и даже модерировать пользователей. Все это помогает сделать уроки более разнообразными и передать интересный материал в различных направлениях креативных индустрий.

Ограничения образовательных платформ:

1. Необходимость мотивировать учащихся. Основной недостаток дистанционного образования заключается в том, что оно требует большей самостоятельности учащихся, а качество материала не всегда гарантируется даже средствами управления. Для того чтобы мотивировать студентов, программы должны быть хорошо разработаны, с учетом потребностей и уровня знаний группы.
2. Без личного контакта преподавателю сложно удерживать внимание аудитории. Невозможно оценить участие и понимание материала. Эту проблему можно легко преодолеть, если использовать правила подготовки к вебинару.
3. Чтобы сотрудникам было проще перейти из офлайна в онлайн, необходимо использовать простые сервисы, не требующие специальных навыков.
4. Сложно самостоятельно проверить, действительно ли человек сдал экзамен или интерактивный тест. Возможным решением этой проблемы является видеонаблюдение, но оно не всегда возможно.

Таблица 2. Ключевые показатели отраслевых креативных индустрий
Table 2. Key indicators of the creative industries sector

Направление анализа Direction of analysis	Отраслевой анализ Industry analysis	Занятость Employment	Внешняя торговля Foreign trade
Ключевые показатели Key indicators	Численность занятых (IT-индустрия) – 14,8 % Number of employees (IT Industry) – 14.8 %	Разработка компьютерного программного обеспечения; издание компьютерных игр Computer Software Development; Publishing computer games	Россия экспортирует преимущественно продукцию низких переделов – книги и газетную бумагу, а также предметы интерьера (мебель, обои и пр.). В импорте креативных товаров преобладают мебель и игрушки Russia exports mainly low-process products – books and newsprint, as well as interior items (furniture, wallpaper, etc.). Imports of creative goods are dominated by furniture and toys
	Численность занятых (музыка, исполнительское искусство, культурно-досуговые учреждения) – 21 % Number of employees (music, performing arts, cultural and leisure institutions) – 21 %	Музыканты, певцы, танцоры, режиссеры, актеры Musicians, singers, dancers, directors, actors	
	Численность занятых (реклама) – 7,8 % Number of employees (advertising) – 7.8 %	Деятельность в сфере связи с общественностью креативных индустрий; в 2020 г. работали 2,6 млн человек, или 3,7 % занятых в стране. В 2020 г. в креативной экономике России работали 4,7 млн человек. Это 6,6 % от количества всех занятых в стране Activities in the field of public relations; 2.6 million people worked in the creative industries in 2020, or 3.7% of those employed in the country. In 2020, 4.7 million people worked in the creative economy of Russia, this is 6.6% of all employed in the country	
Методологическая основа измерений по России Methodological basis for measurements in Russia	Услуги в области рекламы Advertising services Услуги в области архитектуры Architectural services Услуги в сфере культуры и отдыха Services in the field of culture and recreation Аудиовизуальные и связанные с ними услуги Audiovisual and related services		

Источник: составлено по данным Росстат.

Source: compiled according to Rosstat data.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что образовательные платформы востребованы в настоящее время. Вместе с тем виртуальная образовательная среда кардинально отличается от традиционного формата преподавания – форма представления контента, практические задания с использованием ИКТ, форма контроля, учащимся необходим консультант. Студент, проходящий курс дистанционно, может испытывать некоторые затруднения по причине отсутствия опыта работы с IT-технологиями или сетевыми курсами, а возможно – из-за отсутствия привычки заниматься самостоятельно. Человек – это социальное существо, которому необходим межличностный контакт как в жизни, так и в образовательной деятельности. Поэтому личное общение между преподавателем и студентом, а также между однокурсниками очень важно. Но с помощью образовательных платформ можно получить новую профессию, новые знания и самостоятельно выбрать ритм и время обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 (ред. от 26.12.2022) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70644226/> (дата обращения 06.03.2024).
2. Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р // КонсультантПлюс. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения 10.03.2024).
3. 2021 год – Международный год креативной экономики в целях устойчивого развития. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2019 года. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/433/87/pdf/n1943387.pdf> (дата обращения 10.03.2024).
4. Проект «Придумано в России», или как стать кинорежиссером еще в школе // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/proekt-pridumano-v-rossii-ili-kak-stat-kinorezhisserom-eshche-v-shkole/> (дата обращения 06.03.2024).
5. Дигтяр О.Ю. Дистанционное обучение как образовательная практика в современном ВУЗе в условиях мировой пандемии и ее влияние на учебный процесс // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 1 (92). – С. 154–157.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – 465 с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 788 с.
8. Образовательная платформа Skillbox. URL: https://skillbox.ru/?_sp=7cd00439-3ac7-4733-8427-c519b46d342c.1723618799170&_gl=1%2as3rbr3%2a_gcl_au%2aNDQ3NDI4MzY2LjE3MjM2MTg3Nzk.%2a_ga%2aNjA3OTU0ODI5LjE3MjM2MTg3Nzk.%2a_ga_6Z66XBG8S2%2aMTcyMzYxODc3OS4xLjEuMTcyMzYxODc4Ny41Mi4wLjA (дата обращения 03.06.2024).
9. Сервис GetCourse. URL: <https://getcourse.ru/> (дата обращения 03.06.2024).
10. Инфоурок – образовательная онлайн-платформа. URL: <https://infourok.ru/> (дата обращения 03.06.2024).
11. Яндекс.Практикум – сервис онлайн-образования. URL: <https://practicum.yandex.ru/> (дата обращения 03.06.2024).
12. Interfax-Russia.ru. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/minicfry-dve-treti-it-specialistov-uehavshih-v-2022-godu-vernulis-v-rf> (дата обращения 03.06.2024).
13. Mapping the creative industries: a toolkit. Creative and cultural economy series. URL: https://creativeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/English_mapping_the_creative_industries_a_toolkit_2-2.pdf (дата обращения 03.06.2024).
14. Бокова А.В. Культурные, креативные, творческие индустрии как явление современной культуры: опыт концептуализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2016. – 20 с.
15. Аванесова Г.А. Культурно-досуговая деятельность. – Москва: Аспект-пресс, 2006. – 236 с.
16. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 03.06.2024).
17. Исследование креативного потенциала в городах России. URL: https://citylifeindex.ru/static/files/creative/creative_potential_RUS_020822.pdf (дата обращения 03.06.2024).

Информация об авторах

Орлова Вера Вениаминовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; vera.v.orlova@tusur.ru

Грязнова Александра Всеволодовна, магистрант кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; gryaznovaalexandra@yandex.ru

Менгардт Елена Рудольфовна, доцент кафедры иностранного языка Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; elena.r.mengardt@tusur.ru

Поступила в редакцию: 21.05.2024

Поступила после рецензирования: 10.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. *On approval of the state program of the Russian Federation "Development of Culture"*. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 317 (as amended on December 26, 2022). *Garant*. (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/70644226/> (accessed 6 March 2024).
2. *On approval of the Concept for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and major urban agglomerations until 2030*. Order of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2021 No. 2613-r. *ConsultantPlus*. (In Russ.) Available at: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBcJlAtAya8FAVDUfP.pdf> (accessed 10 March 2024).
3. *2021 – International Year of the Creative Economy for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on December 19, 2019*. (In Russ.) Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/433/87/pdf/n1943387.pdf> (accessed 10 March 2024).
4. Project "Invented in Russia", or how to become a film director while still in school. *National projects of Russia*. (In Russ.) Available at: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/proekt-pridumano-v-rossii-ili-kak-stat-kinorezhisserom-eshche-v-shkole/> (accessed 6 March 2024).
5. Digtyar O.Yu. Distance learning as an educational practice in a modern university under conditions of the world pandemic and its impact on the educational process. (In Russ.) *World of science, culture, education*, 2022, no. 1 (92), pp. 154–157.
6. Castells M. *Information era: economics, society and culture*. Moscow, State University-Higher School of Economics Press, 2001. 465 p. (In Russ.)
7. Bell D. *The coming post-industrial society: experience in social forecasting*. (In Russ.) Moscow, Academia Publ., 1999. 788 p.
8. *Educational platform Skillbox*. (In Russ.) Available at: https://skillbox.ru/?sp=7cd00439-3ac7-4733-8427-c519b46d342c.1723618799170&_gl=1%2as3rbr3%2a_gcl_au%2aNDQ3NDI4MzY2LjE3MjM2MTg3Nzk.%2a_ga%2aNjA3OTU0ODI5LjE3MjM2MTg3Nzk.%2a_ga_6Z66XBG8S2%2aMTcyMzYxODc3OS4xLjEuMTcyMzYxODc4Ny41Mi4wLjA (accessed 3 June 2024).
9. *GetCourse service*. (In Russ.) Available at: <https://getcourse.ru/> (accessed 3 June 2024).
10. *Info-lesson – online educational platform*. (In Russ.) Available at: <https://infourok.ru/> (accessed 3 June 2024).
11. *Yandex.Practice – online education service*. (In Russ.) Available at: <https://practicum.yandex.ru/> (accessed 3 June 2024).
12. *Interfax-Russia.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.interfax-russia.ru/main/mincifry-dve-treti-it-specialistov-uehavshih-v-2022-godu-vernulis-v-rf> (accessed 3 June 2024).
13. *Mapping the creative industries. Creative and cultural economy series*. Available at: https://creativeeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/English_mapping_the_creative_industries_a_toolkit_2-2.pdf (accessed 3 June 2024).
14. Bokova A.V. *Cultural, creative, artistic industries as a phenomenon of modern culture: experience of conceptualization*. Cand. Diss. Abstract. Tomsk, 2016. 20 p. (In Russ.)
15. Avanesova G.A. *Cultural and leisure activities*. Moscow, Aspect-press Publ., 2006. 236 p. (In Russ.)
16. *About education in the Russian Federation*. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FL. *ConsultantPlus*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 3 June 2024).
17. *Study of creative potential in Russian cities*. (In Russ.) Available at: https://citylifeindex.ru/static/files/creative/creative_potential_RUS_020822.pdf (accessed 3 June 2024).

Information about the authors

Vera V. Orlova, Dr. Sc., Professor, Head of the Philosophy and Sociology Department, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; vera.v.orlova@tusur.ru

Alexandra V. Gryaznova, Master's Student, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; gryaznovaalexandra@yandex.ru

Elena R. Mengardt, Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; elena.r.mengardt@tusur.ru

Received: 21.05.2024

Revised: 10.08.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 332.14.012.334:330.12
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887
Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения

Е.Б. Дворядкина, Е.А. Белоусова[✉], Е.И. Кайбичева

Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

[✉]belousova-unir@usue.ru

Аннотация. С момента возникновения концепция устойчивого развития была направлена на сохранение окружающей среды по мере роста материального благосостояния, но получила ограниченное практическое воплощение в социально-экономических системах разного уровня. Гипотеза исследования состоит в том, что принцип ответственности в следовании ценностям устойчивого развития является фундаментом экономического благополучия таких систем. **Цель:** дать обоснование концепции ответственного развития в качестве платформы экономического благополучия муниципального образования и подтвердить его измеримость. **Методы:** комплекс общенаучных методов, включая обобщение, систематизацию, дедукцию, которые позволили спроецировать положения этики ответственности как ценностной основы устойчивого развития на понятие экономического благополучия муниципального образования. Отбор показателей муниципальной статистики, обладающих потенциалом измерения экономического благополучия как результата ответственного развития, проводился на материалах Базы данных показателей муниципальных образований Росстата. **Результаты:** первопричиной кризиса взаимоотношений общества и природы является кризис ментальности, что обосновывает необходимость перехода к использованию термина «ответственное развитие», обозначающего развитие, которое базируется на намеренном следовании ценностям, приоритетам устойчивого развития и применении принципа ответственности при принятии решений. Последнее подразумевает опору на научное знание, четкую самоидентификацию субъекта, учет окружающего ценностно-культурного пространства; активного, свободного и интенционального субъекта, осознающего себя как часть целостности, принимающего во внимание интересы других акторов; распределение уровней ответственности; внимание к последствиям, благоприятному исходу ситуации в долгосрочной перспективе. Анализ муниципальной статистики позволил сформировать три группы показателей: показатели воспроизводственного процесса (индикаторы износа основных фондов, индикаторы диверсификации муниципальной экономики и индикаторы, характеризующие экономически активное население); индикаторы удовлетворения потребностей муниципальной экономики (показатели финансовой самостоятельности, инфраструктурного развития, гражданской активности); показатели, характеризующие сохранение природных ресурсов. Соответственно, подтверждена измеримость экономического благополучия муниципалитета как результата ответственного развития, а разработанная система показателей может служить ориентиром при управлении развитием муниципальной статистики.

Ключевые слова: муниципальное образование, региональная экономика, экономика благополучия, устойчивое развитие, ответственное развитие

Для цитирования: Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

UDC 332.14.012.334:330.12

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

Economic well-being of municipalities and responsible development: measurement possibilities

E.B. Dvoryadkina, E.A. Belousova[✉], E.I. Kaibicheva

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

[✉]belousova-unir@usue.ru

Abstract. Since its inception, the concept of sustainable development has aimed at preserving the environment during an increase in material welfare, though its implementation in socio-economic systems of different levels has remained limited. Our hypothesis is that following the principle of responsibility in adopting the values of sustainable development underlies the economic well-being of such systems. **Aim.** To justify the concept of responsible development as a platform for the economic well-being of a municipality and confirm its measurability. **Methods.** Generalization, systematization, and deduction. Their use made it possible to project the ethics of responsibility as the value basis of sustainable development onto the concept of municipality economic well-being. The analysis of municipal statistics, which have the potential to measure economic well-being as a result of responsible development, was performed using materials of Municipal Indicators Database by Russian Federal State Statistics Service. The root cause of the crisis in the relationship between society and nature is a crisis of mentality, which justifies the need to switch to the use the term “responsible development”. This is the development based on deliberate adherence to values, priorities of sustainable development and the application of the principle of responsibility in decision-making. The latter implies reliance on scientific knowledge, clear self-identification of an actor, taking into account the surrounding culture and values; an active, free and intentional actors aware of themselves as part of a whole, considering the interests of other actors; distribution of responsibility; attention to the consequences, to a favourable long-term outcome. The analysis of municipal statistics allowed compiling three groups of indicators: 1) related to reproduction (indicators of depreciation of fixed assets, diversification of the municipal economy and characterizing the economically active population); 2) related to meeting the needs of the municipal economy (indicators of financial independence, infrastructural development, civic engagement); 3) characterizing the conservation of natural resources. The results confirm the measurability of the economic well-being of a municipality as a result of responsible development, and can also serve as a guide in managing the development of municipal statistics.

Keywords: municipality, regional studies, economics of well-being, sustainable development, responsible development

For citation: Dvoryadkina E.B., Belousova E.A., Kaibicheva C.I. Economic well-being of municipalities and responsible development: measurement possibilities. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

Введение

В 1988 г. Ф. Хайек, анализируя социализм как идеологию функционирования экономических систем, которая направлена на реализацию социального равенства и социальной справедливости, писал, что «хотя действительность сама по себе не может служить основанием для решения, что полагать правильным, неверные представления о разумности, правильности и благе могут изменить действительность и обстоятельства нашего существования и даже уничтожить (возможно, навсегда) не только индивидуумов – носителей высокой культуры, а также здания, произведения искусства, города (давно известно, что все это не может

противостоять разрушительной силе учений и идеологий), но традиции, институты и взаимоотношения, без которых подобные творения вряд ли можно создать либо восстановить» [1, с. 47]. В соответствии с этим утверждением можно полагать, что важную роль в создании экономического благополучия территории играют ценности, лежащие в основе функционирования ее хозяйственного комплекса.

Одной из наиболее очевидных концепций, содержащих ценностные ориентиры для экономики, стала концепция устойчивого развития (УР), получившая признание мирового сообщества во второй половине XX в. Одиннадцатая из ее целей – «Устойчивые города и населенные пункты» – посвящена территориям и направлена на обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов на фоне последствий быстрой урбанизации, таких как рост числа обитателей трущоб, неадекватность и перегруженность инфраструктуры и услуг (в том числе систем сбора отходов, водоснабжения, канализации, транспорта), ухудшение ситуации с загрязнением воздуха и незапланированное разрастание городов. Данные ООН наглядно показывают, насколько безответственен процесс урбанизации: города и мегаполисы обеспечивают около 60 % глобального ВВП, но при этом на них приходится около 70 % глобальных выбросов углерода и более 60 % от общего использования ресурсов; с 2007 г. более 50 % населения мира живет в городах, и по прогнозам эта доля может достичь 60 % к 2030 г. [2]. Очевидно, что такая концентрация экономической деятельности и населения означает высокую нагрузку на окружающую среду в городах и одновременно низкий объем экономических, финансовых, политических ресурсов территорий, населенность которых существенно ниже.

Однако в практическом плане ценности, постулируемые концепцией УР, реализуются ограниченно. Представляется, что это связано с недостаточной ответственностью, которую общество берет на себя по ее практическому внедрению. Об ответственности как фундаменте УР писал еще А. Печчеи, говоря о «новой системе ценностей человека, ориентированной на то, чтобы не больше иметь, а быть человеком, ответственным не только за себя, но и за судьбу других людей и человечества в целом» [3, с. 157]. Так, УР должно стать развитием ответственным, в том числе на уровне отдельных территорий.

Экономическое благополучие муниципальных образований формируется на основе устойчивого, пространственно инклюзивного, планового, индивидуализированного, осознанного воспроизводственного процесса [4], что обуславливает целесообразность изучения концепции ответственного развития в качестве его ценностного фундамента. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проследить эволюцию концепции УР; 2) обосновать ее трансформацию в концепцию ответственного развития; 3) установить возможности статистики в области оценки экономического благополучия муниципального образования как результата ответственного развития.

От устойчивого к ответственному развитию

Появление концепции УР в международном общественно-политическом и научном дискурсе связано с сочетанием нескольких обстоятельств: с одной стороны, созданием ООН после Второй мировой войны, которая стала платформой для обсуждения наиболее острых глобальных проблем, а с другой – послевоенным «славным тридцатилетием» экономического роста, порожденного необходимостью восстановления разрушенной материальной базы, которое также стало временем резкого увеличения антропогенного влияния на окружающую среду. В результате на фоне продолжающегося роста численности населения Земли в XX в. проблемы, обозначенные Т. Мальтусом еще в 1798 г. [5], вновь вышли на повестку.

Становление концепции УР сопровождали следующие ключевые события:

1) первая встреча Римского клуба, который основали А. Печчеи, итальянский промышленник, и А. Кинг, руководитель шотландского научного отдела ОЭСР (1968 г.) [6];

- 2) доклад Римскому клубу «Пределы роста» [7];
- 3) Конференция по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме, Швеция (1972 г.) [8];
- 4) установление на национальном уровне (в Королевстве Бутан) впервые в качестве измерителя прогресса нового, отличного от ВВП, показателя – валового национального счастья (конец 1970-х гг.);
- 5) учреждение Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН (World Commission on Environment and Development, WCED) под руководством Г.Х. Брундтланд, экс-премьера Норвегии (1983 г.);
- 6) доклад «Наше общее будущее» [9] Комиссии Г. Х. Брундтланд (1987 г.), который оказался не только консенсусным «документом исключительной актуальности, содержательности и политической силы», но и впоследствии стал программной базой для «всех последующих действий по переходу к устойчивому развитию как в рамках глобального управления, так и на национальном уровне» [10, с. 2];
- 7) Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро – Саммит Земли (1992 г.);
- 8) Саммит ООН по УР (2015 г.) [11];
- 9) Климатический саммит в Нью-Йорке (2021 г.).

Их анализ позволяет заключить, что концепция УР стала общественно-политической декларацией обеспокоенности мирового сообщества проблемами сохранения окружающей среды по мере роста материального благосостояния, стремления удержать экономический успех и процветание. Будучи порожденной проблемами природопользования, концепция УР в итоге стала символом глобального благополучия.

Сущность УР достаточно исследована в научной литературе, несмотря на противоречивость, присущую термину и порождающую множество интерпретаций. Так, еще на начальных этапах научного осмысления УР отмечалось, что «устойчивость» предполагает сохранение существующего положения вещей, а «развитие» – обеспечение роста, то есть термин является своего рода оксюмороном. Следовательно, без понимания устойчивости «чего» и «какой», а также развития «чего» и «какого» невозможно предложить пригодную для практического использования интерпретацию этого термина [12, р. 193]. Однако существует и противоположная точка зрения: термин как нельзя лучше описывает необходимость развития, не нарушающего гомеостаз [13, с. 158].

Большинство определений содержат три классические компоненты – экономическую, экологическую и социальную. Как заключает Т.В. Ускова, «теория устойчивого развития основана на гармонизации социальной, экономической и экологической подсистем социально-экономической системы, направлена на поиск путей перехода системы на модель устойчивого развития, обеспечивающую неубывающий темп роста возможностей удовлетворять потребности современного и будущих поколений и сохранность окружающей среды» [14, с. 28].

Е.А. Третьякова интерпретирует УР как «совокупность процессов позитивных изменений и воплощающих их технологий, направленных на гармонизацию отношений между экономической, экологической и социальной сферами для удовлетворения потребности социально-экономической системы в долгосрочном существовании» [15, с. 30]. Так, например, «технологическое» воплощение принципов УР представляют собой такие модели, как зеленая экономика, циркулярная, безотходная, низкоуглеродная, регенеративная, синяя, а также биоэкономика.

В.В. Снакин трактует УР как «гипотетическое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остаётся в пределах хозяйственной ёмкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества. Предполагается, что при УР удовлетворение потребностей осуществляется

без ущерба для будущих поколений, а охрана окружающей среды становится неотъемлемой компонентой процесса развития» [16, с. 102].

Л.А. Мочалова конкретизирует объект, применительно к которому дается определение УР – социально-эколого-экономическая система (СЭЭС): «под устойчивым развитием СЭЭС предлагается понимать ее сбалансированное развитие, которое характеризуется высокой степенью адаптации системы к воздействию внешних и внутренних факторов и ее способностью продолжительного периода времени» [17, с. 6]. Разделяем мнение исследователя о преимуществе такого подхода: он дает возможность «учесть многоаспектность и динамику УР, а также рассматривать устойчивость разномасштабных и многокомпонентных СЭЭС, к которым относятся мир в целом, страна, регион, город, предприятие и домохозяйство» [17, с. 6].

В качестве первопричины кризиса взаимоотношений общества и природы Т.С. Завидовская рассматривает кризис ментальности, возникающий в процессе цивилизационного развития: «Человечество в своем взаимодействии с окружающей средой порождает множество проблем, но зачастую не осознает их или неправильно понимает, не придавая существенного значения своей роли в создании этой проблемы, недооценивая свои возможности в ее решении» [13, с. 149]. Она подчеркивает, что первым шагом в решении любых проблем является их осознание, и обращается к идеям Н.Н. Моисеева, автора одной из концепций коэволюции природы и общества.

На основе воззрений В.И. Вернадского Н.Н. Моисеев концептуализирует понятие «ноосферогенез» как такую стадию в развитии общества, когда «человечество, осознав необходимость, поняв содержательный смысл ноосферы, начинает искать пути ее достижения, то есть пути, ведущие в эпоху ноосферы как цели совместных усилий человечества», при этом ноосфера – это «состояние биосферы, в котором человечество берет на себя всю *ответственность* за дальнейшее развитие не только общества, но и природы в целом» [13, с. 152]. Важным выводом здесь является значимость философии в поиске выхода из экологического кризиса как дисциплины, изучающей человека в его целостном жизнепроживании и отношении в мире. Т.С. Завидовская подчеркивает, что решить экологическую проблему, опираясь лишь на технические средства, нельзя, а «поиск ответов на глобальные проблемы современности неизбежно ведет к пересмотру человечеством основ своего духовного бытия, к принципиальным изменениям мировоззренческого характера в индивидуальном и общественном сознании» [13, с. 159].

Таким образом, фундаментом УР выступает ответственность. Она связана со способностью действующих лиц предполагать, оценивать и планировать желательность своих действий в соответствии с обозначенными приоритетами и ценностями. Так, например, современная экономическая терминология уже пополнилась такими понятиями, как «ответственные инвестиции» [18], «корпоративная социальная ответственность» [19], «ответственное потребление» и «ответственное производство» [20], ESG-принципы [21] (построение деятельности на основе ответственного отношения к окружающей среде, социальной ответственности и высокого качества корпоративного управления). Применение последних, начавшись с финансового сектора, сейчас активно осуществляется в других секторах, в том числе в региональном управлении [22]. Дополнительно подчеркнем, что понятие ответственности рассматривается в научных публикациях по УР вне зависимости от вида научных дисциплин – естественно-научных или общественно-гуманитарных [13, 23–26].

Теоретические основания ответственного развития

Рассмотрение УР, прежде всего как ответственного, теоретически опирается на этику ответственности. Этика ответственности подчеркивает важность принятия на себя ответственности за свои действия и их последствия. Она основана на идее о том, что люди и общества обязаны действовать таким образом, чтобы способствовать благополучию других людей и

планеты, и избегать действий, которые причиняют вред или создают риски [27]. Или, по словам А. Вебера, «должна прийти этика самоограничения, этика умеренности, достаточности и ответственности» [28, с. 62], поскольку в эпоху постмодерна прогресс неоднозначно положителен для социального пространства [29].

История этого направления связана с именем Г. Йонаса [30]. Как отмечал советский и российский философ В.А. Канке, благодаря работе Г. Йонаса «Принцип ответственности», вышедшей в 1979 г., произошел «прорыв устоявшегося традиционного этического фронта», а ответственность потеснила «даже таких влиятельных оппонентов, как принципы свободы и справедливости» и сама стала принципом [31, с. 20].

На момент опубликования исторической работы существовали три принципиальные концепции ответственности: 1) ответственность как подотчётность (некто ответственен перед кем-то); 2) ответственность как консенсус (субъекты вынуждены добиваться согласия других в нравственных отношениях); 3) ответственность как отношения (наиболее популярная концепция, которая предполагает, что тот, кто действует, несет ответственность за свои действия; положительно оценивается ответственность только перед инстанцией, которая заслуживает уважения; при этом происходит укрепление интересубъектного, коллективного вместо индивидуального, так как способность индивида нести ответственность ограничена).

Стимулом размышлений Г. Йонаса об этике выступило развитие технологической цивилизации в контексте коллективной ответственности перед будущим. В итоге он сформулировал пять оснований, из-за которых техника совместно с наукой стала предметом этики [31]: 1) амбивалентность техники (к опасностям ведут даже ее успехи); 2) неизбежность ее применения; 3) глобальность масштабов ее использования; 4) поражение антропоцентрики (человек должен существовать в гармонии с природой); 5) постановка вопроса о выживаемости рода человеческого в условиях огромного накопленного потенциала техники. Таким образом, согласно Г. Йонасу, технику необходимо поставить под контроль человека на основе применения этики ответственности.

Как заключает В.А. Канке, воплощение принципа ответственности в целях обеспечения нравственного поведения субъекта требует, во-первых, использования зрелого знания, позволяющего добиться эффективных результатов; во-вторых, избегания «безмятежности» при принятии решений, напряжения «воли к добру» (поскольку положительные и отрицательные последствия в современном мире идут рука об руку). Кроме того, принцип ответственности выступает мотивом «этического творчества», так как важны результаты, а не «отчетность» перед инстантом [31]. Пределами этики ответственности являются границы науки, так как для воплощения этого принципа на практике важно наращивание научного знания, способного противостоять комплексности, сложности системы человеческого бытия, а также удовлетворять требованию перспективности принимаемых решений [31].

В практическом поле ответственность можно рассматривать следующим образом: 1) как отношения субъектов за нечто; 2) относительно к кому-либо; 3) перед санкционирующей инстанцией; 4) в соответствии с критерием; 5) в рамках какой-либо области.

Поэлементный анализ эволюции теории морали позволил Е.В. Беляевой установить закономерности динамики систем нравственности на разных этапах развития общества [32]. Исследователь определяет нравственность как «сложную саморазвивающуюся систему, элементами которой являются нормы и ценности, организованные в нормативно-ценностную структуру, целостность и специфика которой задается целью морали, или ее двудеиной функцией: поддержанием стабильности человеческих сообществ, исходя из перспективы будущего, и утверждением самооценности личности на основе представлений о совершенстве» [32, с. 7]. Эволюция нравственности происходит через изменение нормативно-ценностной структуры с помощью конкретного способа регуляции, что и задает специфические закономерности существования каждой системы нравственности.

Согласно Е.В. Беляевой [33], теория морали прошла путь от аристотелевской «этики блага» (ключевая категория – добро, этика блага обосновывает традиционную нравственность за счет развития четко обозначенных добродетелей) и «этики долга» И. Канта (ключевая категория – долг, этика долга обосновывает мораль как способ рациональной регуляции поведения, приведения сущего к должному, служит эпохе модерна) к «этике ответственности» (ключевая категория – ответственность, главный признак этики ответственности – консенсуализм, забота о последствиях). Исследователь выдвигает тезис о том, что этика ответственности может выступать как особый тип теории морали, способный стать основой нравственной жизни современного человека [33, с. 91], помочь преодолеть футурошок. Е.В. Беляева отмечает, что среди предпосылок этого, во-первых, глобальность современного мира, его глубокая и всесторонняя взаимосвязанность, когда любая проблема затрагивает интересы каждого; во-вторых, неустойчивость мира (состояние перманентного хаоса), в котором люди все же пытаются управлять собственной жизнью, «построить ее как хорошую, правильную, ответственную»; в-третьих, масштабная вовлеченность в электронные сетевые коммуникации [33, с. 75].

Следует также упомянуть еще один фактор, который вывел ответственность с периферии теории морали к ее центру, – стремление к свободному демократическому обществу [25]. В целом проблема взаимоотношений свободы и ответственности является одной из важных в теории морали [34]. Увеличение степени свободы должно сопровождаться повышением ответственности, но той, которая базируется на знаниях. Кроме того, П.А. Костин указывает на то, что современный этап эволюции общества требует «укрепления процессов самоидентификации, обусловленных снижением влияния ценностно-культурного пространства современного социума на личность» [26, с. 43].

В эпоху свободы постмодерна блага релятивны, мир плюралистичен, а значит, интересы одних участников отношений могут быть непонятны другим или даже несовместимы с ними. Одновременно высокая скорость смены событий, информации и их объем оказывают все большее давление на человека при оценке нравственности своего поведения: «субъект пребывает не в мире универсальных принципов («этика долга») и вечных ценностей («этика блага»), а в мире смысла и его локальных универсализаций» [33, с. 89], ему приходится постоянно осмысливать нравственность своих действий. Что же характеризует нравственность поведения морального субъекта в рамках этики ответственности?

Е.В. Беляева отталкивается от противного и так описывает то, что можно считать нравственным: «Безнравственный – не тот, кто сделал зло (он, может быть, зла и не делал), и не тот, кто не выполнил долг (в этой ситуации, возможно, должное и не было предписано), а тот, кто уклонился от ответственности, от самостоятельного решения и поступка в ситуации, от самого усмотрения чего-то в качестве ситуации, вызывающей к моральному поступку». Соответственно, нравственного субъекта характеризует способность противостоять проблемным ситуациям, стремиться к их благоприятному разрешению, вести себя активно, вносить свою ответственность «как вклад в сохранение и продолжение жизни этого мира» [33, с. 84], а выбор одной из множества возможностей осуществлен сознательно. Отсюда следующий вопрос – как может быть разделена ответственность между субъектами и какими могут быть эти субъекты?

В качестве ответа Е.В. Беляева приводит пример из области экологической этики: ответственность распределяется «между ЮНЕСКО (которая выпустит этический кодекс), национальными правительствами (которые запретят одноразовую посуду, бензиновые двигатели, введут налоговые льготы для пользующихся электротранспортом), предприятиями (за свои выбросы), семьями (за организацию домашнего хозяйства с отдельным сбором мусора) и личностью (которая откажется от косметики, тестируемой на животных, придет в магазин со своим пакетом)» [33, с. 84]. Здесь показан важный принцип этики ответственности: мо-

жешь – значит должен (в противовес кантовскому «должен – значит можешь»). Каждый субъект действует в рамках своих возможностей.

Если В.А. Канке пишет о зрелом знании, то Е.В. Беляева акцентирует силу, мощь, позволяющую субъекту реализоваться как активное начало в бытии и добиться нравственности поступка. По мнению белорусского исследователя, «моральный субъект «этики ответственности» имеет онтологическую структуру, является индивидуальным, рефлексивным, способным к самопреобразованию, могущественным, коммуникативным, открытым к Другому» [33, с. 90].

Таким образом, анализ содержания этики ответственности в философском дискурсе показал ее целесообразность для решения проблем УР современной технологичной цивилизации в глобализованном мире, что обусловлено рядом характеристик. Во-первых, поступки в рамках этики ответственности требуют развитого научного знания, четкой самоидентификации субъекта и учета окружающего ценностно-культурного пространства. Во-вторых, при реализации нормативно-ценностной структуры для обеспечения УР субъект должен быть активным, свободным и сознательным, использовать имеющиеся возможности полностью. В-третьих, этика ответственности предполагает распределение уровней ответственности, что позволяет снизить стресс от бытия в хаотичном, находящемся в постоянной коммуникации мире. В-четвертых, этика ответственности помогает осуществить локальную универсализацию смыслов в плюралистичном мире на основе гибкой рефлексивности. В-пятых, этику ответственности отличает особое внимание к последствиям, эффективности решений, благоприятному исходу ситуации. Оценка этих последствий должна проводиться с учетом фактора времени – на долгосрочную перспективу. Наконец, этика ответственности постулирует необходимость самосознания субъекта как части целостности и принятия во внимание положения и интересов других субъектов. Следовательно, считаем обоснованным использование термина «ответственное развитие» для обозначения развития, базирующегося на намеренном, осознанном следовании ценностям и приоритетам УР, а также применении принципа ответственности при принятии решений.

Перспективы оценки экономического благополучия муниципального образования как результата ответственного развития

Обзор литературы показал, что обеспечение устойчивости современного экономического развития на любом территориальном уровне опирается на применение принципа ответственности. Следовательно, концепция ответственного развития является ценностной основой, платформой формирования экономического благополучия муниципального образования. Определим принцип отбора показателей, которые позволят в перспективе оценить экономическое благополучие муниципалитета и соответствуют этике ответственности.

В чем проявляется принцип ответственности в деятельности муниципального образования? Экономгеографы В.М. Котляков и А.А. Тишков подчеркивают: «В географии сложилась определённая этика ответственности перед обществом за качество и точность прогноза, за сохранение географического разнообразия мира, за внедрение нравственных принципов в поиск путей рациональной территориальной организации населения, хозяйства и природопользования» [23, с. 963]. С учетом ранее полученных теоретических выводов можно выделить следующие типы ответственности муниципального образования: 1) ответственность в отношении разных видов субъектов (перед жителями и бизнесом (организациями) на территории муниципального образования; другими муниципальными образованиями, функционирующими в пространстве региона; органами государственного и регионального управления); 2) ответственность относительно предмета (за верное определение стратегических приоритетов, целей и задач, за сохранение населенности и природного потенциала территории, ее процветания в будущем, за нравственное взаимодействие с жителями, обеспечение безопас-

ного и продуктивного диалога по решению вопросов местного значения); 3) ответственность по критерию (юридическая, моральная, политическая, организационная, общественная); 4) ответственность по областям (в социальной, экономической, финансовой, градостроительной, информационной сфере).

Обзор зарубежных публикаций позволяет говорить о том, что в настоящее время наиболее острыми вопросами, нуждающимися в ответственности муниципальных образований, являются: совершенствование физической доступности необходимых услуг для жителей в рамках разработки индекса близости (proximity index) [35]; управление твердыми бытовыми отходами в муниципалитете [36–39]; модели финансирования водоочистных сооружений [40]; оценка обеспеченности пресной водой в условиях климатических изменений [41]; укрепление связей внутри местного сообщества и повышение качества социального капитала [42]; налаживание коммуникаций между местными сообществами и органами власти при противодействии лесным пожарам [43]; дефицит жилого фонда [44]; возможности муниципальных предприятий в сфере ЖКХ по реализации концепции УР [45]; распределение финансирования социальной помощи пожилым людям [46]. Следует отметить, что значительное количество публикаций посвящено обращению с твердыми бытовыми отходами, а также созданию водоочистных сооружений, в том числе в связи с отрицательным влиянием на здоровье населения. Также в приведенных исследованиях часто рассматривается аспект разделения ответственности (и финансирования) между разными уровнями власти.

Отметим, что пределы ответственности муниципальных образований за свое развитие ограничены законодательно. Основными документами в этой области можно считать Конституцию РФ (глава 8), которая дает представление о роли местного самоуправления, и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», оговаривающий вопросы местного значения.

Ранее, исходя из ключевых атрибутов экономической деятельности, было выделено три стержневых направления формирования экономического благополучия муниципального образования: настройка и регулирование воспроизводственного процесса на муниципальном уровне; удовлетворение базовых потребностей муниципальной экономики; сохранение природных ресурсов, необходимых для функционирования муниципального образования [47]. Эти направления являются рамочной основой для отбора показателей в данном исследовании, поскольку позволяют оценивать именно экономическое благополучие муниципального образования. Второй последовательный критерий – потенциал показателя в части отражения применения принципа ответственности в следовании ценностям УР.

В отношении материалов исследования отметим, что в настоящее время сведения о развитии муниципальных образований представлены различными источниками: базами данных и публикациями Росстата, ведомственной статистикой федеральных и региональных органов власти, информацией органов местного самоуправления, результатами научных изысканий и опросов населения, проводимых различными организациями [48, 49]. В рамках настоящей статьи остановимся, прежде всего, на показателях, содержащихся в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата, поскольку в ней представлена унифицированная информация вне зависимости от региональной и муниципальной специфики. Отметим, что использование ведомственных данных региональных и местных органов власти сопряжено с определенными сложностями и связано со спецификой конкретной территории (муниципальное устройство, система органов власти и управления, распределение полномочий между ними и пр.).

Сложности поиска показателей, отражающих экономическое благополучие на муниципальном уровне, связаны с ограниченностью и тенденцией к сокращению показателей муниципальной статистики, а также разнородностью видов муниципальных образований. В данном исследовании авторы ориентировались на муниципальные образования верхнего уровня:

городские округа, муниципальные районы и округа. Изучение муниципальной и ведомственной статистики позволило сформировать три блока показателей.

Первый представлен показателями, связанными с настройкой и регулированием *воспроизводственного процесса на территории*. Традиционно в рамках статистики сущность последнего раскрывается с использованием ряда счетов СНС (например, счет производства, счет образования доходов, счет распределения первичных доходов и др.). Однако на муниципальном уровне подобные разработки сегодня отсутствуют. Вместе с тем анализ показателей муниципальной статистики позволяет выделить среди них те, которые характеризуют воспроизводственный процесс на территории и связаны с результатами деятельности ключевых сфер муниципальной экономики (сельское хозяйство, промышленность, строительство, торговля и общественное питание), доходами населения и качеством человеческого капитала. Учитывая принцип ответственности и ценности УР, для оценки экономического благополучия муниципального образования по данному направлению предлагаем использовать следующие индикаторы:

1) соотношение инвестиций в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования и суммы начисленного учетного износа основных фондов (амортизация и износ основных фондов, отражаемые в бухгалтерском учете и отчетности) по коммерческим и некоммерческим организациям муниципальной формы собственности. Этот индикатор, рассчитанный по данным Росстата, позволяет оценить замещение выбывающих основных фондов в муниципальных организациях;

2) коэффициент специализации территории, сформированный по данным о численности занятых в отдельных видах экономической деятельности. Данный показатель позволяет оценить степень диверсификации экономики территории. В случае наличия нескольких отраслей специализации экономика муниципального образования признается диверсифицированной;

3) валовый сбор продукции сельского хозяйства, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, ввод жилья, оборот розничной торговли, оборот общественного питания, объем платных услуг населению характеризуют основные результаты работы ключевых сфер экономики на территории муниципального образования;

4) рабочая сила¹ и уровень зарегистрированной безработицы, позволяющие оценить объем трудовых ресурсов на территории;

5) численность пострадавших с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих. Показатель используется для характеристики уровня травматизма на производстве, что особенно актуально в условиях роста объемов промышленного производства;

6) доля населения с высшим образованием и доля населения, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Показатели используются для характеристики человеческого капитала;

7) среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. Указанные показатели позволяют косвенно оценить доходы населения муниципального образования².

В рамках характеристики направления экономического благополучия муниципального образования «удовлетворение базовых потребностей муниципальной экономики» считаем

¹ Показатель по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г.

² В соответствии с Федеральным планом статистических работ разработка показателей денежных доходов населения на муниципальном уровне не предусмотрена.

целесообразным сделать акцент на показателях, отражающих развитие инфраструктуры на территории, а также участие населения в развитии муниципального образования. В перспективе этот блок можно дополнить качественными показателями, однако в данной работе ограничимся показателями, которые предлагает система государственной статистики:

1) доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения;

2) доля домохозяйств, проживающих в жилых помещениях, оборудованных всеми базовыми видами благоустройства³;

3) доля негасифицированных населенных пунктов в общем количестве населенных пунктов.

Кроме того, по данным ведомственной статистики могут быть рассчитаны следующие индикаторы, отражающие применение принципа ответственности:

1) число зарегистрированных некоммерческих организаций в расчете на 10 тыс. населения. Показатель рассчитывается по данным Министерства юстиции Российской Федерации о числе зарегистрированных некоммерческих организаций и сведениям Росстата о численности населения на территории муниципального образования и косвенно характеризует степень гражданской активности населения;

2) количество проектов инициативного бюджетирования, получивших региональную поддержку. Показатель формируется на основании сведений региональных и/или местных органов власти и характеризует вовлеченность населения в решение вопросов местного значения.

Принимая во внимание, что ответственность муниципального образования по решению вопросов местного значения, формирующих его экономическое благополучие, связана с его финансовой свободой, считаем необходимым в этом блоке также предусмотреть показатели, связанные с параметрами местных бюджетов:

1) бюджетная обеспеченность муниципального образования;

2) доля поступлений от местных налогов и сборов в общем объеме налоговых поступлений местного бюджета, которая характеризует работу местных органов власти по наращиванию собственной налоговой базы;

3) объем доходов от использования муниципального имущества, показывающий уровень эффективности органов МСУ по управлению муниципальной собственностью.

Третий блок показателей связан с *сохранением природных ресурсов, необходимых для функционирования муниципального образования*. Как правило, в рамках данного направления рассматриваются показатели, связанные с состоянием атмосферного воздуха, воды, почвы и лесов. Однако не все эти индикаторы формируются в разрезе муниципальных образований. В настоящее время официальная статистика содержит следующие сведения:

1) текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения, в том числе по отдельным направлениям (на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата, на сбор и очистку сточных вод, на обращение с отходами). Указанные сведения могут быть использованы для расчета доли расходов по отдельным направлениям в общем объеме расходов на охрану окружающей среды;

2) доля твердых коммунальных отходов, вывезенных на объекты, используемые для обработки отходов.

Ограниченность данных муниципальной статистики приводит к тому, что для более полной характеристики данного направления экономического благополучия территории необходимо использование данных ведомственной статистики. Последнее, в свою очередь, опреде-

³ Показатель по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г.

ляется особенностями организации соответствующей работы в регионе и/или муниципалитете. Например, в Свердловской области автоматические станции контроля за загрязнением атмосферного воздуха установлены в 13 муниципальных образованиях (из 94 имеющихся) [50]. Как следствие, информация о состоянии атмосферы и выбросов доступна только в отношении этих 13 территорий.

Заключение

Предложенный перечень показателей сформирован на базе сведений официальной статистики и позволяет оценить реализацию на территории муниципального образования концепции ответственного развития и достижение целей УР. Подчеркнем, что при оценке будет иметь значение способ использования показателя, например расчет относительных показателей по сравнению со средним по региону или его центром.

Среди ограничений проведенного исследования стоит отметить тот факт, что предлагаемый перечень не содержит геоданные и большие данные (big data). Несмотря на то, что формируемые на их базе показатели в настоящее время активно используются в различных научных работах, эти данные до сих пор не включены в перечень официальной статистической информации и, как следствие, ограниченно применимы в практике государственного и муниципального управления. Одно из направлений развития настоящего исследования связано с совершенствованием предложенного перечня показателей за счет включения в него показателей, сформированных на базе геоданных и big data.

Также авторы целенаправленно отказались от использования различных субъективных показателей, связанных с опросом респондентов. Причина заключается в сложности проведения подобных исследований на муниципальном уровне, связанной с формированием репрезентативной выборки, а также с существенными материальными затратами на их организацию. В качестве одного из возможных направлений развития данной темы стоит считать разработку подхода к проведению опросов населения и/или групп граждан с использованием современных средств коммуникации, применяемых в системе государственного и муниципального управления (Единого портала государственных и муниципальных услуг, официальных страниц органов власти в социальных сетях и др.), по важнейшим направлениям экономического благополучия муниципального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: АСТ, 2023. – 228 с.
2. Цели устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 14.06.2024).
3. Лейбин В. М. Аурелио Печчеи: штрихи к портрету // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 154–158.
4. Белоусова Е.А. Экономическое благополучие: семантическое окружение и контексты исследования на уровне муниципального образования // Journal of New Economy. – 2022. – Т. 23. – № 4. – С. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
5. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. – М.: АСТ, 2023. – 256 с.
6. The Club of Rome. History. URL: <https://www.clubofrome.org/history/> (дата обращения 14.06.2024).
7. The limits to growth / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, W. Behrens III. – New York: Universe Books, 1972. – 211 p.
8. Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, 5–16 июня 1972 года, Стокгольм, Швеция. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (дата обращения 14.06.2024).
9. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 371 с.
10. Юргенс И., Ромов Р. Комиссия Брунтланн и концепция устойчивого развития в истории СССР/России 1980-х–1990-х гг. URL: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntlann-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf> (дата обращения 14.06.2024).
11. Саммит ООН по устойчивому развитию, 25–27 сентября 2015 г., Нью-Йорк // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (дата обращения 14.06.2024).

12. Caldwell L.K. Sustainable development: Viable concept and attainable goal? // *Environmental Conservation*. – 1994. – Vol. 21. – № 3. – P. 193–195.
13. Завидовская Т.С. Экологический кризис как кризис ментальности и пути выхода из него // Альхимович И.Н., Амирова Н.Р., Бурденко Е.В., Вакурова О.А., Волкова К.С., Гостиева Н.К. и др. *Зеленая экономика в парадигме устойчивого развития: монография*. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 130–166. DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
14. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
15. Третьякова Е.А. Россия и Беларусь: динамический взгляд на устойчивое развитие // *Вестник ПГУ. Серия «Экономика»*. – 2014. – № 3. – С. 29–41.
16. Снакин В.В. Устойчивое развитие // *Жизнь Земли: Междисциплинарный научно-практический журнал*. – 2018. – Т. 40. – № 1. – С. 101–110.
17. Мочалова Л.А. Циркулярная экономика в контексте реализации концепции устойчивого развития // *Journal of New Economy*. – 2020. – Т. 21. – № 4. – С. 5–27. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-1.
18. Квон Г.М. Социальные и экологические аспекты преобразующих инвестиций в парадигме устойчивого развития // Альхимович И.Н., Амирова Н.Р., Бурденко Е.В., Вакурова О.А., Волкова К.С., Гостиева Н.К. и др. *Зеленая экономика в парадигме устойчивого развития: монография*. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 113–129. DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
19. Романова О.А., Матвеева Я.А. Конкурентные преимущества промышленных предприятий в контексте социальной ответственности и импакт-инвестирования // *Журнал экономической теории*. – 2017. – № 2. – С. 96–110.
20. What is GOAL 12 responsible consumption and production? URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12_Fast-Facts.pdf (дата обращения 14.06.2024).
21. “Who Cares Wins”: transforming finance and economics through ESG. URL: <https://www.sustainabilityinbusiness.org/blogs/who-cares-wins-the-report-that-started-esg> (дата обращения 14.06.2024).
22. Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации. Отчет об исследовании. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91675&p=attachment> (дата обращения 14.06.2024).
23. Котляков В.М., Тишков А.А. Стратегия устойчивого развития: этика географического подхода // *Вестник Российской академии наук*. – 2009. – Т. 79. – № 11. – С. 963–970.
24. Мантатов В.В. Мантатова Л.В. Ноосфера, экологическая этика и устойчивое развитие мира // *Философские науки*. – 2017. – № 7. – С. 126–138.
25. Гасратян К.М. Этика и экономическое развитие. – Москва: Спутник+, 2018. – 88 с.
26. Костин П.А. Философия ответственности в освоении целостности социального бытия // *Logos et Praxis*. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5>.
27. The ethics of responsibility: a comprehensive overview understanding the principles of ethics of responsibility. June 6, 2023. URL: <https://philodive.com/blog/the-ethics-of-responsibility--a-comprehensive-overview> (дата обращения 14.06.2024).
28. Вебер А. Устойчивому развитию нет разумной альтернативы // *Свободная мысль*. – 2016. – № 1. – С. 59–74.
29. Croitor E. Ethics of responsibility? Some postmodern views // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 149. – P. 253–260. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.226>.
30. Йонас Г. Принцип ответственности. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
31. Канке В. А. Этика ответственности. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 291 с. DOI: 10.12737/929945.
32. Беляева Е.В. Динамика систем нравственности: специфические и общие закономерности: автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Минск, 2020. – 58 с.
33. Беляева Е.В. «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага» // *Вестник прикладной этики*. – 2022. – Вып. 59. – С. 73–92.
34. Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2006. – 22 с.
35. Are Italian cities already 15-minute? Presenting the Next Proximity Index: a novel and scalable way to measure it, based on open data / B. Olivari, P. Cipriano, M. Napolitano, L. Giovannini // *Journal of Urban Mobility*. – 2023. – Vol. 4. – 100057. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urbmob.2023.100057>.
36. What establishes citizens’ household intention and behavior regarding municipal solid waste separation? A case study in Jiangsu province / J. Wang, E. Nketiah, X. Cai, B. Obuobi, G. Adu-Gyamfi, M. Adjei // *Journal of Cleaner Production*. – 2023. – Vol. 423. – 138642. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138642>.
37. Municipal solid waste: Opportunities, challenges and management policies in India: a review / M.D. Meena, M.L. Dotaniya, B.L. Meena, P.K. Rai, R.S. Antil, H.S. Meena, L.K. Meena, C.K. Dotaniya, V.S. Meena, Gh. Avijit, K.N. Meena, A.K. Singh, V.D. Meena, P.C. Moharana, S.K. Meena, Ch. Srinivasarao, A.L. Meena, Ch. Sumanta, D.K. Meena, M. Prajapat, R.B. Meena // *Waste Management Bulletin*. – 2023. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wmb.2023.04.001>.

38. Sandhi A., Rosenlund J. Municipal solid waste management in Scandinavia and key factors for improved waste segregation: a review // *Cleaner Waste Systems*. – 2024. – Vol. 8. – 100144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clwas.2024.100144>.
39. Strategic approach towards sustainability by promoting circular economy-based municipal solid waste management system – a review / S. Sondh, D.S. Upadhyay, S. Patel, R.N. Patel // *Sustainable Chemistry and Pharmacy*. – 2024. – Vol. 37. – 101337. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scp.2023.101337>.
40. Cárñez-Cota A., Rentería C. Why are municipal wastewater treatment plants abandoned in Mexico? When a more money policy approach is not enough // *Water Resources and Economics*. – 2023. – Vol. 43. – 100226. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wre.2023.100226>.
41. Assessment of water resource vulnerability under changing climatic conditions in remote Arctic communities / A.S. Medeiros, M. Bakaic, P. Cincio, S.D. Wesche, E. Crighton // *Climate Services*. – 2023. – Vol. 30. – 100378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100378>.
42. Aghazadeh S.A. Exploring leisure and municipal government public relations for community: A case example of parks and recreation // *Public Relations Review*. – 2024. – Vol. 50. – Iss. 1. – 102410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102410>.
43. Shared responsibility and community engagement: community narratives of bushfire risk information in Victoria, Australia / V. Cooper, P. Fairbrother, G. Elliott, M. Walker, H.-Y. Ch'ng // *Journal of Rural Studies*. – 2020. – Vol. 80. – P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.015>.
44. Abulatif L.I., Oliveira C.C. Municipal institutional capacity for the implementation of housing public policies, in the context of Metropolitan Regions in Brazil // *Cities*. – 2024. – Vol. 148. – 104869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.104869>.
45. Bauer Ph., Traxler A.A., Greiling D. Management control by municipal utilities for value creation to achieve the sustainable development goals // *Utilities Policy*. – 2023. – Vol. 84. – 101641. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jup.2023.101641>.
46. Passing on the hot potato. Dutch municipalities under financial pressure have incentives to shift the costs of social care for older people to the central government / F. Portrait, Y. Krabbe-Alkemade, T. Budding, M. Canoy // *Health Policy*. – 2023. – Vol. 137. – 104914. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2023.104914>.
47. Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // *Проблемы развития территории*. – 2023. – Т. 27. – № 6. – С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.
48. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. – 2022. – № 6. – С. 89–105. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-6-89-105.
49. Ворошилов Н.В. Концептуальный подход к формированию мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 118–140. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6.
50. Государственный доклад о состоянии окружающей среды на территории Свердловской области в 2022 году. URL: https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfluqjnbxonmmo6mjukr5l5ta4ah7b/Gosudarstvennyy_doklad_2022-_1_.pdf (дата обращения 14.06.2024).

Информация об авторах

Елена Борисовна Дворядкина, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; dvoryadkina@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

Елизавета Александровна Белоусова, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; belousova-unir@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5355-5243>

Екатерина Игоревна Кайбичева, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; catherine.kai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0194-2185>

Поступила в редакцию: 20.07.2024

Поступила после рецензирования: 25.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Hayek F. *The fatal conceit*. Moscow, AST Publ. House, 2023. 228 p. (In Russ.)
2. Sustainable Development Goals. UN. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 14 June 2024).
3. Leibin V.M. Aurelio Peccei: strokes to a portrait. *Vek globalizatsii*, 2008, no. 1, pp. 154–158. (In Russ.)
4. Belousova E.A. Economic well-being: semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 46–68. (In Russ.) DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
5. Malthus T.R. *Experience of the law on population*. Moscow, AST Publ., 2023. 256 p. (In Russ.)
6. *The Club of Rome. History*. Available at: <https://www.clubofrome.org/history/> (accessed 14 June 2024).
7. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. III. *The limits to growth*. New York, Universe Books, 1972. 211 p.
8. *United Nations Conference on the Human Environment*. Stockholm, Sweden, 5–16 June 1972. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (accessed 14 June 2024).
9. Our Common Future. *World Commission on Environment and Development*. Oxford University Press, 1987. 416 p.
10. Jurgens I., Romov R. *The Bruntland Commission and the Concept of Sustainable Development in the History of the USSR/Russia in the 1980–1990s*. (In Russ.) Available at: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntland-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf> (accessed 14 June 2024).
11. *UN Summit on Sustainable Development*. New York, 25–27 September 2015. UN. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (accessed 14 June 2024).
12. Caldwell L.K. Sustainable development: viable concept and attainable goal? *Environmental Conservation*, 1994, vol. 21, no. 3, pp. 193–195.
13. Zavidovskaya T.S. Environmental crisis as a crisis of mentality and ways out of it. Alkhimovich I.N., Amirova N.R., Burdenko E.V., Vakurova O.A., Volkova K.S., Gostieva N.K. *Green economy in the paradigm of sustainable development: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. pp. 130–166. (In Russ.) DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
14. Uskova T.V. *Management of sustainable development of the region: monograph*. Vologda, ISED T RAS Publ., 2009. 355 p. (In Russ.)
15. Tretyakova E.A. Russia and Belarus: a dynamic view of sustainable development. *Bulletin of PSU. Series "Economy"*, 2014, no. 3, pp. 29–41. (In Russ.)
16. Snakin V.V. Sustainable development. *The life of the earth*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 101–110. (In Russ.)
17. Mochalova L.A. Circular economy in the context of implementing the concept of sustainable development. *Journal of New Economy*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 5–27. (In Russ.) DOI: 10.29141/26585081-2020-21-4-1.
18. Kwon G.M. Social and environmental aspects of transformative investments in the paradigm of sustainable development. Alkhimovich I.N., Amirova N.R., Burdenko E.V., Vakurova O.A., Volkova K.S., Gostieva N.K. *Green economy in the paradigm of sustainable development: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. pp. 113–129. (In Russ.) DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
19. Romanova O.A., Matveeva Ya.A. Competitive advantages of industrial enterprises in the context of social responsibility and impact investing. *Journal of Economic Theory*, 2017, no. 2, pp. 96–110. (In Russ.)
20. *What is GOAL 12 responsible consumption and production?* Available at: https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12_Fast-Facts.pdf (accessed 14 June 2024).
21. *"Who Cares Wins": transforming finance and economics through ESG*. Available at: <https://www.sustainabilityinbusiness.org/blogs/who-cares-wins-the-report-that-started-esg> (accessed 14 June 2024).
22. *Ranking of sustainable development and integration of ESG criteria into the activities of constituent entities of the Russian Federation. Research report*. (In Russ.) Available at: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91675&p=attachment> (accessed 14 June 2024).
23. Kotlyakov V.M., Tishkov A.A. A strategy of sustainable development: the ethics of the geographical approach. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 79, no. 6, pp. 501–508.
24. Mantatov V.V., Mantatova L.V. Noosphere, environmental ethics and sustainable development of the world. *Russian Journal of Philosophical Sciences=Filosofskie nauki*, 2017, no. 7, pp. 126–138. (In Russ.)
25. Gasratyan K.M. *Ethics and economic development*. Moscow, Sputnik+ Publ., 2018. 88 p. (In Russ.)
26. Kostin P.A. Philosophy of responsibility in mastering the integrity of social life. *Logos et Praxis*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5>.
27. *The ethics of responsibility: a comprehensive overview understanding the principles of ethics of responsibility*. June 6, 2023. Available at: <https://philodive.com/blog/the-ethics-of-responsibility--a-comprehensive-overview> (accessed 14.06.2024)
28. Weber A. There is no reasonable alternative to sustainable development. *Free Thought*, 2016, no. 1, pp. 59–74. (In Russ.)

29. Croitor E. Ethics of responsibility? Some postmodern views. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 149, pp. 253–260. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.226>.
30. Jonas G. *The principle of responsibility*. Moscow, Iris-Press Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
31. Kanke V.A. *Ethics of responsibility*. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 291 p. (In Russ.) DOI: 10.12737/929945.
32. Belyaeva E.V. *Dynamics of moral systems: specific and general patterns*. Dr. Diss. Abstract. Minsk, 2020. 58 p. (In Russ.)
33. Belyaeva E.V. “Ethics of responsibility” as a type of moral theory in comparison with “ethics of duty” and “ethics of good”. *Statements of Applied Ethics*, 2022, Iss. 59, pp. 73–92. (In Russ.)
34. Kolomak A.I. *Freedom and responsibility in the modern world*. Kand. Diss. Stavropol, 2006. 22 p. (In Russ.)
35. Olivari B., Cipriano P., Napolitano M., Giovannini L. Are Italian cities already 15-minute? Presenting the Next Proximity Index: a novel and scalable way to measure it, based on open data. *Journal of Urban Mobility*, 2023, vol. 4, 100057. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urbmob.2023.100057>.
36. Wang J., Nketiah E., Cai X., Obuobi B., Adu-Gyamfi G., Adjei M. What establishes citizens’ household intention and behavior regarding municipal solid waste separation? A case study in Jiangsu province. *Journal of Cleaner Production*, 2023, vol. 423, 138642. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138642>.
37. Meena M.D., Dotaniya M.L., Meena B.L., Rai P.K., Antil R.S., Meena H.S., Meena L.K., Dotaniya C.K., Meena V.S., Avijit Gh., Meena K.N., Singh A.K., Meena V.D., Moharana P.C., Meena S.K., Srinivasarao Ch., Meena A.L., Sumanta Ch., Meena D.K., Prajapat M., Meena R.B. Municipal solid waste: opportunities, challenges and management policies in India: a review. *Waste Management Bulletin*, 2023, vol. 1, Iss. 1, pp. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wmb.2023.04.001>.
38. Sandhi A. Rosenlund J. Municipal solid waste management in Scandinavia and key factors for improved waste segregation: a review. *Cleaner Waste Systems*, 2024, vol. 8, 100144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clwas.2024.100144>.
39. Sondh S., Upadhyay D.S., Patel S., Patel R.N. Strategic approach towards sustainability by promoting circular economy-based municipal solid waste management system – a review. *Sustainable Chemistry and Pharmacy*, 2024, vol. 37, 101337. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scp.2023.101337>.
40. Cáñez-Cota A., Rentería C. Why are municipal wastewater treatment plants abandoned in Mexico? When a more money policy approach is not enough. *Water Resources and Economics*, 2023, vol. 43, 100226. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wre.2023.100226>.
41. Medeiros A.S., Bakaic M., Cincio P., Wesche S. D., Crighton E. Assessment of water resource vulnerability under changing climatic conditions in remote Arctic communities. *Climate Services*, 2023, vol. 30, 100378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100378>.
42. Aghazadeh S.A. Exploring leisure and municipal government public relations for community: A case example of parks and recreation. *Public Relations Review*, 2024, vol. 50, Iss. 1, 102410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102410>.
43. Cooper V., Fairbrother P., Elliott G., Walker M., Ch'ng H.-Y. Shared responsibility and community engagement: Community narratives of bushfire risk information in Victoria, Australia. *Journal of Rural Studies*, 2020, vol. 80, pp. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.015>.
44. Abulatif L.I., Oliveira C.C. Municipal institutional capacity for the implementation of housing public policies, in the context of Metropolitan Regions in Brazil. *Cities*, 2024, vol. 148, 104869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.104869>.
45. Bauer Ph., Traxler A.A., Greiling D. Management control by municipal utilities for value creation to achieve the sustainable development goals. *Utilities Policy*, 2023, vol. 84, 101641. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jup.2023.101641>.
46. Portrait F., Krabbe-Alkemade Y., Budding T., Canoy M. Passing on the hot potato. Dutch municipalities under financial pressure have incentives to shift the costs of social care for older people to the central government. *Health Policy*, 2023, vol. 137, 104914. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2023.104914>.
47. Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. Economic well-being concept and possibilities of its projection to the municipal level. *Problems of Territory's Development*, 2023, vol. 27, no. 6, pp. 213–233. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.
48. Voroshilov N.V. Features and problems of formation and use of statistical information on municipalities of Russia. *ETAP: economic theory, analysis, practice*, 2022, no. 6, pp. 89–105. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2022-6-89-105.
49. Voroshilov N.V. Conceptual approach to the formation of the monitoring of socio-economic development of municipal entities in Russia’s regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 118–140. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6.
50. *State report on the state of the environment in the Sverdlovsk region in 2022*. (In Russ.) Available at: https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfuqjnbxnm6mjukr515ta4ah7b/Gosudarstvennyy_doklad_2022-_1_.pdf (accessed 14 June 2024).

Information about the authors

Elena B. Dvoryadkina, Dr. Sc., Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; dvoryadkina@usue.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

Elizaveta A. Belousova, Cand. Sc., Associate Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; belousova-unir@usue.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5355-5243>

Catherine I. Kaibicheva, Cand. Sc., Associate Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; catherine.kai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0194-2185>

Received: 20.07.2024

Revised: 25.09.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 338.48-44(1-22)-045.23:004.774
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1896
Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Российские интернет-платформы как индикация уровня развития отечественного сельского/аграрного туризма

А.В. Аникина[✉]

*Нижегородский государственный агротехнологический университет,
Россия, г. Нижний Новгород*

[✉]annavalentan@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован уровень развития российских интернет-платформ по продвижению сельского туристического продукта. Рассматриваются данные поставщиков цифровой информации по сетевому трафику и демографическим характеристикам пользователей сайтов и социальных сетей. **Цель:** изучение современных онлайн-платформ сельского/аграрного туризма в контексте перспективности продвижения бизнеса. **Результаты:** зафиксированы предложения услуг сельского/аграрного туризма по открытым данным туристских информационных порталов сети Интернет, а также с помощью сервисов SimilarWeb, Wordstat, SpyWorlds; приведены показатели по числу запросов пользователей информации о сельском/аграрном туризме. На основе анализа информационных блоков федеральных интернет-порталов сделан вывод о возможностях дальнейшего развития виртуальных ресурсов сельского/аграрного туризма в России, в том числе через маркетплейсы агроландшеринговых кооперативов.

Ключевые слова: цифровизация экономики, интернет-платформы, сервисы, социальные сети, сельский/аграрный туризм, сайты, фермеры, предприниматели

Для цитирования: Аникина А.В. Российские интернет-платформы как индикация уровня развития отечественного сельского/аграрного туризма // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 94–104. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1896

UDC 338.48-44(1-22)-045.23:004.774
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1896

Russian Internet platforms as an indication of the level of development of domestic rural/agricultural tourism

A.V. Anikina[✉]

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

[✉]annavalentan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the level of development of Russian Internet platforms for promoting rural tourism products. Data from digital information providers on network traffic and demographic characteristics of website and social network users are reviewed. **Aim.** To study modern online platforms for rural/agricultural tourism in the context of business promotion prospects. The work recorded offers of rural/agricultural tourism services using open data from tourist information portals on the Internet, as well as using the services SimilarWeb, Wordstat, SpyWorlds. The paper introduces the comparative data on the number of user requests for

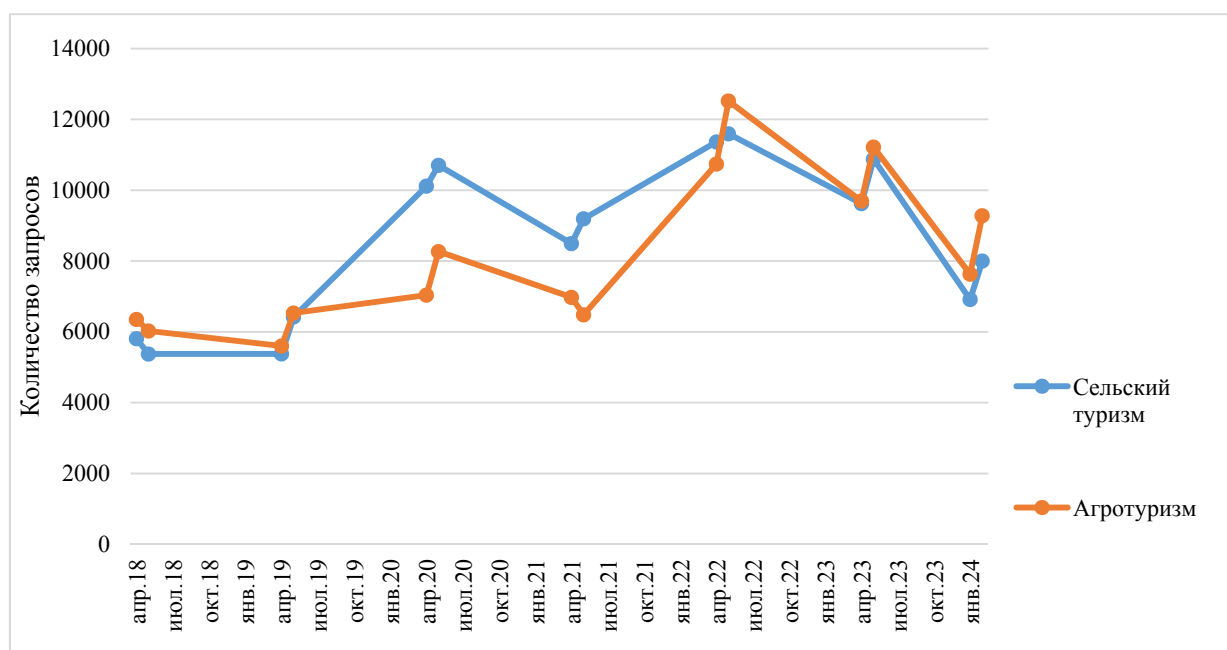
information about rural/agricultural tourism. Based on the analysis of information blocks of federal Internet portals, a conclusion was made about the possibilities for further development of virtual resources to expand the supply of rural/agricultural tourism services in our country, including through marketplaces of agrolandsharing cooperatives.

Keywords: digitalization of the economy, Internet platforms, services, social networks, rural/agricultural tourism, websites, farmers, entrepreneurs

For citation: Anikina A.V. Russian Internet platforms as an indication of the level of development of domestic rural/agricultural tourism. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 94–104. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1896

Введение

В условиях цифровизации экономики важным фактором развития сельского/аграрного туризма становится эффективность использования интернет-платформ. Подобные площадки позволяют предпринимателям увеличить клиентскую базу, совершенствовать опыт работы в реальном секторе экономики и в виртуальных онлайн-сервисах. Потребители услуг в этом случае расширяют количество рассматриваемых туристических предложений и скорость доступа к ним. Обратим внимание, что по данным статистики Яндекса (сервис Вордстат) число поисковых запросов на темы «сельский туризм», «агротуризм» с апреля 2018 г. по апрель 2023 г. увеличилось на треть (с 5806 до 9622 и 6351 до 9693 соответственно) (см. рисунок).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рисунок. Сравнительные данные по числу запросов пользователей поисковой системы Яндекс (2018–2023)

Figure. Comparative data on the number of requests from users of the Yandex search system (2018–2023)

Растет и возможность для субъектов агротуристического бизнеса увеличить свою репрезентацию на интернет-площадках через запросы «отдых в сельской местности», «продукты от производителя». Их популярность за тот же период, согласно сервису Wordstat, систематически повышается (со 190 до 243 и с 2786 до 3144 соответственно). Вместе с тем и количество теоретических работ по агротуризму и сельскому туризму на платформе Российской электронной библиотеки неуклонно возрастает. Например, если за 2000–2005 гг. таких публикаций было не более 1500, то за последние пять лет (с 2018 по 2023 г.) уже больше 45 000. Таким образом, показатели запросов пользователей в сети Интернет, теоретических исследований на платформе Электронной библиотеки дают представление об актуальности и востребованности проблемы как среди населения, так и в научной среде.

Научный обзор

Вопросы использования Глобальной сети в популяризации агротуристской деятельности являются недостаточно изученными в современном российском научном сообществе. Так, в работах Г.С. Кузнецова [1, 2] интернет-сфера для услуг агротуризма рассматривалась как способ преодоления кризисных явлений экономики и в контексте изучения поколенческих потребительских предпочтений. Т.Б. Лемешко [3, 4] исследовала веб-сайты как инструменты рекламных кампаний, а Интернет – как возможность продвижения услуг в данном виде экономической деятельности. С.С. Ходова, Ю.А. Носова и Д.В. Дмуха [5] акцентировали внимание на методах оценивания эффективности продвижения агротуристского продукта в Глобальной сети. Проблема соотношения уровня развития российского сельского/аграрного туризма с продвижением туристских ресурсов в интернет-пространстве осталась пока вне поля исследования. Поэтому важно провести анализ уровня развития федеральных онлайн-платформ, где могли быть задействованы и сельские товаропроизводители, и туристические агентства, предлагающие российские региональные маршруты. Цель работы – изучить современные онлайн-платформы по продвижению услуг сельских предпринимателей и репрезентации объектов сельского/аграрного туризма на федеральных интернет-площадках в контексте перспектив их дальнейшего развития.

Методология исследования

Методологической основой исследования стали принципы системности и научной объективности, общенаучные методы познания, в том числе анализ предложения услуг сельского/аграрного туризма по открытым данным туристских информационных порталов сети Интернет, а также с помощью сервисов SimilarWeb, Wordstat, SpyWorlds.

Результаты

По оценкам исследования Агентства развития сельских инициатив (АРСИ) «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив развития» (2019 г.) в отдыхе внутри страны потенциально заинтересованы 41,6 млн чел., из них 20...22 % посещают или готовы посетить объекты сельского туризма [6, с. 9–10]. В целом эксперты оценивают потенциал российского рынка агротуризма в 55 млрд руб. ежегодно [7].

Согласно данным аналитиков РСХБ (Россельхозбанк), среднестатистический агротурист – это обычно житель крупного города в возрасте 28–45 лет. Он имеет высшее образование, находится в браке и имеет одного или двух детей, средний уровень дохода составляет 150–300 тыс. руб. на семью. Ездить в агротуры такой турист готов на один-два дня, преимущественно в выходные [8]. Заметим, однако, что доля агропроизводителей в общем объеме туристического предложения сегмента сельского/аграрного туризма в России пока небольшая – всего лишь около 6 % [9]. Встает закономерный вопрос: как на таком узком рынке же-

лающие могут найти подходящие маршруты и отдохнуть в сельской местности? Именно виртуальные технологии оказываются здесь востребованными. Между тем в палитре интернет-пространства сельского хозяйства самих ресурсов, причисляемых к развитию услуг по сельскому/аграрному туризму, не так уж и много. Например, российский агропромышленный сервер предлагает всего семь наименований услуг (товаров) по запросу «сельский/аграрный туризм» (в том числе по покупке/продаже земли под услуги сельского/аграрного туризма) [10]. Подобные предложения, только в значительно большем количестве (более 500), размещены и на российском интернет-сервисе Avito, где подаются объявления о товарах, недвижимости, вакансиях, услугах, а также резюме для рынка труда [11].

Первой социальной сетью по развитию российской сельской местности стал проект naselo.ru [12]. Цели портала – обеспечение дополнительного дохода и занятости сельских жителей, создание условий деятельности муниципалитетов, увеличение туристского потока в сельскую местность. Площадка позволяла обмениваться информацией, опытом, идеями, решать проблемы повседневной жизни: искать работу, товары, реализовывать свой потенциал в различных общественных сферах, налаживать связи между муниципальными районами и крупными региональными площадками. Среди разделов онлайн-платформы были: «Сельский туризм» (общероссийский каталог гостевых домов и прочих объектов для отдыха, расположенных в сельской местности); «Туры и маршруты» (информация о любых турах, маршрутах и экскурсиях, которые проводятся на уровне муниципальных образований и сельских поселений); «Календарь событий» (сельские праздники и значимые мероприятия); «Интересные места» (достопримечательности российской глубинки). Проект взаимодействовал с региональными департаментами сельского хозяйства, культуры и туризма, профильными районными отделами, ведущими информационную политику по продвижению туристских ресурсов своего края (например, по данным RATA-news, в марте 2011 г. к проекту присоединилось более 60 муниципалитетов из разных регионов России). Использование и размещение информации на платформе были заявлены как бесплатные. Все данные заносились на сайт предпринимателями самостоятельно. Однако проект канул в Лету.

На сегодняшний день сеть Интернет заполнена предложениями по продаже фермерами своей сельхозпродукции на специальных площадках-маркетплейсах: «Свое. Родное», «Ешь Деревенское», «Электронный фермер», «Твойпродукт», оптовые интернет-рынки и пр. Разработанных крупных интернет-порталов по продаже агротуристического продукта до последнего времени не существовало. Туристические компании и фирмы, ориентированные на отдых россиян за рубежом или на обустроенных отечественных курортах, не принимали во внимание аграрный сегмент индустрии путешествий. В крайнем случае использовался вариант событийного туризма, приносящий немалую прибыль.

Появление крупного агрегатора предложений по сельскому/аграрному туризму связано с работой Россельхозбанка. Созданная в 2020 году в помощь предприятиям агропромышленного комплекса крупнейшая цифровая экосистема «Свое» содержит маркетплейсы сельскохозяйственных товаров для производителей, поставщиков, фермеров, конечных покупателей, платформу для поиска и покупки жилья, академию, банк, базу резюме и вакансий. Реализовано всё это на площадках «Свое. За городом», «Свое. Родное», «Свое. Фермерство», «Я в Агро», «Свое Жильё», «Свое Село», «Все Свое» [13].

Федеральные интернет-проекты «Свое. За городом» и «Свое. Родное» комплектуют информацию о российских объектах предпринимательства в сельской местности. Они заявлены ещё и как системы эффективного взаимодействия участников агротуристской деятельности. Проекты позволяют не только продвинуть услуги, найти покупателей продукции, но и развить сам объект туризма. Партнерство (регистрация и участие) предприятий и хозяйств на порталах, так же как и в проекте naselo.ru, заявлено как бесплатное.

Интернет-сервис «Свое. Родное» представляет товары (на апрель 2024 г. – 6787 продуктов) по 13 опциям: рыба и морепродукты, яйца и молочные продукты, мясо и птица, хлеб и выпечка, сыры, овощи и фрукты, мед и пчеловодство, сладости, заморозка, напитки, бакалея, здоровье и красота, подарки и сувениры. Клиентам и потребителям доступен поиск как по продуктам, так и по фермерам. При оформлении более крупного заказа можно получить скидку. Условия приобретения и оплаты товаров описаны на странице каждого предпринимателя. На площадках предусматривается курьерская доставка от фермеров, получение службой доставки СДЭК (Служба Доставки Экспресс Курьер) по России, а также в пунктах самовывоза. По данным сервиса SimilarWeb, платформу «Свое. Родное» ежемесячно посещает более 184 тыс. пользователей, в основном «мобильных» (то есть через мобильные устройства) (77,6 %). Среди них каждый десятый (11,4 %) в возрасте от 18 до 24 лет. 36,6 % гостей сервиса составляют посетители от 25 до 44 лет. Каждый третий (32,8 %) – старше 55 лет и 19,2 % – лица в возрасте от 45 до 54 лет. Аудиторию интернет-площадки представляют 52,4 % мужчин и 47,6 % женщин. Как показывают сервисы аналитики, эти люди хорошо ориентируются в Сети, интересуются компьютерами, электроникой и технологиями. Отметим, что органический поиск платформы (то есть через поисковые системы) в Сети применяют 43,6 % пользователя, прямой поиск (то есть точный адрес сайта в браузере) – 22,0 %. Две трети трафика выводят гостей интернет-проекта непосредственно на сайт, тем самым расширяя возможности виртуальной площадки. При этом реферальный поиск (с другого сайта или СМИ) составляет 18,2 %, трафик по электронной почте – 15,0 %, через другие каналы – чуть более 1,1 %.

Характерно, что наивысшим показателем схожести с интернет-сервисом «Свое. Родное» обладает сервис «Svoefermerstvo.ru» с посещаемостью в 242 тыс. пользователей (из той же цифровой экосистемы «Свое» от Россельхозбанка). Платформы объединяет трафик органических ключевых слов, влияя на популярность обеих площадок. Кроме того, конкурентами в поиске «Svoe-rodnoe.ru» являются домены «Esh-derevenskoe.ru», «Msk.gs.market», «M2-shop.ru», «Delikateska.ru», «Ryboedov.ru» и др. Как видно из названий, они сфокусированы на предложении фермерского продукта, поставляемого потребителям. Данный сервис работает с малыми и микропредприятиями, зарегистрированными в РФ, и дает возможность торговать своей продукцией по всей стране. Он предполагает развитие агротуров – развлекательных поездок в фермерские хозяйства, совмещенных с дегустациями и закупкой продукта (гастрономическая составляющая сельских туров).

Платформа «Свое. За городом» собирает предложения (298 проектов на апрель 2024 г.) от фермеров с готовыми программами, включающими экскурсии, мастер-классы, дегустации, ярмарки, то есть занимается продвижением сельского туризма и аграрных туров, соединяя сельхозпроизводителя, туроператора и туриста. Для путешественников доступна сортировка объектов по регионам и видам досуга. На площадке потребители могут выбрать услуги по 24 опциям, в том числе: сезонные мероприятия (встречи с животными, туры с северным сиянием, поездки на собачьих упряжках), фестивали, проживание на ферме, активный отдых и т. д. Бронирование путешествий происходит через портал. Важным условием сотрудничества туроператоров с агропредприятиями, отдельными фермерами и сельскими предпринимателями является работа на постоянной основе. Рассматриваемая онлайн-площадка предлагает разные методы поддержки бизнесменов, в том числе включение объектов агротуризма в национальные и региональные туристические маршруты, помощь в создании собственных пакетных туров. Ключевыми условиями для получения максимального эффекта от размещения на портале являются: полная информация об объекте (где находится, как добраться); подборка фотографий и хорошая фотозона для гостей; участие в конкурсах; создание личного бренда, ассоциируемого с регионом; развитая внутренняя инфраструктура (туалет, умывальник, информационные стенды); предоставление качественного и недорого питания (осо-

бенно местные продукты) и т. д. Важно, что гармоничная архитектура, красивые ландшафты, возможность приобрести экологическую продукцию увеличивают стоимость посещения объекта и повышают спрос на такой отдых. Однако платформу «Свое. Загородом», в отличие от платформы «Своё. Родное», ежемесячно посещает более 75 тыс. чел. и, главное, с мобильных телефонов (87,8 %). Среди них каждый шестой (14,8 %) – молодой человек от 18 до 24 лет, каждый пятый (22,0 %) – старше 55 лет. Основная масса гостей сайта (45,4 %) – лица в возрасте от 25 до 44 лет. Пользователей от 45 до 54 лет – 17,8 %. Аудиторию интернет-площадки составляют 36,9 % мужчин и 63,1 % женщин, ориентирующихся в интернет-технологиях. На поисковые системы и прямую загрузку приходится 90,3 % трафика данного интернет-ресурса. Реферальный поиск (с другого сайта или СМИ) составляет 8,4 %, социальные сети предоставляют лишь 0,68 % трафика, а электронная почта – 0,4 %. Востребованность интернет-сервиса «Своё. За городом» уступает данным портала «Своё. Родное», указывая на сформированную направленность запросов потребителей и некоторые особенности развития сельского/аграрного туризма в стране.

Отметим, что цифровая площадка Россельхозбанка «Своё» позволяет агропредприятиям, фермерам и сельским предпринимателям расширить объем предлагаемых услуг, увеличить доход и количество освоенных компетенций, повысить свою узнаваемость, но остается пока лишь заявкой на обширный хостинг, объединяющий объекты сельской/аграрной туриндустрии в одну федеральную сеть.

Несомненным конкурентом цифровых федеральных проектов Россельхозбанка на платформе экосистемы «Своё» является портал Росагротуризм.рф [14]. Интернет-сервис предлагает горожанам найти место отдыха вне города. Сельские предприниматели получают возможность продвигать свои услуги населению, содействуя сохранению российских сёл и деревень. К весенне-летнему сезону 2024 г. интернет-сервис предоставляет потребителям более 880 вариантов досуга (мастер-классы, музеи, дни поля, деревни, памятники и пр.) и более 520 туров в сельской местности по 82 регионам России. На площадке выложены фильмы о деятельности по развитию сельского туризма: «Агротуризм в России. Зимняя сказка» (2018 г.) и «Сельский туризм. Летний зной» (2022 г.), являющиеся дополнительной рекламой самого портала и агротуристского бизнеса. На платформе публикуются новости сферы сельского туризма России и мира. К началу 2024 г. сформированы долгосрочные отношения с 11 партнёрами, среди которых: национальный конкурс региональных брендов продуктов питания, организованный Минсельхозом России, – «Вкусы России»; открытый справочно-информационный ресурс для представителей малого и среднего бизнеса в России – Small-business.ru; киностудия «Агрокадр», специализирующаяся на съемках о жизни российского села; ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР); фестиваль коренных народов России «Этноскоп» и др. Интернет-сервис проводит активное вовлечение всех желающих предпринимателей разместить свою информацию на платформе, предлагая приемлемые условия совместной работы. Ресурс позволяет свободно открывать и закрывать возможности бронирования своих объектов размещения, тура или варианта досуга на любые даты. Отметим, что к весне 2024 г. на площадке уже размещено свыше 650 объектов туриндустрии (гостевые дома, комнаты, агроусадьбы, коттеджи, номера, домики и пр.). По условиям работы онлайн-платформа не собирает дополнительную плату, не проводит скрытых платежей и отображает, как заявлено, только те цены на услуги, которые устанавливает сам предприниматель. Поскольку именно клиент здесь решает, когда гости могут забронировать объект, тур или вариант досуга (зарегистрироваться на портале можно быстро, просто и бесплатно), то конкурентное преимущество Интернет-площадки Росагротуризм.рф раскрывается в контексте сформированного федерального хостинга по объектам сельской/аграрной туриндустрии.

Таким образом, интернет-сервисы экосистемы Россельхозбанка и веб-платформы Росагротуризма являются доминантами в российском интернет-пространстве: их опции и вся инфраструктура будут определять в дальнейшем уровень и направленность развития туристической сферы в сельской местности.

Интернет-ресурс «Ассоциация туроператоров. Агротуризм в России» предлагает объектам сельского/аграрного туризма свой проект [15]. Он разработан не только для представителей федеральных и региональных властей, но и для агропроизводителей, которые нацелены на развитие своего бизнеса в сельской местности. Веб-сервис опирается на работу некоммерческой организации Ассоциации туроператоров (АТОР). Здесь аккумулируется опыт лучших региональных площадок. Особое внимание уделяется грантовой поддержке сельских предпринимателей, прорабатывается возможность превращения агротуров в национальные маршруты с расширением предлагаемых услуг. Отметим, что интернет-проект обретает свою значимость только в контексте практики АТОР, поскольку в отличие от других сервисов платформа не подразумевает приумножение объектов агротуристической деятельности. Инициатором работы интернет-площадки является Автономная некоммерческая организация поддержки национальных экологических проектов «Атмосфера», начавшая свою деятельность с 2020 г. Информация на веб-портале в существующем формате не обновляется, поэтому и не актуальна для субъектов агротурбизнеса.

Обратимся к социальным сетям. Согласно исследованию World Travel Monitor (среди опрошенных – почти 500 тыс. респондентов-путешественников из 60 стран мира, в том числе россияне) основным инициатором роста туристических поездок сегодня является Интернет, в том числе социальные медиа (социальные сети, travel-блоги и форумы) [16]. Так, более 75 % лиц, участвующих в опросе, назвали социальные каналы основным источником туристической информации. На выбор респондентов влияют рассказы, яркие фотографии, отзывы и прочий контент, инициируемый другими пользователями. Причем впечатлениям и мнениям других путешественников доверяют почти 50 % участников опроса. Лишь каждый третий вояжёр при выборе тура или направления избегает социальных сетей, полагаясь на рекомендации туристических агентств (как правило, это люди более старшего возраста). Поэтому необходимость отслеживания тенденций развития агротуристического бизнеса в данном сегменте всего интернет-пространства достаточно велика.

Нельзя не отметить, что способы продвижения в социальных сетях агротуристской деятельности имеют ряд преимуществ, проявляющихся в персонификации субъектов агробизнеса; невысокой стоимости участия; активах таргетинга; возможности оперативно получать обратную связь клиентов; благожелательности потребителей и т. д. [17]. Кроме того, на таких платформах есть сервисы, позволяющие создавать рекламные объявления.

Социальная площадка «ВКонтакте» включает сообщество «Сельский туризм/Агротуризм в России». Здесь размещаются материалы в помощь сельскому туристическому бизнесу, составляется информация по агротурам. Собственно, сам информационный проект создан (сентябрь 2014 г.; автор – О. Скрипникова) с целью приобщить потенциальных потребителей услуг к новому виду отдыха [18]. На платформе есть возможность рассказать о себе и поделиться опытом развития сельского, аграрного туризма. Рассматриваемый ресурс является не только рекламой агротуристской деятельности, но и способом создания своего сообщества для продвижения бизнеса. Кроме того, это точечный поиск, фокусировка на реальных потребителях услуг с использованием «сарафанного радио».

В ситуации глобального экономического кризиса новым шагом по диверсификации путей развития аграрного/сельского туризма, самих сельских товаропроизводителей, предлагающих разнообразные товары и услуги, является сотрудничество на платформе (маркетплейса) агроландшерингового кооператива [19, 20]. Это сервис агротуристического потребительско-сбытового сообщества совместного (солидарного) пользования землей по подписке. Дей-

ствительными членами данного сообщества являются сельские товаропроизводители, которые внесли вступительный взнос и заключили договор с возможностью разместить информацию об агротуристических услугах и ассортименте производимой продукции. В этом случае главная цель бизнеса – максимальное удовлетворение потребностей горожан в агротурах и натуральных продуктах от фермеров. Отметим, что ассоциированные члены кооператива – это заказчики либо агротура, либо продукции сельских товаропроизводителей (оформление заказа и предварительная оплата становится ассоциированным членским взносом кооператива). Сайт-агрегатор помогает производителям и потребителям услуг встретиться: совершать безопасные сделки, дистанционно заключать договоры и пр. Покупателями продукта интернет-проекта (маркетплейса агроландшерингового кооператива) являются городские жители из многоквартирных домов. С помощью сервиса им подбираются и «продуктовые корзины», и заказы на агротур. Там же сортируются отзывы, ведется работа с рекламацией. Распространение информации о кооперативе, возможностях его членов осуществляется через СМИ и таргетированную (персонализированную) интернет-рекламу. Подобная бизнес-модель может работать и без участия третьих лиц, поскольку ориентирована на часть рынка P2P (person-to-person). Миссия проекта – предоставить возможность селянам реализовывать агротуристическую и сельскохозяйственную продукцию без посредников. Считаем эту модель перспективной альтернативой интернет-проектам Россельхозбанка и Росагротуризма.

Важным помощником для организаторов сельского отдыха является портал Национальной ассоциации сельского туризма [21]. Его задачи: взаимодействие госструктур с физическими и юридическими лицами в сфере событийного, экологического, гастрономического, этнографического и познавательного туризма; продвижение интересов практиков туриндустрии на федеральном уровне; адаптирование к российским условиям мирового опыта ведения туристического бизнеса на селе и т. д. Сам проект – это комплексная поддержка лиц, заинтересованных в развитии туризма на сельских территориях, и программа вовлечения в предпринимательство собственно сельского населения. Кроме того, это важное начинание, способствующее увеличению и субъектов предпринимательства в сельской местности, и предложений туристического продукта во внутреннем туризме.

Заключение

Изучение и оценка информационных модулей федеральных интернет-порталов по продвижению услуг сельского/аграрного туризма показывают, что индустрия агропутешествий проходит лишь начальный этап своего становления. Ещё только формируется механизм включения сельских маршрутов в общий контур внутрироссийских туристических линий. Небольшое число интернет-площадок, где представлен подобный туристический продукт, с одной стороны, сужает возможности его развития и продвижения, с другой – становится центром, сердцевиной более активного применения и распространения. На федеральном уровне отсутствует тесная связь общероссийских туроператоров с конкретными производителями услуг сельского/аграрного туризма. Какое-либо соперничество за каждый объект аграрного туризма и новый маршрут в сельской местности на сегодняшний день даже не осмысливаются специалистами туристической отрасли. Поэтому индустрия путешествий работает в системе координат туроператора, не рассматривающего объекты агротуризма ценным активом своей деятельности [22]. Потребитель не находит в Глобальной паутине требующихся предложений и, соответственно, не знает о них. А производитель (в данном случае – туроператор) упускает определенный спрос. Туристические фирмы осваивают событийный туризм как более прибыльное и перспективное направление, считая, по-видимому, сельскую сферу либо не «стоящим» продуктом, либо «послезавтрашним блюдом». В таких условиях именно платформу (маркетплейс) агроландшерингового кооператива можно считать дополнительной альтернативой продвижения аграрного/сельского туризма в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов Г.С. Роль Интернет в продвижении услуг агротуризма как средства преодоления экономического и культурного кризиса регионов России // Статистика и экономика. – 2011. – № 5. – С. 56–60.
2. Кузнецов Г.С. Влияние поколенческих ценностей интернет-аудитории как фактора формирования потребительских предпочтений в сфере агротуризма // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pokolencheskih-tsennostey-internet-auditorii-kak-faktora-formirovaniya-potrebitelskih-predpochteniy-v-sfere-agroturizma> (дата обращения 21.06.2024).
3. Лемешко Т.Б. Web-сайт как инструмент рекламных кампаний в сельском туризме // Перспективы развития информационных технологий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/web-sayt-kak-instrument-reklamnyh-kampaniy-v-selskom-turizme> (дата обращения 21.06.2024).
4. Лемешко Т.Б. Интернет-возможности продвижения туристических услуг // Достижения вузовской науки. – 2013. – № 7. – С. 314–318.
5. Ходова С.С., Носова Ю.А., Дмуха Д.В. Маркетинговая стратегия агротуризма: эффективные коммуникации в сети Интернет // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 6. – С. 150–153.
6. Лебедева И.В., Копылова С.Л. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». – Москва: АНО АРСИ, 2019. – 44 с.
7. Токманцева И. Агротуризм в России развивается вне закона // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/03/31/864087-agroturizm-rossii> (дата обращения 24.06.2024).
8. Кузнецов А. «Назад к истокам»: Почему у агротуризма в России большие перспективы // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/28362/4511043/> (дата обращения 24.06.2024).
9. Бирюкова А. Сельский и аграрный туризм становится важным фактором развития российских территорий. URL: <https://www.atorus.ru/node/49763> (дата обращения 24.06.2024).
10. Сельский туризм // Российский агропромышленный сервер. URL: <https://agroservers.ru/agroturizm/> (дата обращения 09.07.2024).
11. Сельский/аграрный туризм // Avito. URL: <https://www.avito.ru/all?q=Сельский%20Аграрный+туризм> (дата обращения 09.07.2024).
12. На село.ру – первая социальная сеть для любителей сельского туризма // вОтпуск.ру. URL: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=363559> (дата обращения 09.07.2024).
13. Экосистема Своё // РСХБ. URL: <https://www.rshb.ru/svoe> (дата обращения 09.07.2024).
14. Сельский туризм. Агротуризм. Отдых в России // Росагротуризм.рф. URL: <https://росагротуризм.рф/> (дата обращения 09.07.2024).
15. Агротуризм в России // АНО «Атмосфера». URL: <https://agro.atorus.ru/> (дата обращения 09.07.2024).
16. Интернет – главный драйвер туризма // Европульс». Все о Европе. URL: <https://euro-pulse.ru/news/internet-glavnyiy-drayver-turizma/> (дата обращения 09.07.2024).
17. Кузнецов Г.С. Анализ перспектив продвижения агротуристической компании в социальных сетях // Научное обозрение. Серия 1 «Экономика и право». – 2012. – № 3-4. – С. 147–153.
18. Сельский туризм/Агротуризм в России // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/selturrf?ysclid=lyemz1sdt2306086165> (дата обращения 09.07.2024).
19. Галиев М. Маркетплейс агроландшерингового кооператива (агротуристический потребительско-сбытовой кооператив совместного пользования землей по подписке) // 20.35 Университет. URL: <https://pt.2035.university/project/marketpleys-agrolandsheringovogo-kooperativa-agroturisticheskogo-potrebitelsko-sbytovogo-kooperativa-sovmestnogo-polzovania-zemlej-po-podpiske> (дата обращения 09.07.2024).
20. Галиев Р.Р., Ковшов В.А., Гусманов Р.У. Проект маркетплейса агроландшерингового кооператива // Вестник НГИЭИ. – 2021. – № 2 (117). – С. 101–112. DOI: 10.24411/2227-9407-2021-10019.
21. Портал Национальной ассоциации организаций по развитию сельского и экотуризма // Академия сельского туризма. URL: <https://selturacademia.ru/?ysclid=lyennvtkw1883368385> (дата обращения 09.07.2024).
22. Аникина А.В. Информационные ресурсы сети интернет в помощь Нижегородским практикам сельского/аграрного туризма // Современное состояние и перспективные направления развития аграрной науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию доктора с.-х. наук, профессора, заведующего кафедрой «Земледелие и растениеводство» В.В. Ивенина, Нижний Новгород, 18 октября 2023 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный агротехнологический университет: Амирит, 2023. – С. 357–360.

Информация об авторах

Анна Валентиновна Аникина, кандидат социологических наук, доцент Нижегородского государственного агротехнологического университета, Россия, 603107, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 97; anna-valentan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7872-6835>

Поступила в редакцию: 10.06.2024

Поступила после рецензирования: 25.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Kuznetsov G.S. The role of the internet in promotion of agritourism service: the way to get over the economic and cultural crisis of Russian region. *Statistics and Economics*, 2011, no. 5, pp. 56–60. (In Russ.)
2. Kuznetsov G.S. The influence of generational values of the Internet audience as a factor in formation of consumer preferences in the sphere of agritourism. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pokolencheskih-tsennostey-internet-auditorii-kak-faktora-formirovaniya-potrebitelskih-predpochteniy-v-sfere-agroturizma> (accessed 21 June 2024).
3. Lemeshko T.B. Website as a tool for advertising campaigns in rural tourism. *Prospects for the development of information technology*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/web-sayt-kak-instrument-reklamnyh-kampaniy-v-selskom-turizme> (accessed 21 June 2024).
4. Lemeshko T.B. Internet opportunities for promoting tourist services. *Achievements of university science*, 2013, no. 7, pp. 314–318. (In Russ.)
5. Khodova S.S., Nosova Yu.A., Dmukha D.V. Marketing strategy of agritourism: effective communications on the Internet. *International journal of applied and fundamental research*, 2017, no. 6, pp. 150–153. (In Russ.)
6. Lebedeva I.V., Kopylova S.L. Results of the study “The current state of rural tourism in Russia. Identification of problems and prospects in the development of rural tourism in the country (2019)”. Moscow, ANO ARSI Publ., 2019. 44 p. (In Russ.)
7. Tokmantseva I. Agritourism in Russia is developing outside the law. *Vedomosti* (In Russ.) Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/03/31/864087-agroturizm-rossii> (accessed 24 June 2024).
8. Kuznetsov A. “Back to the roots”: Why agritourism in Russia has great prospects. *Komsomolskaya Pravda*. (In Russ.) Available at: <https://www.kp.ru/daily/28362/4511043/> (accessed 24 June 2024).
9. Biryukova A. Rural and agricultural tourism is becoming an important factor in the development of Russian territories. (In Russ.) Available at: <https://www.atorus.ru/node/49763> (accessed 24 June 2024).
10. Rural tourism. *Russian agro-industrial server*. (In Russ.) Available at: <https://agroserver.ru/agroturizm/> (accessed 9 July 2024).
11. Rural/agrarian tourism. *Avito*. (In Russ.) Available at: <https://www.avito.ru/all?q=Сельский%20Фарманный+туризм> (accessed 9 July 2024).
12. Na selo.ru – the first social network for lovers of rural tourism. *vOtpusk.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=363559> (accessed 9 July 2024).
13. Ecosystem Svoe. *RSHB*. (In Russ.) Available at: <https://www.rshb.ru/svoe> (accessed 9 July 2024).
14. Rural tourism. Agritourism. Holidays in Russia. *Rosagroturizm.rf*. (In Russ.) Available at: <https://rosagroturizm.rf/> (accessed 9 July 2024).
15. Agritourism in Russia. *ANO "Atmosfera"*. (In Russ.) Available at: <https://agro.atorus.ru/> (accessed 9 July 2024).
16. The Internet is the main driver of tourism. *Evropulse. All about Europe*. (In Russ.) Available at: <https://europulse.ru/news/internet-glavnyiy-drayver-turizma/> (accessed 9 July 2024).
17. Kuznetsov G.S. Analysis of the prospects for promoting an agritourism company in social networks. *Scientific Review. Series 1 "Economics and Law"*, 2012, no. 3–4, pp. 147–153. (In Russ.)
18. Rural tourism. Agritourism in Russia. *vKontakte*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/selturrf?ysclid=lyemzlsdt2306086165> (accessed 9 July 2024).
19. Galiev M. Marketplace of an agrolandshering cooperative (agritourism consumer and sales cooperative for joint use of land by subscription). *20.35 University*. (In Russ.) Available at: <https://pt.2035.university/project/marketplejs-agrolandseringovogo-kooperativa-agroturisticskogo-potrebitelsko-sbytovogo-kooperativa-sovmestnogo-polzovania-zemlej-po-podpiske> (accessed 9 July 2024).
20. Galiev R.R., Kovshov V.A., Gusmanov R.U. Agrolandshering cooperative marketplace project. *Bulletin NGIEI*, 2021, no. 2 (117), pp. 101–112. (In Russ.) DOI: 10.24411/2227-9407-2021-10019.
21. Portal of the National Association of Organizations for the Development of Rural and Ecotourism. *Academy of Rural Tourism*. (In Russ.) Available at: <https://selturacademia.ru/?ysclid=lyennvtkw1883368385> (accessed 9 July 2024).

22. Anikina A.V. Information resources of the Internet to help Nizhny Novgorod practitioners of rural/agrarian tourism. *Current state and promising directions of development of agricultural science. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 65th anniversary of Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Head of the Department of Agriculture and Crop Production V.V. Ivenin.* Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Amirit, 2023. pp. 357–360. (In Russ.)

Information about the authors

Anna V. Anikina, Cand. Sc., Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, 97, Gagarin avenue, Nizhny Novgorod, 603107, Russian Federation. annavalentan@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7872-6835>

Received: 10.06.2024

Revised: 25.08.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 316.334.3:330.567.22

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1878

Шифр специальности ВАК: 5.4.1

О потенциале нецифрового просьюмеризма: критический анализ тоффлеровского прогноза о просьюмерском обществе

Н.В. Гончаров[✉]

Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

[✉]nik567485@mail.ru

Аннотация. Актуальность: потребительские практики, являясь неотъемлемым атрибутом функционирования и развития общества, требуют постоянного научного мониторинга и изучения, поскольку структурно-функциональная трансформация потребления служит индикатором макро- и микросоциальных трансформаций. Следовательно, важно понимать, утратил ли свою актуальность «классический» консьюмеризм и пришел ли ему на смену просьюмеризм как проявление кардинальных изменений современной социальной системы. В связи с этим вопрос об интеграции и масштабировании, особенно нецифрового просьюмеризма, требует более осторожного и взвешенного подхода в контексте доминирования потребительского капитализма со свойственным ему четким разделением на производителей и потребителей.

Цель: на основании критического анализа прогноза Э. Тоффлера о наступлении эпохи просьюмерского общества (Третья волна) оценить, состоялся ли переход от «классического» консьюмеризма к просьюмеризму, важнейшим признаком которого является институциональная диффузия производства и потребления. **Методы:** теоретический и критический анализ, описательный метод, компаративный метод, обобщение и синтез. **Результаты:** показано, что практика самообслуживания как ортодоксальное свойство просьюмеризма, указывающее на развитие «потребительской самостоятельности», сегодня имеет неоднозначное и неравномерное проявление; несмотря на то, что наблюдается повышенный интерес потребителей к самообслуживанию в одном, в другом – продолжает увеличиваться потребительский спрос на услуги, демонстрирующий степень «потребительской несамостоятельности», макромаркером которой служит динамичное развитие сервисной экономики; практика «производить для себя» не способна в полной мере реализовываться и функционировать на макросоциальном уровне в социальных системах; приведено доказательство о концептуальной «неустойчивости» тоффлеровской идеи, согласно которой в Секторе А есть «настоящее» производство, поскольку в данном секторе возможно «производство» исключительно потребительной стоимости (точнее, полезности для себя), но не товаров и услуг. Техническая и общественная дифференциация трудовой деятельности демонстрирует стабильность структурно-функциональной разграниченности института производства и потребления, несмотря на более активную позицию потребителя, влияющую на производство, например благодаря массовой кастомизации; выделена особенность современной кастомизации, состоящая в том, что производители на основе предпочтений покупателей продолжают формировать достаточно широкий перечень шаблонов, стандартизированных наборов, из которых потребители создают различные конфигурации и комбинации, что, с одной стороны, делает потребление более разнообразным, с другой – это «разнообразие» контролируется производителями и маркетологами, что является все же признаком традиционного или классического консьюмеризма.

Выводы: несмотря на то, что просьюмеризм представляет собой динамично развивающийся институт, преждевременно утверждать о наступлении эпохи просьюмеризма в обществе, в котором продолжает доминировать и развиваться потребительский капитализм со свойственными ему структурной и функциональной дифференциацией на производителей и потребителей.

Ключевые слова: общество потребления, просьюмеризм, производство, потребительские практики, социальный институт

Для цитирования: Гончаров Н.В. О потенциале нецифрового просьюмеризма: критический анализ тоффлеровского прогноза о просьюмерском обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 105–117. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1878

UDC 316.334.3:330.567.22

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1878

On the potential of non-digital prosumerism: a critical analysis of Toffler's prediction of a prosumer society

N.V. Goncharov[✉]*Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation*[✉]nik567485@mail.ru

Abstract. Relevance. Consumer practices, being an integral attribute of the functioning and development of society, require constant scientific monitoring and study, since the structural and functional transformation of consumption serves as an indicator of macro and microsocial changes. Consequently, it is important to understand whether "classical" consumerism has lost its relevance and whether it has been replaced by prosumerism, indicating fundamental changes in the modern social system. In this regard, the question of integration and scaling, especially of non-digital consumerism, requires a more cautious and balanced approach in the context of the dominance of consumer capitalism, with its clear division between producers and consumers. **Aim.** To critically analyse E. Toffler's prediction of the coming of the era of the prosumer society (the Third Wave) to assess whether the transition from "classical" consumerism to prosumerism, the most important feature of which is the institutional diffusion of production and consumption, has taken place. **Methods.** Theoretical and critical analysis, descriptive method, comparative method, generalisation and synthesis. **Results.** It is shown that the practice of self-service as an orthodox property of prosumerism, indicating "consumer autonomy", today has an ambiguous and uneven manifestation. Despite the fact that there is an increased interest of consumers in self-service in one, the consumer demand for services continues to increase in another, indicating "consumer non-self-sufficiency". Its macro-marker is the dynamic development of the service economy. The practice of "producing for oneself" is not capable of fully realised and function at the macro-social level in societal systems. Proof is provided of the conceptual 'instability' of Toffler's idea, according to which there is 'real' production in Sector A, because in this sector it is possible to 'produce' only consumer value (or, more precisely, utility for oneself), but not goods and services. Technical and social differentiation of labour activity demonstrates the stability of structural and functional delimitation of the institution of production and consumption, despite the more active position of the consumer, influencing production, for example, due to mass customization. The peculiarity of modern customization is highlighted. It consists in the fact that producers, on the basis of consumer preferences, continue to form a fairly wide list of templates, standardized sets, from which consumers create different configurations and combinations. On the one side, it makes consumption more diverse, on the other side, this 'diversity' is controlled by producers and marketers, which is still a sign of traditional or classical consumerism. **Conclusions.** Despite the fact that prosumerism is a dynamically developing institution, it is premature to assert that the era of prosumerism has arrived in a society, in which consumer capitalism with its structural and functional differentiation into producers and consumers continues to dominate and develop.

Keywords: consumer society, prosumerism, production, consumer practices, social institution

For citation: Goncharov N.V. On the potential of non-digital prosumerism: a critical analysis of Toffler's prediction of a prosumer society. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 105–117. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1878

Введение

Сегодня понятие «консьюмеризм», по мнению ряда исследователей, недостаточно отражает структурно-функциональную специфику моделей потребления, в связи с чем в научном дискурсе все чаще начинает использоваться понятие «просьюмеризм», получившее широкую известность во многом благодаря Э. Тоффлеру, в частности его работе «Третья волна». Но настолько ли сегодня потребительские практики, а также взаимодействие потребителей и производителей претерпели существенные изменения (реконфигурировались или даже ре-

структуризовались), чтобы утверждать о наступлении новой эры просьюмеризма? Важное замечание: здесь специально не раскрывается, хотя и затрагивается, проблема так называемого «цифрового просьюмеризма» [1] со всем многообразием его видов или, например, «политического» [2] и сосредотачивается внимание именно на классической концепции просьюмеризма, впоследствии ставшей производной современных его интерпретаций. Несмотря на это, все же стоит отметить некоторые аспекты электронных просьюмерских практик в рамках темы данного исследования.

С учетом того, что со временем понятие «просьюмеризм» претерпело существенные изменения, некоторые авторы предупреждают о негативных последствиях его «размывания», обращая внимание на снижение аналитической силы концепции просьюмеризма вследствие использования ее переработанной версии вместо каноничной [3]. Сегодня понятие «просьюмеризм» употребляется в достаточно широком значении в зависимости от исследовательского контекста¹. Естественным образом это приводит к сложности проведения отчетливой границы между консьюмерскими практиками и просьюмерскими. Поэтому вполне допустимо их «взаимоперетекание». Например, развитие сети Интернет, сетевых сообществ, феномена web 2.0 и уже web 3.0 во многом послужило основным драйвером для того самого цифрового просьюмеризма, тесно связанного с тенденцией децентрализации, динамичным распространением пиринговых сетей (P2P) (не только в техническом смысле, но и социальном). Все это является закономерным результатом продолжающейся либерализации (во многом нелинейной) социетальных систем, в результате чего возникают новые формы социальной кооперации со специфической системой координации, регулирования, управления и т. д., основанные не столько на принципах соперничества и конкуренции, сколько больше на ценностях «однорангового» сотрудничества (типичным примером является феномен wiki, когда создается некая платформа, чаще всего электронная, содержание которой наполняют «одноранговые» пользователи²). С одной стороны, данный пример показывает (хотя бы формально) проявление свойств просьюмеризма, но с другой – часто на таких площадках действуют не «рядовые» потребители, а именно профессионалы (даже если взять ту же Википедию). Подобное характерно и для видеоблогинга. Например, видеохостинг YouTube в процессе тотальной «ютубизации» общества скооперировал на своей площадке сообщество не только «любителей», но и профессионалов (причем многие любители стали быстро достигать профессионального уровня и для многих видеоблогинг стал именно профессиональной деятельностью). Но главное, тот же блогер создает контент не «для себя», но «для других», выступая во многом в роли «производителя». Хотя, возможно, возразят, что такая площадка, как YouTube, является наглядным примером электронного просьюмеризма, поскольку активные пользователи, число которых по некоторым подсчетам около 2,5 млрд, «производят» и «потребляют» медиаконтент. Но все дело в статусе этих «активных пользователей», под которыми с формальной точки зрения подразумеваются «все» те, кто регулярно использует сервисы данного хостинга. Реальная структура сети активных пользователей гораздо сложнее,

¹ То, насколько «размыта» коннотация терминов *prosumer* и *produsage*, показывает их применение в самых разных исследованиях, в которых они существенно отличаются от оригинальной интерпретации и скорее «адаптируются» авторами к своим концепциям [4].

² Несмотря на то, что здесь прямо не затрагивается проблема коммерциализации в просьюмеристских практиках, достаточно интересна попытка автора термина *produsage* Акселя Брунса «примирить» декоммерциализованные принципы и нормы производства контента онлайн-сообществами с коммерческими структурами [5]. В продолжении отметим, что обращает на себя внимание парадоксальность так называемых *producers*: интернет-пользователи, с одной стороны, создают разнообразную цифровую продукцию на самых разных платформах, в том числе соцсетях и, возможно, отчетливо проявляет себя принцип партиципаторности, децентрализации, гетерархии и т. д., но с другой – некоторый инструментарий и сама платформа, как правило, принадлежат технологическим корпорациям, которые, как и подобает в условиях информационного капитализма, используют таким образом создаваемый контент в коммерческих целях [6].

но, даже не вдаваясь в тонкости ее дифференциации, проблематично среди них выделить именно контентмейкеров³ (производителей) и «рядовых» пользователей-потребителей, которых абсолютное большинство (вполне «рыночная» количественная асимметрия в структуре соотношения производителей и потребителей).

В целом достаточно проблематично (если вообще возможно) провести четкую границу между консьюмеризмом и просьюмеризмом, если только второе не используется для обозначения более развитой формы первого, тогда проблема снимается. В некоторых случаях просьюмерские практики действительно предлагается рассматривать как разновидность консьюмерских. Показательно в этом смысле исследование так называемого энергетического просьюмеризма в Великобритании на примере Бристоля, который (энергетический просьюмеризм) является не более чем расширенной версией традиционного (капиталистического) консьюмеризма в силу доминирования рыночных механизмов регулирования данной отрасли [7].

Стоит согласиться с идеей, что современные взаимоотношения производителей и потребителей во многом характеризуются более «деятельным» участием в них потребителя, но вместе с тем не вполне корректно переоценивать эту активность и своего рода условную автаркичность сегодняшних потребителей. Возросшая в этом смысле потребительская активность рассматривается уже как новая социальная культура [8]. К тому же в контексте социальных трансформаций и обновлений социальных практик термин «просьюмеризм» позволяет выделить новые практики повседневности и культурного производства [9]. Несмотря на то, что просьюмеризм как проявление «активных» потребительских практик в основном «наследуют» те же социальные проблемы, что и «пассивный» консьюмеризм (чрезмерное потребление, постоянное стремление соответствовать модным трендам, гедонизм, ониомания, демонстративность и т. п.), он с гуманистической точки зрения может считаться более предпочтительной формой потребления, поскольку компенсирует издержки рационализации капиталистического производства, не позволяя превратить индивида в придаток машины [10]. По замечанию некоторых авторов, просьюмеризм способен реабилитировать персональную идентичность, выхоленную обществом потребления [11].

Функционирование практик «самообслуживания» и «производить для себя» в современном обществе потребления

Рассматривая классическую концепцию просьюмеризма, разработанную Э. Тоффлером, нужно учитывать тот факт, что она является органической частью его общей футурологической концепции, а сам феномен просьюмеризма выступает одним из важных социоэкономических признаков Третьей волны, сигнализирующим о структурных сдвигах и, соответственно, функциональных изменениях в институтах производства и потребления. В основании тоффлеровской интерпретации просьюмеризма находятся идеи самообслуживания и «производить для себя»⁴ [12]. И здесь сразу же обращает на себя внимание то, в каком значении

³ Но, несмотря на технические и методологические сложности определения количества контентмейкеров, можно с уверенностью утверждать, что на подобных платформах отчетливо прослеживается структурная и функциональная дифференциация на «производителей» (контентмейкеров) и «потребителей» (относительно пассивных пользователей).

⁴ В дальнейшем Тоффлер попытается развить переход от самообслуживания к самозанятости [13], которая, уже не является «производством для себя», поскольку хозяйствующий субъект начинает производить с целью дохода, а это уже будет производство именно товаров. Таким образом, этот субъект уже предстает в статусе «производителя не для себя». А если речь идет о похожем явлении, таком как «самоделничество», «мейкерство» или DIY (do it yourself – сделай сам), то его часто рассматривают как субкультурный феномен. Особенно DIY популярно в современной музыкальной индустрии. Сложность использования таких индикаторов просьюмеризма, как «самообслуживание» и «производство для себя», состоит еще и в том, что эти практики часто «переходят» друг в друга.

Тоффлером употребляется понятие «производить». Дело в том, что он упрощает понятие «производить» («производство»⁵) вследствие его частого отождествления с практикой «самодельничества». Тем самым Тоффлер понимает «производство» скорее в микросоциальном контексте, а не макросоциальном или институциональном.

Начинает Тоффлер с того, что обращает внимание на едва заметные изменения в повседневных потребительских практиках, произошедших в западноевропейских странах в 1970-х гг., когда вместо того, чтобы делать лабораторные тесты на беременность, женщины стали делать это самостоятельно с помощью специальных тестеров [12]. На этом примере он пытается показать масштаб тенденции «сделай сам»⁶ и развитие «самостоятельности» потребителя Третьей волны, в частности в вопросах медицинского обслуживания. Во-первых, всё им перечисленное относится к вспомогательной функции этих услуг и товаров. Во-вторых, никакая самодиагностика не может конкурировать с профессиональной медицинской (в смысле – не может ее заменить или заместить). Более того, самостоятельность в решении подобных вопросов может представлять серьезную угрозу здоровью и жизни человека (потребителя). В-третьих, не стоит забывать о банальном стремлении производителей подобной продукции заработать (часто преувеличивающих эффективность подобных товаров и услуг). Так или иначе в данном контексте самообслуживание «оставляет» потребителей в их традиционном статусе (пользователи услуг). Самообслуживание (аутосервис) сегодня стало популярной практикой. Например, тестеры симптомов заболеваний являются распространенными онлайн-инструментами для получения рекомендаций по медицинской диагностике. Но, как показывают исследования на примере австралийских потребителей подобных услуг, такие средства проверки симптомов могут предоставлять пользователям неподходящие или неполные рекомендации по диагностике, что приводит к не вполне корректным рекомендациям. Было установлено, что 36 приложений и веб-сайтов предлагали правильный совет в среднем только в 36 % случаев [15]. Но даже здесь неправильно будет говорить о полном самообслуживании или полной самостоятельности потребителей, так как те, используя приложения и веб-сайты, потребляют уже «произведенный» продукт (услугу).

В «Третьей волне» автор активно развивает тему о возрастающей тенденции «самостоятельности» потребителей, например в плане ремонта, в том числе различной техники. Хотя в предыдущей работе «Футурошок» он размышлял об «экономике нестабильности» и справедливо указывал на быстрое изменение потребностей современного покупателя, акцентируя внимание на быстром «устаревании» товаров, в связи с чем потребители часто отказываются, в том числе, от ремонта, отдавая предпочтение новому товару. Распространение «одноразовой культуры» непосредственно коррелирует с желанием быстро избавиться от «устаревших» вещей [16]. Тоффлер в качестве возобновления «эры просьюмеризма» часто приводит примеры о потребительской самостоятельности в ремонте бытовой техники. Подобная практика сегодня имеет место, но ее сложно назвать настолько масштабной, насколько представлял Тоффлер. Это обусловлено тем, что современные бытовые приборы все больше становятся электронными (к тому же еще «смартизированными») и, как правило, более сложными. Более того, футуролог ничего не пишет об успешности самостоятельной диагностики и ре-

⁵ При том, что само понятие «производство» и его интерпретация существенно расширились: от Ф. Кенэ, А. Смита и К. Маркса (производство как общественный труд по созданию материальных благ, отсюда – разделение труда на производственный (производительный) и непроизводственный (непроизводительный, сферу услуг)) до А. Маршалла, который в рамках теории полезности обосновал, что сфера услуг тоже «производит» полезность (производство услуг) [14]. Но создание «полезности», а не общественно полезного труда, как будет далее показано, не означает «производство» в институциональном смысле.

⁶ Примечательно, что это в той или иной степени органично коррелирует с распространенной в западном, особенно американском, обществе ценностной установкой SMD (self-made man) или help yourself, характеризующей высокий уровень индивидуализма и самостоятельности в социокультурном пространстве.

монта. И к тому же могут существенно возрастать дальнейшие затраты в случае самостоятельной и часто неквалифицированной работы по устранению неисправности бытовой техники.

Констатируя устойчивость тенденций среди потребительских практик Третьей волны, предполагающих самостоятельность в решении различных бытовых проблем, Тоффлер указывает на то, что они (тенденции) являются признаком существенных сдвигов в системе ценностей [12]. Однако эта «самостоятельность» как социокультурная тенденция является крайне неоднозначной. На данный момент преждевременны утверждения о «десервисизации»⁷. Приведем другой пример. Сегодня, с одной стороны, все более популярно использование касс самообслуживания (как условный индикатор «самостоятельности» потребителя), с другой – активно развивается курьерская деятельность, особенно доставка продуктов питания (как индикатор потребительской «несамостоятельности»). Таким образом, современные потребители, проявляя «самостоятельность» в одном, усиливают свою «несамостоятельность» в другом. Также в некоторых исследованиях скептически оцениваются перспективы развития самообслуживания на примере касс самостоятельного обслуживания (КСО), которое часто «утомляет» потребителя, характеризуя это термином «изможденный потребитель» (Overworked Consumer) [18]. Самообслуживание как маркетинговая парадигма и потребительская практика обусловлена стремлением производителей в целях максимизации прибыли минимизировать посреднические звенья между ними и потребителями. Переход к модели D2C (Direct to Customer), естественно, сопровождается делегированием функций обслуживания непосредственно потребителям, что может приводить к их «усталости».

Предложенное Тоффлером деление производства на Сектор А (производство для собственного потребления) и Сектор Б (производства ради дохода (прибыли))⁸, является важным моментом в его концепции просьюмеризма⁹. Особое внимание обращает на себя его замечание, согласно которому в Секторе А «также есть настоящее производство, что товары и услуги, произведенные для себя, вполне реальны и способны перемещать или заменять собой товары и услуги, произведенные в Секторе Б» [12, с. 453]. Но насколько корректно говорить о производстве для себя именно «товаров» и (или) «услуг»? О том, что такое товар и каким образом результат труда становится именно товаром, доступно изложено в трудовой теории стоимости, например в первом томе «Капитала» К. Маркса [20]. Если кратко, то товар одновременно содержит потребительную и меновую стоимость, а последняя возможна только в случае, если потребительная стоимость одного товара «противостоит» потребительной стоимости другого товара, что, в свою очередь, возможно исключительно в процессе обмена (натурального или денежного), функцию которого выполняет рынок. По логике Тоффлера,

⁷ В качестве примера развития «сервисной экономики» можно привести следующие данные ООН: если в 1970 г. в структуре мирового ВВП на услуги приходилось 1 756 926 млн долл. США, то в 2021 г. – уже 61 940 640 млн долл. США [17].

⁸ Похожее деление типов хозяйств можно найти, например, у М. Вебера: хозяйствование для покрытия собственной потребности и хозяйствование ради дохода [19, с. 20]. Примечательно, что Сектор А в тоффлеровской интерпретации во многом аналогичен ойкосу, который, как пишет Вебер, представляет «организованное удовлетворение потребностей, даже если для этой цели в него входят отдельные предприятия, хозяйствующие ради получения дохода» [19, с. 64]. Но, как подчеркивает Вебер, между удовлетворением потребностей и получением дохода существует ряд незаметных переходов, а также частое перетекание и превращение друг в друга. К тому же в социальной эмпирической реальности «сколько-нибудь развитой материальной культуры ойкос как чистая общественно-хозяйственная форма встречается, естественно, редко... однако даже во всех этих формах ойкос никогда не был полностью самоподдерживающимся хозяйством» [19, с. 64].

⁹ По сути, этот выделенный Тоффлером секторальный дуализм производства, характерный в той или иной степени для каждой Волны (тотальное доминирование Сектора А в Первой волне и абсолютное преобладание Сектора В во второй волне), позволяет ему наглядно показать трансформацию взаимодействия институтов производства и потребления в Третьей волне, когда сектор А оказывает все большее воздействие на Сектор В.

«производство для себя» должно исключать всякий обмен (по крайней мере на рынке), следовательно, подобное «производство» не является товарным, в лучшем случае хозяйствующий субъект «создает» потребительную стоимость, если точнее – полезность (причем для себя, в то время как товар обладает полезностью общественной). Маркс писал: «Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой – натуральной формой и формой стоимости» [20, с. 54].

Одна из приоритетных целей предложенной Тоффлером концепции просьюмеризма состоит в демонстрации процесса слияния производства и потребления, соответственно, и слияния этих институтов, «...люди по своей природе являются просьюмерами (общество, в котором доминирует охота и собирательство, является прекрасным примером просьюмеризма¹⁰), а существующее разделение на производителей и потребителей – это в лучшем случае историческая аномалия»¹¹ [21, р. 380]. Просьюмеризм, характерный для Первой волны (да и не только), по сути, представляет своеобразную автаркию [12]. Но здесь дело не столько в способности «производить для себя», сколько в экономической структуре и организации общества Первой волны. Например, как известно, податное население обеспечивало не только себя, но и господина. Как писал М. Вебер, «барщина подданных послужила основой возникновения денежного хозяйства государя, которое идет в разных направлениях, как личное хозяйство для удовлетворения собственных потребностей и как производство для сбыта, например, в Египте и Вавилонии» [22, с. 73]. По поводу ссылки Тоффлера на Ф. Броделя о том, что 60–70 % всей продукции Средиземноморья никогда не поступало на рынок [12], следует отметить, что 60 или 70 % этого производства не было исключительно «для себя». Достаточно обратиться к описанию и анализу Броделя развития рынков, в частности его подвижных границ и механизма на «нижнем пределе» обменов. С одной стороны, крестьяне потребляли то, что производили сами, относясь к зоне натурального хозяйства, но с другой – даже бедные деревни были затронуты рынком в скрытой форме [23, С. 44]. К тому же нужно учитывать специфику участия крестьян того времени (Первая волна в типологии Тоффлера) в рыночной торговле. «Конечно, они во множестве приходят на рынки города или местечка. Но те, кто удовлетворяется покупкой там необходимого железного лемеха для своего плуга и тем, чтобы добыть денег для выплаты своих долгов или податей, продавая яйца, колобок масла, кое-какую птицу или овощи, не вовлечены по-настоящему в рыночный обмен» [23, с. 41].

Подчеркивая усиление дифференциации между производителями и потребителями в эпоху Второй волны, Тоффлер связывает ее с усилением зависимости индивида от производимых товаров или услуг [12]. Стал ли современный потребитель как представитель уже Третьей волны более независимым от результатов труда других людей по сравнению со Второй? Современные потребительские практики, как известно, демонстрируют обратную тенденцию, усиление зависимости индивида от производства, то есть от результатов труда других индивидов. Общественное и техническое разделение труда, возможно, является основным показателем устойчивости институтов производства и потребления, институциональная граница между которыми продолжает сохраняться. Так называемый «невидимый клин», о кото-

¹⁰ Охота и собирательство как экспансионные типы хозяйства, как правило, не предусматривают производства, и в этом контексте так называемые «просьюмеры», живущие в таких обществах, ничего не производят, а только потребляют «произведенный» природой «продукт». Соответственно, называть их все-таки будет правильнее консьюмерами, а не просьюмерами.

¹¹ С идеей исторической аномальности разделения на производителей и потребителей можно согласиться только в том случае, если допустить, что индивид обладает дуальным экономическим статусом. Он, действительно, является и производителем общественно полезного блага (материального или нематериального), и потребителем благ, но произведенных, как правило, другими.

ром пишет Тоффлер [12], «вбитый» в эпоху Второй волны, символизирует не столько отделение производителя от потребителя, сколько тенденцию профессионализации трудовой деятельности, динамичное развитие института профессий в процессе технического и общественного разложения трудовых функций. А вот дом и работа (рабочее место), действительно, стали разделяться. Рассматривая распад домашних и формирование торговых общностей, М. Вебер подчеркивал: «Дом и работа территориально разделились, и домохозяйство превратилось из места совместного производства в место совместного потребления» [19, с. 58]. В современных реалиях идея Тоффлера о «переносе» миллионов рабочих мест с заводов и из офисов в дом оказалась (не в последнюю очередь вследствие пандемии) как никогда актуальной¹² [12, с. 320]. Но подобный трансфер рабочего места еще не свидетельствует о диффузии институтов производства и потребления.

О неоднозначности дестандартизации, демассификации и кастомизации как проявлений просьюмерских практик

Такие явления, как дестандартизация и демассовизация (демассификация), реализуемые в основном через кастомизацию, имеющую прямое отношение к практикам самообслуживания и «сделай сам», считаются Тоффлером тенденцией стирания институциональной границы между производителями и потребителями. Различные формы кастомизации популярны сегодня, но маловероятно, что они выражают процесс стирания этой границы, скорее, благодаря диверсификации и цифровизации производства отношения с потребителями становятся более эластичными. К тому же в современной социоэкономической реальности, так называемый отклик производителей на постоянные изменения и разнообразие потребительских предпочтений становится более чувствительным. Оперативная и релевантная реакция производителей на разнообразные предпочтения и вкусы потребителей позволяет им не только извлекать дополнительную прибыль, но и выстраивать более устойчивые отношения с ними за счет повышаемой таким образом лояльности. Парадигма потребителеориентированности в эпоху «потребительского капитализма» признается достаточно эффективной, корпорации, ориентированные на потребителей, значительно превосходят в плане конкуренции компании, ориентированные на акционеров [24]. Известный тезис (или девиз) «клиент всегда прав» в контексте стратегии клиентоориентированности, клиентоцентричности (потребителецентричности) особенно актуален и важен в условиях современного общества потребления.

Современный капитализм несколько меняет парадигму потребительского поведения от «купить» до условного «участия» потребителя в проектировании (design participation) [25]. Это условное участие, в основном представленное в форме кастомизации, часто рассматриваемой как признак демассовизации¹³, главным образом означает то, что производитель предоставляет больше возможности в конфигурировании товарной продукции. Потребителя здесь не вполне корректно рассматривать в качестве со-производителя в строгом смысле, по элементарной причине отсутствия соответствующих (профессиональных) компетенций¹⁴.

¹² Данный процесс демонстрирует тенденцию, связанную с тем, что дом снова становится местом «производства» и «потребления».

¹³ Теория постфордизма, в том числе предполагающая переход от массового к мелкосерийному производству (то есть демассовизацию производства), столкнулась с серьезной критикой со стороны теории «глобальных производственных цепей» [26].

¹⁴ О неоднозначности феномена просьюмеризма можно судить на примере Open Source (OS) и Free Software (FS). На первый взгляд, OS и FS представляют собой яркий пример автаркии пользователей компьютеров и декоммерциализации программного обеспечения (особенно это касается FS). Но когда говорят о практике применения открытого исходного кода как проявлении просьюмеризма, то нужно иметь в виду, что индивиды, принимающие участие в его разработке, не являются рядовыми пользователями (потребителями), – это прежде все-

Так или иначе кастомизация как социоэкономическая практика, сигнализирующая об усилении интерактивного взаимодействия между институтом производства и потребления, не размывает между ними институциональной границы. Каждая сторона (производитель и потребитель) остается на «своем месте» в институциональном смысле.

Так называемый выделенный Тоффлером «эффект фокуса», который выражает демассификацию изготовления продукции, несколько преувеличивает степень индивидуализации производства¹⁵. Товары и услуги становятся более разнообразными¹⁶, внушительное количество их вариаций является фактом, на что указывает и Тоффлер [12], но отменяет ли это их массовое производство? Структура института производства, продолжающего оставаться массовым, стала более гетерогенной, как и структура института потребления, поскольку взаимоотношения друг друга. Если коротко, то сама кастомизация стала носить массовый характер. К тому же данная опция, предоставляемая потребителям, не означает глубокой персонализации продукции; она, конечно, возможна, но уже как эксклюзивная услуга, которая существовала и во Второй волне. Сегодня уже сформировалась стратегия производителей под названием массовая кастомизация (Mass customization) [27–31]. Например, массовая кастомизация, как правило, использующая модульный принцип для одновременного увеличения разнообразия продукции и сохранения эффективности массового производства, имеет ряд существенных ограничений: заказчики (потребители) не принимают полноценного участия в проектировании; возможные комбинации и конфигурации, что особенно важно, заранее определяются дизайнерами; массовая кастомизация не является необходимой для удовлетворения индивидуальных потребностей и не способна обеспечить полную персонализацию товарной продукции [32].

Кастомизация представляет более гибкую адаптацию массового производства под потребности покупателей (customers). Можно еще дополнить, что тенденцию использования некоторыми современными производителями инновационных технологий, связанную с кастомизацией, опять же сложно назвать просьюмеризмом в том смысле, в котором его понимает Тоффлер. Например, потребители (пользователи) благодаря современному технологическому инструментарию все чаще смогут получать именно те продукты и услуги, которые они хотят, разрабатывая их для себя, что может быть особенно выгодно для производителя в условиях неоднородного спроса. Здесь не должно смущать выражение «разрабатывая их для себя», поскольку под разработкой, скорее, понимается «определение» и «выражение» потребителем своих предпочтений, которые он практически напрямую сообщает производителю в форме самых различных идей по различным каналам коммуникации. Но так или иначе по-

го специалисты. И здесь возникает проблема определения социальных маркеров просьюмерских практик: с одной стороны, современные просьюмеры в плане знания объекта потребления значительно превосходят «рядового» потребителя, соответственно, обладают высоким уровнем (близким к профессиональному или равным ему) компетентности (они не просто знают, например, о том, какая технология применяется при производстве конкретной товарной продукции, но и способны предложить свои конструктивные решения), но тогда просьюмеры мало чем отличаются от профессионалов (это будут PROsumers или «профессионалы-потребители»). В таком случае это уже не аутентичное определение понятий «просьюмер» и «просьюмеризм», поскольку приставка «про» («рго») будет означать не «производство» («production»), а «профессионализм». Приводимые Тоффлером примеры с «Брэдли отамоутив» [12] или «Линакс» (Linux) в действительности являются исключением, «рядовой» потребитель не обладает для подобных практик достаточными компетенциями. Отсюда следует, что в тоффлеровском понимании просьюмеризм, если и возможен, то не как эгалитарное, а как чисто элитарное явление.

¹⁵ Если бы действительно имела место «глубокая» или настоящая индивидуализация производства, то это потребовало бы и основательной реструктуризации производственных цепочек, оборудования, стандартов, норм, ГОСТов и т. д., что впоследствии привело бы к колоссальным производственным издержкам с последующим повышением рыночной стоимости изготавливаемой таким образом продукции.

¹⁶ То, что человек живет в эпоху товарного изобилия, – факт. Несмотря на внушительное количество категорий товаров, присутствует парадоксальное ощущение некоторого товарного однообразия.

требитель (пользователь) продолжает выступать в роли «заказчика» товаров и услуг, но никак не производителем. Да, меняется ландшафт границы между производителями и потребителями, но тем не менее она сохраняется.

Выбранные Тоффлером в качестве индикаторов просьюмеризма Третьей волны дестандартизация и демассификация проявляют себя неоднозначно. Стандартизация и массовизация (массификация) не утратили свою актуальность, став процессами более сложными и вариативными. Компьютеризация производства позволила в некоторой степени индивидуализировать товары и услуги, но вместе с тем продолжается использование стандартизированных компонентов. Массовое производство Третьей волны, безусловно, отличается от массового производства Второй волны: несмотря на то, что этот процесс стал более разнообразным, он продолжил носить массовый характер. Когда Тоффлер пишет о том, что индустриальные общества или общества Второй волны производят миллионы одинаковых товаров, тем самым американский футуролог акцентирует внимание на тотальной стандартизации производства. Но и в постиндустриальную эпоху продолжают производить миллионы одинаковых товаров (по крайней мере, очень похожих друг на друга).

Заключение

Концепция Тоффлера о стирании границ между производством и потреблением, раскрываемая через идею «производить для себя» и кастомизацию, в условиях актуальных практик и моделей потребления представляется достаточно дискуссионной при том, что «цифровая волна» (или даже «электронно-информационное цунами»), безусловно, оказала влияние на взаимодействие институтов производства и потребления, но при этом так и не «смыло» эти границы. В этой связи целесообразней говорить об изменении рельефа этой границы. Безусловно, архитектура институционального взаимодействия производителей и потребителей сегодня имеет ряд существенных отличий и особенностей. Прежде всего благодаря цифровизации повышается интерактивность этого взаимодействия, которое становится эластичнее, а отклик производителей на актуальные предпочтения потребителей – более быстрым и релевантным.

В тоффлеровской концепции просьюмерской экономики явно переоценивается такое явление, как «производство для себя», когда демонстрируется существенное отличие паттернов потребления Третьей волны и Второй. При этом Тоффлер несколько искажает понятие «производство» и преувеличивает тенденцию самообслуживания. Приводимые Тоффлером примеры современных практик «производства для себя» являются либо исключениями, как, например, в случае обладания потребителями соответствующими (профессиональными) компетенциями («профессионалы-потребители»), либо аналогом DIY как во многом субкультурного явления. В случае самозанятости так называемое «производить для себя» становится уже «производством для других» и индивид уже предстает в статусе производителя. В текущей экономической (капиталистической) конъюнктуре практически любая самозанятость тяготеет к коммерции.

С одной стороны, самообслуживание, сигнализирующее о потребительской «самостоятельности», которое футуролог предлагает рассматривать в качестве одного из основных социальных маркеров просьюмеристских практик, достаточно распространено, но с другой – наблюдается усиление «несамостоятельности» потребителей, о чем указывает динамичное развитие сервисной экономики. Проявление «самостоятельности» в современных практиках потребления имеет ряд принципиальных ограничений, в связи с чем целесообразнее ее рассматривать в качестве дополнения к институциональному взаимодействию производства и потребления, а не кардинальной структурной трансформации взаимодействия производителей и потребителей. Разделение трудовых функций, как техническое, так и общественное, во многом указывает на эпифеноменальность «производства для себя» на макросоциальном

уровне. Таким образом, преждевременно говорить о наступлении эры неэлектронного про-сьюмеризма, макроиндикатором которой выступает институциональная диффузия производства и потребления.

Список литературы

1. Hanekop H., Tasch A., Wittke V. «New Economy» und Dienstleistungsqualität: Verschiebung der Produzenten- und Konsumentenrolle bei digitalen Dienstleistungen // SOFI-Mitteilungen: Soziologisches Forschungsinstitut Göttingen. – 2001. – Vol. 29. – P. 73–91.
2. Плотицкина Н.В. Просьюмеризм как политическая практика // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2013. – № 3. – С. 66–79.
3. Dusi D. Beyond prosumer capitalism: retaining the original understanding of presumption // Current sociology. – 2018. – Vol. 66 (5). – P. 663–681. DOI: 10.1177/0011392117697459.
4. Pavlickova T., Kleut J. Produsage as experience and interpretation. Participations // Journal of Audience and Reception Studies. – 2016. – Vol. 13. – P. 349–359.
5. Bruns A. Reconciling community and commerce? // Information, Communication & Society. – 2012. – Vol. 15 (6). – P. 815–835.
6. Paradoxical empowerment of producers in the context of informational capitalism / S. Proulx, L. Heaton, M. Choon, M. Millette // New Review of Hypermedia and Multimedia. – 2011. – Vol. 17 (1). – P. 9–29. DOI: 10.1080/13614568.2011.552646.
7. Brown D., Hall S., Davis M.E. What is prosumerism for? Exploring the normative dimensions of decentralised energy transitions // Energy Research & Social Science. – 2020. – Vol. 66. – 101475. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101475>.
8. Prosumption: a new social creature. Telebridge with George Ritzer // Социологический ежегодник / гл. ред. Н.Е. Покровский. – 2010. – Т. 2010. – С. 381–392.
9. Буденкова В.Е. Просьюмеризм: новый тренд в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 36. – С. 284–286. DOI: 10.17223/22220836/36/28.
10. Ильин В.И. Креативный консьюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5 (14). – С. 41–54.
11. Гиниятова Е.В. Просьюмерские практики в контексте акторно-сетевой теории Б. Латура // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 4 (39). – С. 43–46. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1055](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1055).
12. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
13. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – 569 с.
14. Hill M.G., Sim, M., Mills B. The quality of diagnosis and triage advice provided by free online symptom checkers and apps in Australia // Medical Journal of Australia. – 2020. – Vol. 212 (11). – P. 514–519. DOI: <https://doi.org/10.5694/mja2.50600>.
15. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
16. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прорпесс, 1993. – 414 с.
17. Gross domestic product: GDP by type of expenditure, VA by kind of economic activity, total and shares, annual // UNCTADstat, 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=95> (дата обращения 05.05.2023).
18. Andrews C.K. The overworked consumer: self-checkouts, supermarkets, and the do-It-yourself economy. – Lanham, MD: Lexington Books, 2019. – 206 p.
19. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 2. Общности. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 445 с.
20. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1952. – 797 с.
21. Ritzer G., Dean P., Jurgenson N. The coming of age of the prosumer // American Behavioral Scientist. – 2012. – Vol. 56 (4). – P. 379–398. DOI: 10.1177/0002764211429368.
22. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 576 с.
23. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прорпесс, 1988. – 634 с.
24. Martin R. The age of customer capitalism // Harvard business review. – 2010. – Vol. 88 (1). – P. 58–65.
25. Hu S.J. Evolving paradigms of manufacturing: from mass production to mass customization and personalization // Procedia CIRP. – 2013. – Vol. 7. – P. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2013.05.002>.
26. Kiely R. Globalization, post-fordism and the contemporary context of development // International Sociology. – 1998. – Vol. 13 (1). – P. 95–111. DOI: 10.1177/026858098013001008.

27. Alptekinoglu A., Corbett C.J. Mass customization vs. mass production: variety and price competition // *Manufacturing & Service Operations Management*. – 2008. – Vol. 10 (2). – P. 204–217.
28. Jiang K., Lee, H.L., Seifert R.W. Satisfying customer preferences via mass customization and mass production // *IIE Transactions*. – 2006. – Vol. 38 (1). – P. 25–38.
29. Jost P.J. Market expansion and the scope of mass customization // *Marketing Letters*. – 2023. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11002-023-09675-6>.
30. Loginova O., Wang X.H. Mass customization in an endogenous-timing game with vertical differentiation // *Economic Modelling*. – 2013. – Vol. 33. – P. 164–173.
31. Wind J., Rangaswamy A. Customerization: the next revolution in mass customization // *Journal of interactive marketing*. – 2001. – Vol. 15 (1). – P. 13–32.
32. Industry 4.0: a way from mass customization to mass personalization production / Yi Wang, Hai-Shu Ma, Jing-Hui Yang, Ke-Sheng Wang // *Advances in Manufacturing*. – 2017. – Vol. 5. – P. 311–320. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40436-017-0204-7>.

Информация об авторах

Николай Владимирович Гончаров, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета, Россия, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13; post@mail.osu.ru

Поступила в редакцию: 13.05.2024

Поступила после рецензирования: 04.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Hanekop H., Tasch A., Wittke V. «New Economy» and service quality: Shifting the producer and consumer roles in digital services. *SOFI-Mitteilungen: Soziologisches Forschungsinstitut Göttingen*, 2001, vol. 29, pp. 73–91. (In Germ.)
2. Plotichkina N.V. Prosumerism as a political practice. *Bulletin of RUDN, Sociology series*, 2013, no. 3, pp. 66–79. (In Russ.)
3. Dusi D. Beyond prosumer capitalism: retaining the original understanding of prosumption. *Current Sociology*, 2018, vol. 66 (5), pp. 663–681. DOI: [10.1177/0011392117697459](https://doi.org/10.1177/0011392117697459).
4. Pavlickova T., Kleut J. Produsage as experience and interpretation. *Participations. Journal of Audience and Reception Studies*, 2016, vol. 13, pp. 349–359.
5. Bruns A. Reconciling community and commerce? *Information, Communication & Society*, 2012, vol. 15 (6), pp. 815–835.
6. Proulx S., Heaton L., Choon M., Millette M. Paradoxical empowerment of produsers in the context of informational capitalism. *New Review of Hypermedia and Multimedia*, 2011, vol. 17 (1), pp. 9–29. DOI: [10.1080/13614568.2011.552646](https://doi.org/10.1080/13614568.2011.552646).
7. Brown D., Hall S., Davis M.E. What is prosumerism for? Exploring the normative dimensions of decentralised energy transitions. *Energy Research & Social Science*, 2020, vol. 66, 101475. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101475>.
8. Prosumption: a new social creature. Telebridge with George Ritzer. *Sociological yearbook*, 2010, vol. 2010, pp. 381–392. (In Russ.)
9. Budenkova V.E. Prosumerism: a new trend in consumer culture. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2019, no. 36, pp. 284–286. (In Russ.) DOI: [10.17223/22220836/36/28](https://doi.org/10.17223/22220836/36/28).
10. Ilin V.I. Creative consumerism as a trend of modern consumer society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, no. 5 (14), pp. 41–54. (In Russ.)
11. Giniyatova E.V. Prosumer practices in the context of B. Latour's actor-network theory. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2020, vol. 4 (39), pp. 43–46. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1055](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1055).
12. Toffler A. *The Third Wave*. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p. (In Russ.)
13. Toffler A., Toffler H. *Revolutionary Wealth*. Moscow, AST Publ., 2008. 569 p. (In Russ.)
14. Hill M.G., Sim, M., Mills B. The quality of diagnosis and triage advice provided by free online symptom checkers and apps in Australia. *Medical Journal of Australia*, 2020, vol. 212 (11), pp. 514–519. DOI: <https://doi.org/10.5694/mja2.50600>.
15. Toffler A. *Future Shock*. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (In Russ.)
16. Marshall A. *Principles of economic science*. Moscow, Progress Publ., 1993. 414 p. (In Russ.)

17. Gross domestic product: GDP by type of expenditure, VA by kind of economic activity, total and shares, annual. *UNCTADstat*, 2023. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=95> (accessed 5 May 2023).
18. Andrews C.K. *The overworked consumer: self-checkouts, supermarkets, and the do-It-yourself economy*. Lanham, MD, Lexington Books, 2019. 206 p.
19. Weber M. *Economy and society: essays on understanding sociology*. In 4 vol. Vol. 2. *Communities*. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2017. 445 p. (In Russ.)
20. Marx K. *Capital. Critique of political economy*. Vol. 1. B. 1. *The Process of Capital Production*. Moscow, Politizdat Publ., 1952. 797 p. (In Russ.)
21. Ritzer G., Dean P., Jurgenson N. The coming of age of the prosumer. *American Behavioral Scientist*, 2012, vol. 56 (4), pp. 379–398. DOI: 10.1177/0002764211429368.
22. Weber M. *History of the economy*. City. Moscow, CANON-press-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 576 p. (In Russ.)
23. Braudel F. *Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries*. In 3 vol. Vol. 2. *Games of exchange*. Moscow, Progress Publ., 1988. 634 p. (In Russ.)
24. Martin R. The age of customer capitalism. *Harvard business review*, 2010, vol. 88 (1), pp. 58–65.
25. Hu S.J. Evolving paradigms of manufacturing: from mass production to mass customization and personalization. *Procedia CIRP*, 2013, vol. 7, pp. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2013.05.002>.
26. Kiely R. Globalization, post-fordism and the contemporary context of development. *International Sociology*, 1998, vol. 13 (1), pp. 95–111. DOI: 10.1177/026858098013001008.
27. Alptekinoglu A., Corbett C.J. Mass customization vs. mass production: variety and price competition. *Manufacturing & Service Operations Management*, 2008, vol. 10 (2), pp. 204–217.
28. Jiang K., Lee H.L., Seifert R.W. Satisfying customer preferences via mass customization and mass production. *IIE Transactions*, 2006, vol. 38 (1), pp. 25–38.
29. Jost P.J. Market expansion and the scope of mass customization. *Marketing Letters*, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11002-023-09675-6>.
30. Loginova O., Wang X.H. Mass customization in an endogenous-timing game with vertical differentiation. *Economic Modelling*, 2013, vol. 33, pp. 164–173.
31. Wind J., Rangaswamy A. Customerization: the next revolution in mass customization. *Journal of interactive marketing*, 2001, vol. 15 (1), pp. 13–32.
32. Yi Wang, Hai-Shu Ma, Jing-Hui Yang, Ke-Sheng Wang. Industry 4.0: a way from mass customization to mass personalization production. *Advances in Manufacturing*, 2017, vol. 5, pp. 311–320. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40436-017-0204-7>.

Information about the author

Nikolay V Goncharov, Cand. Sc., Orenburg State University, 13, Pobedy avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation; post@mail.osu.ru

Received: 13.05.2024

Revised: 04.09.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 316.61:159.923.2:316.473-028.22
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1903
Шифр специальности ВАК: 5.7.8

Идентичность в визуализированном обществе: особенности формирования

Е.В. Гиниятова[✉], Е.Б. Лукиева

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

[✉]evg@tpu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме идентичности человека в современном социокультурном пространстве. Эта проблема актуализируется в середине XX – начале XXI вв., когда развитие технологий, в том числе и информационно-коммуникативных, стало триггером, изменившим представление о процессах формирования идентичности и дальнейшей ее реализации как статичной и/или динамичной конструкции. С применением философского метода, герменевтического и метода сравнительного анализа было выявлено, что идентичность перестает быть статичной и в постиндустриальном (посттехническом) обществе: она становится текучей, диффузной и моделируемой. При этом доминирующим локусом восприятия идентичности и ее трансляции становится внешнее, визуальное, что связано с трансэстетизацией, капитализацией образа жизни, маркетингово-символическими стратегиями, применимыми изначально к товару, а потом переходящими на репрезентативно-коммуникативную плоскость человеческого бытия. Авторы исследования приходят к выводу, что именно через визуальное происходит актуализация идентичности человека как для себя, так и для другого/других (презентативный и репрезентативный уровень).

Ключевые слова: идентичность, визуальность, модули идентичности

Для цитирования: Гиниятова Е.В., Лукиева Е.Б. Идентичность в визуализированном обществе: особенности формирования // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 118–127. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1903

UDC 316.61:159.923.2:316.473-028.22
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1903

Identity in a visualized society: features of formation

Elena V. Giniyatova[✉], Elena B. Lykueva

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

[✉]evg@tpu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of human identity in the modern socio-cultural space. This problem is actualized in the middle of the 20th – early 21st centuries, when the development of technologies, including information and communication ones, became a trigger that changed the idea of identity formation and its further implementation as a static and/or dynamic construction. Using philosophical, hermeneutic and comparative analysis methods, the authors have revealed that identity ceases to be static and in the post-industrial (post-technical) society it becomes fluid, diffuse and modeled. At the same time, the dominant locus of identity percep-

tion and its transmission becomes external, visual, which is associated with transaestheticization, capitalization of the image and lifestyle, marketing and symbolic strategies, initially applicable to the product, and then moving to the representative and communicative plane of human existence. The authors come to the conclusion that it is through the visual that the actualization of a person's identity occurs both for oneself and for another/others (presentative level).

Keywords: identity, visuality, identity modules

For citation: Giniyatova E.V., Lykueva E.B. Identity in a visualized society: features of formation. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 118–127. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1903

Проблема социокультурного анализа идентичности сегодня является актуальной, потому что изменение повседневности совпало с парадигмальными сдвигами культуры в целом. Авторы статьи полагают, что тотальность визуализации оказала сильнейшее влияние на идентичность человека и на стратегии ее формирования. Цифровая среда способствует тотальности, даже тоталитарности визуализации. Теперь образ Я становится полностью и действительно визуальным образом: субъекты рассматривают себя, презентуют себя, интерпретируют репрезентации – стратегии и тактики идентификации погружены в визуальные практики.

Идентичность и идентификация – понятия, активно используемые научным сообществом. Повышенное внимание к процессам идентификации связано с социокультурными метаморфозами, которые произошли в конце XX – начале XXI вв. как в социокультурных практиках повседневности, так и в рефлексии основ идентичности в теоретической мысли и практической психологии. В новой парадигме процесс самоидентификации индивида вписывается в стратегию преобразования самого себя. И здесь возможно констатировать изменение идентификационных параметров, которые становятся более пластичными, гибкими, текучими [1]. По сути, процесс идентификации становится непрерывным, что затрудняет ориентацию индивида в мире и заставляет его искать некие устойчивые ориентиры, которые могли бы сделать идентичность более ясной или хотя бы относительно устойчивой.

Основой концептуализации понятия идентичности стало представление о тождестве, впервые выделенное в античной философии и остающееся ценностно значимым для западной культуры в целом. Также понимание идентичности находится в плоскости интерпретации природы субъективности и анализа вопросов самопознания [2]. Само понятие идентичности восходит к психологическим теориям, прежде всего к З. Фрейду [3], который разграничивал идентичность и идентификацию, относя их к разным уровням сознания (Эго и Супер-Эго соответственно), и к Э. Эриксону [4], который, напротив, эти понятия сблизил и продемонстрировал идентичность как результат процесса идентификации, связанной с кризисом становления личности и индивидуальной истории. Классическим считается определение Эриксона, в котором идентичность – это «чувство непрерывной самотождественности, которое базируется на принятии личностью образа своего Я в единстве с ее многообразными социальными связями» [4, с. 59]. В этом определении уже прослеживается соединение процессуальности/изменчивости с тождественностью и это объявляется основным качеством идентичности. Важно, что идентичность связывается с образом Я, что вводит исследователей в поле визуальности, ведь само слово «образ» отсылает к тому, что, видимо, что может быть рассмотрено. При этом образ Я в некотором смысле всегда отделен от Меня как рассматривающего самого себя.

Не менее важным для понимания того, как устроена идентичность, оказывается образ Другого. Э. Эриксон [5] и Ч.Х. Кули [6], выстраивая теории идентичности, акцентировали внимание на социальности процесса идентификации и его результата, на том, насколько сильно представление индивида о себе связано с тем, как его воспринимают окружающие. Ч. Кули показывает, что социум становится для человека своего рода «зеркалом», в котором

индивид узнает «кто я есть». Это так называемая «теория зеркального Я» в чем-то близка лакановской теории зеркала [7], описывающей уникальный феномен узнавания ребенком себя в зеркале, когда вдруг появляется раздвоение – «я – там и одновременно тут». По сути, это первичная визуализация образа Я становится основанием любой визуальности самости как таковой и, один раз увидев себя в зеркале, «развидеть» себя уже не получится. Визуальное Я плотно встраивается в текстуру идентичности, вращаясь в нее как часть, которую можно было бы назвать имиджевой. Ч. Кули показывает процесс, каким образом это визуальное Я встраивается в структуру идентичности и претерпевает определенные изменения, связанные с возрастными и социальными кризисами: «Самопредставление такого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например, гордость или унижение. К гордости или стыду нас толкает не просто наше механическое отражение, но некое вымышленное мнение, воображаемое воздействие этого отражения на сознание другого человека. Мы всегда воображаем, и, воображая, разделяем суждения другого сознания» [5, с. 174]. Как видим, сделан акцент на способности воображения, социального воображения, которое оказывается важным фактором процесса идентификации и которое описывает способ существования визуальной идентичности.

Важными для понимания формирования идентичности являются концепция Дж. Мида и его идея «обобщенного Другого», своего рода социального регулятора конструирования идентичности, в том числе и регулятора визуального образа Я. Дж. Мид исследует, как именно структурирована идентичность, включающая в себя осознаваемую и неосознаваемую части. Первая является результатом рефлексии, вторая базируется на неосознаваемых интроектах и проекциях окружающих, других, которые, являясь интериоризированными, становятся внутренним образом «обобщенного Другого», включенного в структуру идентичности личности [6, с. 225]. Идентичность, таким образом, оказывается продуктом социальной коммуникации: она строится в непрерывном диалоге с другими и собственным обобщенным Другим, подстраиваясь, трансформируясь, верифицируя себя посредством воображения себя как в самом процессе коммуникации, так и до начала непосредственной коммуникации, в коммуникации воображаемой. Дж. Мид считается основоположником теории символического интеракционизма; благодаря ему и его последователям непрерывная самотождественная идентичность Э. Эриксона, хоть и являющаяся результатом процесса, стала пониматься как набор типизаций, ценностей, норм, образов приемлемого и неприемлемого, которые становятся для индивида своеобразной сеткой координат идентичности.

Центральной мыслью символического интеракционизма оказывается представление о том, что идентичность множественна, что она словно имеет множество «масок» или «социальных ролей» для разных случаев жизни. И. Гоффман анализирует социальные идентичности через категории принадлежности, тождества с социальной группой, и выделяет такие критерии идентичности, как самотождественность, саморефлексия, взаимодействие с другими [8]. Символические интеракционисты П. Бергер и Т. Лукман еще больше внимания уделяют социальному контексту формирования идентичности. Они подчеркивают, что идентичность, «однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется и даже переформируется социальными процессами» [9, с. 84]. Идея о реформатировании идентичности усиливается в последние десятилетия XX в. Уже у Гидденса встречается идея расколотости «хрупкого Я» [10] и культурологическая трактовка детерминированности идентичности типом культуры. В культуре модернити, по Гидденсу, идентичность становится уязвимой и ищет опору в рефлексивности. Идентичность, таким образом, обретает свои одежды в стиле жизни, специфическом интегрированном наборе определенных практик. Гидденс называет их рутинизированными и показывает, что индивид выбирает свои идентичности в зависимости от запросов окружающего мира.

Идея Гидденса получает развитие в постмодернистских штудиях. З. Бауман усиливает акцент на фрагментарности и «текучести» идентичности. В чем-то вторя Гидденсу, он противопоставляет врожденную «природу человека» идентичности, за которой в современности «необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме» [11, с. 176]. Эта идея отслеживания собственной идентичности, необходимость выстраивать, поддерживать, реконструировать ее и постоянно быть озабоченным тем, какую идентичность предъявить миру и как, стала лейтмотивом современной визуальной культуры. Бауман обнаруживает, насколько непрочна и недолговечна идентичность индивида в современной культуре, она практически одноразовая и определяется постоянно меняющимися правилами жизненной игры, в которую играют потребители эпохи постмодерна [12]. Согласно Бауману, постмодернистская идентичность – это и вовсе оксюморон. В современном обществе это, скорее, недостаток – иметь стабильную идентичность.

Такой шизофренистический взгляд на идентичность и перевод ее почти в фантазию приводит Баумана к идее эстетического статуса идентичности. «Эстетическая организация пространства [aesthetic spacing], доминирующая в перечисленных постмодерновых стратегиях, отличается от других видов социальной организации пространства (таких как моральная и когнитивная) тем, что в качестве ориентиров и точек соотнесения выбираются не признаки и качества, обладаемые или приписываемые организуемым объектам, а атрибуты организующего субъекта (такие как интерес, восхищение, удовлетворение, удовольствие)», – пишет он [13, с. 151]. Идентичность окончательно переходит в статус презентации и даже эстетически детерминированной репрезентации, соотнесенной с интересом, восхищением, удовольствием. Идентичность, чтобы существовать, должна быть увиденной и оцененной – таков пафос тотальной визуальности современной культуры.

Тотальность визуальности: причины и следствия

Тотальность визуальности – симптом современной культуры. Чисто фактологически она предопределена технико-технологическим развитием социума и такими сопутствующими аспектами, как возможность бесконечного тиражирования и легкодоступность производства визуальных объектов, о чем писал еще В. Беньямин [14]. Помимо доступности создания стоит остановиться и на особенностях восприятия технических визуальных объектов, что является одним из ключевых вопросов визуальной семиотики. Визуальные практики современности определены цифровой средой, с одной стороны, и техническими изобретениями «доцифровой» эпохи – с другой. Трансформация доцифровых технически воспроизводимых образов в цифровые во многом меняет идентификационные стратегии.

Визуальные исследования как направление анализа появились в 1990-е гг. в основном в рамках американской культурологической науки. Иконический поворот ставит проблему соотношения образа и материального носителя, которая сформировалась в контексте возникновения новых форм искусства и размывания границ между искусством и не-искусством. Когда появилась «новая вещность» [15], стало очевидным, что необходимы новые языки описания и концепты, поскольку изучать семантику и структуру визуального образа с прежних теоретических позиций уже недостаточно. Другими словами, в теории визуального также происходит парадигмальный сдвиг, который произошел почти одновременно с кардинальным переосмыслением основ идентичности. У теоретиков визуальной культуры появляется понятие «визуальный поворот», которое определяет современность как эпоху, «беспрецедентную в одержимости видимым и визуальной репрезентацией» [16, с. 172]. Когда же началась в культуре эта одержимость видимым? Представляется, что начало тренда тотальной визуальности можно проследить с появления фотографии.

Р. Барт, анализируя фотоизображение, которое является основанием всей современной визуальной культуры, определил его ключевую характеристику как «сообщение без кода» [17].

Отметим, что это утверждение было раскритиковано У. Эко [18], который фактически деонтологизировал фотографию, отрицая ее в качестве объекта, коррелирующего с репрезентируемой действительностью. Он полагал, что основа любого фотоизображения – это слабые и неустойчивые коды, ограниченные рамками восприятия/памяти отдельного субъекта. И это ставит под вопрос возможность однозначного прочтения фотоизображения. Тем не менее, в отличие от текста/языка, для «прочтения» фотографии не требуется специальной системы декодирования: она интуитивно понятна для большинства людей, включенных в рамки одного культурного кода. Это связано и с тем, что визуальное, образное мышление предшествует с эволюционной точки зрения мышлению понятийному, языковому. Можно наблюдать, как культура, которая когда-то от визуальной перешла к вербальной и затем к печатной и электронной, на настоящем этапе от вербальной вновь переходит к визуальной среде [19]. Современная культура становится культурой медиальной трансляции. При этом медиа утрачивают свою первоначальную служебную функцию, поглощая пространство и время, трансформируя картину мира. «Воздействие технологий на визуальный опыт происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции или образцы восприятия, меняет человека последовательно, незаметно и без сопротивления с его стороны» [20, с. 22].

Очень наглядно это проявляется при анализе так называемого поколения Z (центениалы). Результаты качественного исследования молодежи, которые в марте 2017 г. опубликовал Сбербанк, только подтвердили ряд положений о поколении Z. Центениалы являются основными представителями и «проводниками» тотализации визуального, поскольку визуальные образы и любые графические объекты они усваивают, понимают и запоминают быстрее и лучше, чем текстовую информацию. В социальных сетях, которым они отдают предпочтение в сравнении с офлайн-пространством, молодые люди практически не используют полноценные текстовые сообщения, их вытесняют эмодзи, стикеры и сторисы с минимальными текстовыми «якорями».

В визуальных исследованиях современности сама визуальность становится не просто качеством или характеристикой искусства или медиа, но самой практикой реальной жизни, тотально поглощающей все способы репрезентации. Изначальный интерес к элитарной визуальности (искусство) сменяется вниманием к повседневности, где фотография перестает быть художественным жестом, а становится средством реагирования на социальный запрос.

Выделяя в фотографии два типа сообщения (денотативное, буквальное, в основе которого не лежит никакого кода, и коннотативное, символическое, в основе которого лежит некий культурный код) Р. Барт формирует теоретический конструкт, объясняющий возникновение общества спектакля [21], постепенно трансформирующегося в трансэстетическое общество потребления [22] с подиумным сознанием и маркетинговыми стратегиями, фундированными визуально-символическим.

Именно коннотативный уровень фотографии делает технический образ (и здесь говорится не только о фотографии, но и о кино, видеоблогах, социальных сетях, совмещающих в себе видео- и фотоконтент) доступным для идеологических и репрессивных дискурсов – властных, политических, феминистических, глянцевого, гендерных и т. д. Коннотация фотографии – это открытый шлюз, который можно наполнять любыми смыслами, и в медиaprостранстве эта тенденция идеологизации изображения только усиливается. Частично это объясняет и популярность селфи, которое в 2013 г. сотрудники Оксфордского университета назвали словом года из-за частоты его использования. Помимо гипертрофированной эстетизации можно отметить манипулятивную составляющую селфи, которая варьируется от образов до смысловых конструктов – селфи легко встраивается не только в оппозицию «красиво–некрасиво», но и успешно актуализируется в разных дискурсивных пространствах современного социума.

Тотализация визуального проявляется в оптических паттернах и практиках смотрения/видения, которые вырабатываются человеком и транслируются в обществе, то есть визу-

альность рождает иную социальность, где доминирует капитализация образа и стиля жизни. Такая капитализация измеряется не столько в денежном эквиваленте, сколько в символическом. Д. Аакер, гуру брендинга, писал о том, что максимальную ценность бренд получает тогда, когда предлагает потребителю ценность самовыражения [23]. Иными словами, в широком смысле он говорит о репрезентации себя вовне набор символов, заключенных в вещах – от смартфона и кухонного комбайна до сумочки и пиджака. Практики видения выявляют те аспекты или стороны вещей, мира, других, которые были невидимы.

Потребление базируется не столько на функциях вещей, сколько на их символическом значении [24]. И это максимально используется в современной культуре. Примером может служить индустрия моды. Ведь каждая коллекция, каждый дизайнер – это четко маркированный набор символов. Покупая вещь от Chanel, человек не просто приобретает понравившуюся сумочку/колье/платье – он разделяет философию бренда и его ценности, принимает и становится носителем устойчивых ассоциаций, фундированных архитипическими конструктами (например, герой). Приобретается весь комплекс смыслов, связанных с этим брендом, его историей и аурой, которая, несмотря на техническую воспроизводимость и колоссальную в эпоху глобализации тиражируемость, не исчезает, но, напротив, влияет на выбор.

В культуре информационно перегруженного социума визуальное становится заменой или выражением знания. Формула Просвещения «знание – сила» мутирует через инфографику, продающие образы, эмодзи и превращается в визуализацию информации, перекодировку практически любого текста в образ. Интериоризация внешних образов в ментальные представления, как отмечает Р. Мацца, становится определяющим для современного субъекта информационной/визуальной культуры [25]. Визуальная репрезентация позволяет экономить мышление, находить информацию, принимать решения, находить основания собственного бытия. По сути, через все многообразие визуальных практик (фотографии в сторис, селфи, имидж, потребляемые вещи и образы) субъект являет себя миру, а также идентифицирует и ре-идентифицирует себя в коммуникативном пространстве «я–другой».

Социокультурные маркеры визуальности в идентификационных процессах

Рассматривая идентификационные практики в свете тотальной визуальности, авторы опираются на понимание того, что:

- идентичность современного человека – модульный и подвижный конструкт, зависящий от культурно-социальных трендов во всем их многообразии (общество потребления, брендозависимость, трансэстатизация, лукизм, гендерные трансформации, бодипозитив и здоровый образ жизни и т. д.), в котором практически не осталось никаких объективных и необратимых «якорей»;
- сборно-модульная идентичность современного человека конструируется и презентуется с акцентуацией на внешнее, оптическое; соответственно, доминирующим в ней являются презентативный и репрезентативный уровни, чему, безусловно, способствует тотальная визуализация посттехнического общества.

Модули, задействованные в «сборке» идентичности, могут быть разделены на психологические (или экзистенциальные), социальные (или деятельностные) и культурные (или репрезентативные). Эти три вектора позволяют увидеть разные стороны влияния тотальной визуальности на идентификационные процессы.

Первым базовым «модулем» в сборке идентичности является выделенная теоретиками Самость, Self или то, что субъект условно может назвать «Я-для-себя». Казалось бы, здесь практически нет визуальности или артикулированности вовне, но тотальная визуальность влияет и на Самость, как показывают современные психологические исследования. Сюда можно отнести практики телесности, которые достраивают «Я-для-себя» до приемлемого и

«модного» Образа Я. Эти практики в первую очередь затрагивают базовые, привычные координаты идентичности, такие как тело, возраст, пол.

На «Я-для-себя» существенным образом влияет гламурная визуальная культура с ее доминирующим сексизмом или полярным ему воинствующим феминизмом (имеются в виду практики трансформации тела для достижения идеального образа себя от фитнеса до пластической хирургии, практики борьбы с возрастом в том же диапазоне и различные тренды здорового образа жизни, практики транссексуальной трансформации и выбора пола).

Трансформации «Я-для-себя» и артикуляции его вовне связаны как с типичным опытом (возрастные кризисы идентичности, привязанность, безопасность), так и с травматичным опытом, который варьируется от «традиционного» абьюза до новых «цифровых» форм троллинга, онлайн-буллинга, газлайтинга. Визуальная составляющая тут важна, прежде всего как формирование Самости средствами популярной культуры. Современное кино влияние на Образ Я и Самость. Кинематограф постмодернизма демонстрирует существенную тенденцию к психологизации: герои фильмов обретают психологическую глубину и биографию. Помимо «большого кино» визуализацией Самости становятся сериалы. Сериальность является собой своего рода экстернализацию Самости, памяти и личной истории – они визуализируют переживания, типичные для тех или иных ситуаций и позволяют зрителям сопереживать героям сезон за сезоном. Среди множества сериалов есть те, которые напрямую связаны с экзистенциальным вопросом формирования Самости. Они заставляют задуматься о «Я-для-себя», актуализируя вопросы, важные для самоопределения.

Второй модуль сборки идентичности – социальный, или деятельностный. Здесь также наблюдается влияние тотальной визуальности. Е.Н. Шапинская отмечает, что в современности возникает новая тенденция «присвоения» образа Другого, которая реализуется через культуру потребления: «этнические стили, субкультурные атрибуты, мифологизированные герои – все они, пройдя через машину культурной индустрии, сохраняют «другость» лишь в виде привлекательного товара» [26, с. 34]. Социальный образ Я также превращается в товар – гендер, социальная роль, профессиональная идентичность становятся своего рода социальным «проектом», пригодным для осуществления себя в той или иной деятельности разного рода и уровня креативности. Образы Другого в ассортименте представлены в «мире как супермаркете» (понятие М. Уэльбека), где можно выбрать привлекательные фрагменты идентичности и «встроить» их в себя. Визуализация социального модуля идентичности не только личный брендинг, но также и способ выстроить себя, который предлагает тот или иной бренд. Бренд со своей историей и образным «облаком» создает групповую идентификацию, удовлетворяя потребность причастности. Идентификация через визуальные маркеры потребления модных брендов позволяет включить себя в группу, как правило, престижную или обладающую специфической ценностью. Об этом писали теоретики символического интеракционизма, вводя понятие «Я-концепции», которая является собственным образом Я, существующим в восприятии определенной социальной группы. Таким образом акцентируется когнитивная составляющая: знание о себе есть рефлексия знания обо мне окружающих.

Местом сборки социального модуля идентичности в современной визуальной культуре становится сетевое пространство. Сегодня вполне уверенно можем утверждать, что субъект перерос соблазны анонимности в сетевом информационном пространстве, сегодня индивид репрезентирует в сетях свои собственные качества и свойства, Сеть же демонстрирует возрастающий уровень контроля над идентичностью, подчиняя себе репрезентации социального. Именно в сети индивид обретает, подтверждает и валидирует символический капитал, который вполне конвертируется в финансовый. Одновременно здесь же удовлетворяется потребность в коммуникации и сопоставлении с другими. Следуя Дж. Миду, в сети обитает Обобщенный Другой, который теперь не интериоризирован полностью, но частично вынесен визуально вовне в воображаемое виртуальное пространство. Тексты и визуальные материа-

лы, находящиеся в сети, задают идентичности социальные координаты и позволяют сформировать критерии фильтрации информации, то есть детерминируют как деятельность, так и познавательно-рефлексивные процессы. Социальный модуль сборки идентичности можно охарактеризовать как «автопроект», который строится по законам маркетинга.

Культурный модуль в сборке идентичного – это визуализированное воплощение идентичности, тот образ Я, который презентован другим в яркой обертке модного имиджа. Имидж можно трактовать как перформанс идентичности: он дирижирует впечатлениями, включает реакцию, провоцирует или, напротив, делает незаметным. Как социальный перформанс, имидж зависит от моды, опираясь на стереотип, он раскрывает индивидуальные черты, порой намеренно их преувеличивая. Можно рассматривать имидж как визуализацию габитуса, телесной схемы, выстроенную по законам восприятия и дополненную личным сторителлингом. О габитусе как культурной визуализации тела писал М. Мерло-Понти: «Сознание проецирует себя в физический мир и обладает телом так же, как оно проецирует себя в культурный мир и обладает габитусами» [27, с. 185]. Но габитусы не могут существовать без нарратива: история, чтобы состояться, должна быть рассказана. И в современности она рассказывается визуальными средствами. Имиджевые визуальные практики презентации соотносят актуальный образ с двуполюсностью «желаемое–нежелательное», что показал Р. Фогельсон в своем анализе презентуемой миру идентичности [28]. Таким образом, культурный модуль идентичности, имидж, выступает своего рода Я-как-Ты-образом. Это отчуждаемый образ себя, который презентуется как эстетически значимый. Важно, что имидж складывается не только из собственно телесности в том виде, в каком она имеется в наличии, и костюма, понимаемого в широком смысле слова, включая все мельчайшие аксессуары, дополняющие образ, но также из того, что И. Гоффман называл «фасадом», то есть наполненным, культурно значимым пространством, в котором есть другие люди, паттерны поведения, модные идеи и способы презентации. Визуальная составляющая «фасада» имеет огромный удельный вес: это именно то, что транслируют бесчисленные «сторис», однодневки виртуального пространства, мимолетные презентации Я, которые должны репрезентировать некое эмоциональное состояние, визуализированное в коротком ролике или фотографии.

Выводы

- идентичность современного человека – сборно-модульный конструкт, в формировании которого визуальность, в своем тотальном воплощении, играет важнейшую роль;
- модули, из которых конструируется идентичность человека, могут быть разделены на психологический (или экзистенциальный), социальный (или деятельностный) и культурный (или репрезентативный). И каждый из данных модулей имеет свой уровень визуального воплощения и «сопровождения»;
- психологический (или экзистенциальный) модуль связан с конструированием «Я-для-себя». Визуализация этого уровня отсылает к практике телесности и таким базовым элементам, как тело, возраст, пол;
- социальный (или деятельностный, познавательный) модуль направлен на конструирование персонифицированного профиля (образа) себя в сетевом пространстве. Здесь же стоит отметить важную роль рефлексивных и познавательных процессов (реализуются онлайн и офлайн), поскольку благодаря им формируются критерии/фильтры для «выборки» информационного контента;
- культурный модуль в сборке идентичного – это максимально визуализированное воплощение идентичности. Это уровень конструирования «Я – для Другого/Других», где воплощается, то, как субъект хотел бы быть воспринимаемым другими. Другими словами, следует говорить о комплексной имиджевой составляющей идентичности (в том числе телесной и сетевой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 255 с.
2. Taylor C. Sources of the self: the making of the modern identity. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 601 p.
3. Фрейд З. Я и Оно. – М.: Эксмо, 2015. – 864 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
5. Кули Ч.Х. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 172–179.
6. Mead G. Mind, self, and society. – Chicago: The University of Chicago Press, 2015. – 401 p.
7. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте // BooksCafe.net. URL: https://bookscave.net/read/lakan_zhak-instanciya_bukvy_v_bessoznatelnom_sbornik-233053.html#p1 (дата обращения 12.05.2024).
8. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково Поле, 2000. – 304 с.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
10. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 264 p.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
12. Bauman Z. From pilgrim to tourist – or a short history of identity // Questions of Cultural Identity. London. – 2000. – P. 18–36. URL: https://pages.mtu.edu/~jds/ack/readings/CSReadings/Bauman_From_Pilgrim_to_Tourist.pdf (дата обращения 12.05.2024).
13. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
14. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
15. Петровская Е.В. Теория образа. – М.: РГГУ, 2010. – 281 с.
16. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of visual culture. – 2002. – Vol. 1. – № 2. – P. 165–181.
17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2004. – 544 с.
19. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild? – München: Wilhelm Fink, 1994. – S. 11–38.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. – 464 с.
21. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
22. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
23. Аакер Д. Создание сильных брендов. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. – 439 с.
24. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО, 2001. – 95 с.
25. Mazza R. Introduction to information visualization. – Boston, MA: Springer, 2009. – 139 p. DOI: 10.1007/978-1-84800-219-7.
26. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. – М.: КРАСАНД, 2012. – 216 с.
27. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 608 с.
28. Fogelson R.D. Person, self, and identity: some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // Psychosocial Theories of the Self. Path in Psychology / Ed. by B. Lee. – Boston, MA: Springer, 1982. – P. 67–109.

Информация об авторах

Гиниятова Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; evg@tpu.ru

Лукиева Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; llukielena@tpu.ru

Поступила в редакцию: 20.07.2024

Поступила после рецензирования: 18.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Bauman Z. *Thinking sociologically*. Moscow, Aspect Press, 1996. 255 p. (In Russ.)
2. Taylor C. *Sources of the self: the making of the modern identity*. Cambridge, Harvard University Press, 1989. 601 p.
3. Freud Z. *The Ego and the Id*. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 864 p. (In Russ.)
4. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow, Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russ.)
5. Cooley C.H. Social self. *American Sociological Thought*. Ed. by V.I. Dobrenkov. Moscow, Moscow State University Publ. House, 1994. pp. 172–179. (In Russ.)
6. Mead G. *Mind, self, and society*. Chicago, The University of Chicago Press, 2015. 401 p.
7. Lacan J. The mirror stage as formative of the I function as revealed to us in psychoanalytic experience. *BooksCafe.net*. (In Russ.) Available at: https://bookscafe.net/read/lacan_zhak-instanciya_bukvy_v_bessoznatelnom_sbornik-233053.html#p1 (accessed 12 May 2024).
8. Goffman I. *Presenting oneself to others in everyday life*. Moscow, Canon-Press-C Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2000. 304 p. (In Russ.)
9. Berger P., Luckmann T. *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
10. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford, Stanford University Press, 1991. 264 p.
11. Bauman Z. *Individualized society*. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p. (In Russ.)
12. Bauman Z. From pilgrim to tourist – or a short history of identity. *Questions of Cultural Identity*. London, 2000. pp. 18–36. Available at: https://pages.mtu.edu/~jdsllack/readings/CSReadings/Bauman_From_Pilgrim_to_Tourist.pdf (accessed 12 May 2024).
13. Bauman Z. *Liquid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)
14. Benjamin V. *The work of art in the age of its technical reproducibility: selected essays*. Moscow, Medium Publ., 1996. 240 p. (In Russ.)
15. Petrovskaya E.V. *Theory of the image*. Moscow, RSUH Publ., 2010. 281 p. (In Russ.)
16. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal of visual culture*, 2002, vol. 1, no. 2, pp. 165–181.
17. Bart R. *Selected works: semiotics. Poetics*. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russ.)
18. Eco U. *The missing structure. Introduction to semiology*. St. Petersburg, Symposium Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)
19. Boehm G. The return of images. *What is an image?* Munich, Wilhelm Fink, 1994. pp. 11–38. (In Germ.)
20. McLuhan M. *Understanding media: human external extensions*. Moscow, Zhukovsky Publ., KA-NON-press-C Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2003. 464 p. (In Russ.)
21. Debord G. *The society of the spectacle*. Moscow, Logos Publ., 1999. 224 p. (In Russ.)
22. Baudrillard J. *The Transparency of evil*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 258 p. (In Russ.)
23. Aaker D. *Creating strong brands*. Moscow, Grebennikov Publ. House, 2003. 439 p. (In Russ.)
24. Baudrillard J. *The system of things*. Moscow, RUDOMINO Publ., 2001. 95 p. (In Russ.)
25. Mazza R. *Introduction to information visualization*. Boston, MA, Springer, 2009. 139 p. DOI: 10.1007/978-1-84800-219-7.
26. Shapinskaya E.N. *The image of the other in cultural texts*. Moscow, KRASAND Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
27. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of perception*. St. Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ., 1999. 608 p. (In Russ.)
28. Fogelson R.D. Person, self, and identity: some anthropological retrospects, circumspects, and prospects. *Psychosocial Theories of the Self. Path in Psychology*. Ed. by B. Lee. Boston, MA, Springer, 1982. pp. 67–109.

Information about the authors

Elena V. Giniyatova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; evg@tpu.ru

Elena B. Lukieva, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; llukielena@tpu.ru

Received: 20.07.2024

Revised: 18.09.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1885

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Проблема социокультурной идентичности в интернет-пространстве на примере идеологии космополитизма

В.А. Терлецкий[✉]*Томский государственный университет, Россия, г. Томск*[✉]kraylog@gmail.com

Аннотация. Актуальность проблемы социокультурной идентичности в интернет-пространстве связана с глобализацией и цифровизацией, которые стирают культурные границы и способствуют культурной гомогенизации. В связи с возникновением новых форм социального взаимодействия, которые открывает Интернет, пересматривается значение понятия «идентичность». В Интернете общее пространство представляет собой прямой результат синергии и взаимосвязанности. Одним из важнейших факторов развития коллективной идентичности является коммуникация. Интерес к данной проблеме обусловлен воздействием медиапространства на человека и его социокультурную идентичность. **Цель:** анализ влияния идеологии космополитизма в виртуальном пространстве на идентичность и образ жизни людей. **Результаты:** доказано, что Интернет стирает географические и культурные границы, что приводит к формированию идентичностей, которые объединяют элементы разных культур, создавая новые формы культурного опыта. **Выводы:** различие между реальной и виртуальной идентичностью становится более заметным. Люди могут вести совершенно разные жизни онлайн и офлайн, что может создавать конфликты или, наоборот, обеспечивать более полное выражение своей индивидуальности. Интернет не только предоставляет новые возможности для самовыражения и культурного обмена, но и бросает пользователям новый вызов в отношении понимания и сохранения своей идентичности в условиях постоянно меняющегося цифрового ландшафта.

Ключевые слова: кризис идентичности, космополитизм, глобализация, цифровизация

Для цитирования: Терлецкий В.А. Проблема социокультурной идентичности в интернет-пространстве на примере идеологии космополитизма // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 128–135. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1885

UDC 316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1885

Problem of socio-cultural identity in the Internet space on the example of the ideology of cosmopolitanism

V.A. Terletsky[✉]*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*[✉]kraylog@gmail.com

Abstract. Relevance. Relevance of the problem of socio-cultural identity in the Internet space is associated with globalization and digitalization, which erase cultural boundaries and contribute to cultural homogenization. New forms of social interaction that the Internet opens up force us to reconsider the meaning of such a concept as identity. On the Internet, a common space is a direct result of synergy and interconnectedness. One of the most important factors in the development of collective identity is, and has always been, communication. Interest in this problem is due to the influence of the media space on a person and his socio-cultural identity. **Aim.** To analyze the influence of the ideology of cosmopolitanism in the virtual space on the identity and lifestyle of people. **Results.** It is proven that the Internet erases geographical and cultural boundaries, which leads to the formation of identities that combine elements of different cultures, creating new forms of cultural experience. **Conclusions.** The difference between real and virtual identity is becoming more noticeable. People can lead completely different lives online and offline, which can create conflicts or, conversely, provide a more complete expression of their identity. The Internet not only provides new opportunities for self-expression and cultural exchange, but also poses new challenges for users in terms of understanding and maintaining their identity in the context of an ever-changing digital landscape.

Keywords: identity crisis, cosmopolitanism, globalization, digitalization

For citation: Terletsky V.A. Problem of socio-cultural identity in the Internet space on the example of the ideology of cosmopolitanism. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 128–135. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1885

Введение

Изучение потери и трансформации социокультурной идентичности в интернет-пространстве – это относительно новая область философского и социокультурного анализа. Однако ряд философов и теоретиков, работающих в смежных областях, затрагивают вопросы, связанные с трансформацией идентичности в цифровую эпоху.

Мануэль Кастельс в своих книгах «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура» [1] и «Галактика Интернет» [2] анализирует влияние информационных технологий на общественные структуры и идентичности. Он изучает, как Интернет и новые медиа изменяют социальные взаимодействия и формируют новую модель общественной идентичности. Французский философ Жан Бодрийяр в своих работах «Общество потребления» [3] и «Симулякры и симуляция» [4] рассматривает, как современные медиа и потребительская культура создают гиперреальности и влияют на восприятие идентичности и реальности. Хотя его труды не посвящены исключительно Интернету, они актуальны для понимания изменений в идентичности в цифровую эпоху. Джудит Батлер, известная своей книгой по вопросам гендера и идентичности «Сила ненасилия: Сцепка этики и политики» [5], рассуждает о том, как идентичности формируются и конструируются. Хотя её работа фокусируется на гендерной проблематике, её идеи применимы и к более широким вопросам индивидуализма в цифровую эпоху.

Также стоит отметить, что большой вклад в изучение социокультурной идентичности и идентичности в сети внесли известные труды выдающихся исследователей и философов: «Профанации» [6] Джорджо Агабмена, «Понимание медиа: внешние расширения человека» [7] Маршалла Маклюэна, «Индивидуализированное общество» [8] Зигмунта Баумана и др.

Анализ потери социокультурной идентичности в интернет-пространстве требует междисциплинарного подхода и сочетания философских, социологических и культурологических теорий. Философы и теоретики, упомянутые выше, предлагают ценные инструменты для анализа изменений, происходящих в идентичности под влиянием новых медиа и технологий.

Участники сетевой коммуникации лишены достоверной информации друг о друге, и в этих условиях происходит конструирование образа пользователя и образа виртуального собеседника. В виртуальных системах общаются не реальные люди, а, согласно терминологии постмодернизма, симулякры этих людей. Покидая реальность, человек создает себе новый

образ, часто не имеющий ничего общего с реальным его положением. Главное – остаться неузнанным, сыграть роль, иногда противоположную своей жизненной. Человек может выбрать для себя любой возраст, пол, социальный статус, имя.

Интернет влияет на формирование индивидуальной идентичности, поскольку люди все больше полагаются на свои собственные ресурсы для создания целостной идентичности в рамках открытого процесса самообразования как символического проекта за счет использования доступных им символических материалов.

Как идеология космополитизма влияет на идентичность в медиапространстве

Взаимодействие космополитических идей и социокультурной идентичности приводит как к позитивным изменениям, так и к вызовам. Космополитизм продвигает идею глобального единства и солидарности, что может способствовать культурному смешению и взаимопониманию [9]. Однако эта интеграция может также содействовать тому, что отдельные культурные особенности и традиции начинают терять свою уникальность.

Это может ощущаться как потеря идентичности, когда локальные культуры и традиции становятся менее заметными в глобальном контексте. Глобализация и космополитизм часто сопровождаются распространением унифицированных стандартов и практик, таких как западные модели потребления, образа жизни и медиа. Это может привести к снижению культурного разнообразия и уменьшению роли традиционного единства, которое не соответствует глобальным стандартам. В ответ на глобализацию и космополитизм многие культуры начинают адаптироваться и смешивать свои традиционные элементы с элементами других культур. Подобная гибридизация может создавать новые формы идентичности, но также может вызывать чувство потери связи с традиционными культурными корнями.

Интернет и социальные сети создают новые формы идентичности, которые могут влиять на восприятие собственной культурной принадлежности. Пользователи могут создавать цифровые «облики», которые отличаются от их действительных культурных и социально-экономических реалий. На практике культурная идентичность может начать теряться на фоне цифрового представления. Глобальные культурные и экономические силы могут оказывать давление на меньшие культуры, вынуждая их адаптироваться или ассимилироваться. Это может привести к тому, что уникальные культурные черты и традиции теряются или становятся менее заметными, а господствующая культура начинает доминировать в медиапейзаже и общественном восприятии. Люди, которые живут в глобализованном мире, могут сталкиваться с внутренними конфликтами между локальными и глобальными аспектами своей идентичности. Это может приводить к чувству фрагментации или неоднозначности в вопросах культурной принадлежности и самоопределения.

Один из сторонников космополитизма – современный немецкий философ Юрген Хабермас – видит в космополитической идее выход из возникших проблем современности. Выстраивая свою аргументацию с опорой на кантовский проект, он полагает, что справедливое сосуществование наций может быть достигнуто посредством правового оформления международных отношений, а не на фундаменте морализации [10]. В своих работах он акцентирует внимание на важности глобальной солидарности и единства в разнообразии. Он утверждает, что в условиях глобализации необходима новая форма общественного участия и диалога, которая поможет преодолеть национальные и культурные барьеры. Для Хабермаса важна коллективность: именно всеобщее «мы» может противостоять кризисам национальных государств, справиться с динамичным развитием экономики и предотвратить потерю идентичности внутри коллективного. Государствам по отдельности необходимо, по его мнению, постепенно вовлекаться в процессы кооперации. Тут возникает вопрос – «Сможет ли в гражданских обществах и у политической общественности единой системы, занимающей территории многих стран, сложиться сознание необходимости космополитической солидарности?» [11, с. 36].

В своих политических очерках философ размышляет о судьбе Европейского государства, национальности, гражданстве и правах человека. Затрагивая каждую из этих тем, Хабермас всё чётче артикулирует свою позицию в отношении всемирного гражданства. Он констатирует неизбежный упадок национальных государств, поскольку проблемы, возникающие в процессе глобализации средств сообщения, коммуникаций, экономического производства, экологических и военных катастроф, уже не могут быть решены в рамках национальных государств или в рамках уже привычных соглашений между суверенными государствами [12].

Хабермас считает, что качественная коммуникация в Интернете может способствовать формированию публичного пространства, где различные социокультурные идентичности могут встречаться и взаимодействовать. Однако для этого необходимо создать условия для открытого и уважительного диалога, что часто затрудняется анонимностью и агрессивностью сетевого общения. Критики могут отмечать, что Хабермас иногда слишком оптимистично относится к потенциалу Интернета как платформы для демократии и солидарности. В реальности цифровая среда может также усиливать культурные и политические разделения. В целом идеи философа подчеркивают важность активного участия в диалоге и осознания социокультурной идентичности как динамичного и многослойного процесса, что особенно актуально в контексте современного интернет-пространства.

При подходе к изучению критики влияния космополитизма на потерю идентичности необходимо учесть работу Ричарда Рорти, философия которого имеет неоднозначный характер. Его подход заключается в том, что, с одной стороны, он является этноцентристом, патриотом своей страны, которую он пытается защитить, обвиняя интеллектуалов в предательстве, а с другой – он пропагандирует солидарность, смысл которой заключается в том, чтобы признать существующие между людьми различия как несущественные, по сравнению с теми сходствами, которые между нами есть. По Рорти, люди неизбежно оказываются перед дилеммой: либо – предпочитают воспринимать других как таких же, как и себя (то есть отрицают идентичность других), либо оказываются абсолютно безразличными к другим, поскольку необходимым условием для нашего сострадания является идентичность нам самим: «или мы проходим мимо человека – его словно не существует для нас, – или видим в нем отражение самих себя» [13, с. 10]. Позиция Ричарда Рорти ставит под сомнение традиционные представления о сущности и фиксированных идентичностях. Он подчеркивает, что идентичность формируется в процессе взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. Потеря или трансформация идентичности, по его мнению, не обязательно являются негативными явлениями. Это может быть частью более широкого процесса самоопределения и адаптации к изменяющимся условиям. Критики могут указать на то, что такая гибкость в понимании идентичности может приводить к чувству утраты стабильности или ориентиров. Тем не менее Рорти предлагает возможность для более инклюзивного и открытого подхода к идентичности, где разнообразие мнений и опытов обогащают человеческое понимание себя и других. Таким образом, его позиция может быть воспринята как приглашение к более гибкому и контекстуальному осмыслению идентичности, что особенно актуально в условиях глобализации и культурного разнообразия.

Наиболее влиятельным критиком космополитизма является американский социолог Сэмюэл Хантингтон, который предложил свою концепцию, основанную на этнокультурном разделении обществ. Хантингтон говорит о необходимости здорового национализма, поскольку «национальная идентичность стоит перед вызовом мультикультурализма, который подрывает ее снизу, и космополитизма, который размывает ее сверху» [14, с. 93]. Философ подчеркивает, что патриотизм уже не в моде у современных американцев-интеллектуалов или денационализированной элиты, как их называет сам Хантингтон. Путешествующие ученые, журналисты, исследователи и бизнесмены подрывают американскую самобытность и представляют угрозу американскому единству: «Патриотизм – это достоинство, универса-

лизм – это не американизм. Национализм – это не изоляционизм» [14, с. 56]. Критики космополитизма утверждают, что принятие всех людей как членов единой всемирной общности может привести к потере культурной и национальной идентичности. Они могут опасаться, что космополитизм способствует культурному размыванию и гомогенизации.

Хантингтон считал, что идентичности и культурные различия между цивилизациями играют ключевую роль в формировании глобальной политики. Он полагал, что космополитизм может угрожать культурному самосознанию и традициям, особенно в контексте неравномерного влияния западных ценностей на другие культуры. Он предупреждал о возможных конфликтах, возникающих из-за попыток навязывать универсальные идеалы, что может привести к сопротивлению со стороны культур, стремящихся сохранить свои уникальные особенности. Таким образом, воздействие космополитизма, по мнению Хантингтона, может быть двойственным: с одной стороны, он может способствовать глобальному взаимодействию, но с другой — усугублять культурные трения и конфликты, если не учитывать местные идентичности и традиции. В этом контексте Хантингтон подчеркивает важность уважения к культурному многообразию и понимания его роли в мировой политике.

Возникновение медиатизированного космополитизма как более современной и адаптивной формы космополитизма

Интернет, телевидение, социальные сети и другие медиаплатформы играют ключевую роль в формировании глобальных ценностей и идентичностей. В современном информационном обществе идеология космополитизма трансформировалась в медиатизированный космополитизм. В этой статье вводится в научный оборот новое русскоязычное понятие. Медиатизированный космополитизм представляет собой форму космополитизма, которая активно использует средства массовой информации, такие как телевидение, Интернет и социальные сети, для пропаганды и поддержки своих идей и ценностей. Это означает, что идеи космополитизма широко распространяются и влияют на общественное сознание через медиа. Медиатизированный космополитизм отличается от традиционных форм космополитизма тем, что он активно использует современные медиа и технологии для формирования и распространения космополитических идей и практик. Он представляет собой более современную и адаптивную форму космополитизма, учитывающую влияние цифровых технологий на взаимодействие между культурами и обществами.

Мировое гражданство подразумевает философский и этический подход, в котором акцентируется внимание на правовой и моральной ответственности перед всем человечеством, независимо от национальной принадлежности. Среди отрицательных сторон идеи всемирного гражданства, которые выделяют современные исследователи, можно выделить два наиболее явных минуса. Принято считать, во-первых, потерю индивидуализма и идентичности; во-вторых, ослабление национальных и культурных особенностей конкретного государства, которые веками складывались на данной территории (приверженцы патриотизма относятся к космополитическим идеям негативно, полагая, что они подрывают их ценности).

Люди, сильно привязанные к своей национальной идентичности и интересам своей страны, могут критиковать космополитизм за предполагаемое игнорирование национальных интересов и суверенитета государств. Они могут считать, что космополитические идеи угрожают культурной и национальной сущности и приводят к потере важных аспектов национальной самобытности. Концепция космополитизма как идеи об универсальной принадлежности к человечеству и глобальном гражданстве имеет древние корни, однако исследования о влиянии медиа на формирование космополитических идентичностей стали активно развиваться только в последние десятилетия.

Медиатизированный космополитизм предоставляет ряд механизмов и подходов, которые могут влиять на способ генерации и восприятия самоидентичности. Он часто подчеркивает

ценность культурного разнообразия и важность понимания различий между людьми. Это может способствовать повышению осознанности о собственной идентичности и идентичности других, что приведет к более глубокому пониманию себя в контексте мирового сообщества. Идеология космополитизма предоставляет доступ к разнообразным культурным контентам из разных стран и регионов мира. Подобное будет помогать людям изучать и понимать различные культурные идентичности и влиять на их собственное представление о себе. Социальные медиа и другие медийные платформы могут служить местом для обмена мнениями, идеями и культурными выражениями между людьми из разных культур. В будущем это способствует развитию самоидентичности путем взаимодействия и общения с представителями других культур. Медиатизированный космополитизм формирует у людей мультикультурный образ мышления, что означает способность адаптироваться к различным культурным контекстам и видеть себя как часть более широкого мирового сообщества. В кино, телевидении, литературе и других медийных форматах часто используются персонажи и сюжеты из разных культур, что может помочь зрителям лучше понять и оценить различные культурные идентичности.

Медиатизированный космополитизм становится инструментом для преодоления проблемы самоидентичности путем создания более открытого и толерантного культурного пространства, где люди могут исследовать и развивать свою собственную идентичность в контексте мирового разнообразия.

Несмотря на то, что космополитизм претерпел ряд изменений, касающихся идеологической составляющей от стоического до медиатизированного, он, благодаря влиянию медиа, преобразился и стал более устойчивым к критике. Современная идеология космополитизма постепенно освобождается от утопического «прошлого», в котором побеждали критики-декосмополиты, потому что связывали себя с местом и национальностью. Сегодня космополитические идеи связаны с ценностью культурного разнообразия и важностью понимания различий между людьми благодаря медиа. Это способствует повышению осознанности о собственной идентичности и идентичности других, что приводит к более глубокому пониманию себя в контексте мирового сообщества.

Заключение

Трансформация социокультурной идентичности в интернет-пространстве представляет собой сложный процесс, в котором взаимодействуют различные факторы, включая глобализацию, технологические изменения и культурные обмены. Интернет предоставляет доступ к информации из разных культур и регионов, что способствует формированию гибридных идентичностей. Люди могут черпать элементы из различных культур и интегрировать их в свой сконструированный образ, создавая уникальные культурные комбинации. Онлайн-платформы, такие как социальные сети, блоги и форумы, дают человеку возможность выразить свою индивидуальность и социокультурную идентичность. Пользователи могут создать и поддерживать несколько различных аспектов своего интернет-образа, отражая его через контент, который они создают и используют. Это включает в себя интерес к субкультурам и социальным движениям. Анонимность в Интернете позволяет людям экспериментировать с различными аспектами своей идентичности, не беспокоясь о последствиях в реальной жизни. О последствиях потенциальной безнаказанности стоит только догадываться.

Интернет также способствует быстрому распространению культурных трендов и идей. Люди из разных уголков мира могут обмениваться культурными практиками, что влияет на их личные и коллективные идентичности. Данный обмен может привести к значительным изменениям в восприятии культур и традиций как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Медиапространство позволяет формировать и поддерживать сообщества и субкультуры, которые могут играть важную роль в развитии социокультурной идентичности.

Аналогичные группы часто создаются вокруг общих интересов, убеждений или культурных практик, которые могут быть малоизвестны или не распространены в основной культуре. Платформы, такие как YouTube, TikTok и др., предоставляют пространство для создания и использования контента, который может играть значительную роль в социокультурной идентичности. Пользователи могут быть вдохновлены или подвержены влиянию медийных фигур, трендов и культурных практик, которые они видят в сети.

Таким образом, Интернет стирает географические и культурные границы, позволяя людям взаимодействовать с культурными и социокультурными элементами из других стран. Это взаимодействие может приводить к формированию идентичностей, которые объединяют элементы разных культур, создавая новые формы культурного опыта. Различие между реальной и виртуальной идентичностью становится более заметным. Люди могут вести совершенно разные жизни онлайн и офлайн, что может создавать конфликты или, наоборот, обеспечивать более полное выражение своей индивидуальности. Интернет не только предоставляет новые возможности для самовыражения и культурного обмена, но и ставит перед пользователями новые вызовы в отношении понимания и сохранения своей идентичности в условиях постоянно меняющегося цифрового ландшафта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 609 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 327 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. – Москва: Республика: Культурная революция, 2006. – 268 с.
4. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляции. – Москва: Постум, 2015. – 238 с.
5. Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 224 с.
6. Агабен Дж. Профанации. – М.: Гилея, 2014. – 147 с.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. – 464 с.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
9. Терлецкий В.А. Идеология космополитизма в современном информационном обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 69–78. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727.
10. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.
11. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
13. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
14. Хантингтон С. Здоровый национализм // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20011112-hun.html> (дата обращения 06.05.2024).
15. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. – 2007. – № 1. – P. 238–266.

Информация об авторах

Владислав Александрович Терлецкий, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Поступила в редакцию: 20.06.2024

Поступила после рецензирования: 20.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Castells M. *The Information age: economy, society, and culture*. Moscow, HSE Press, 2000. 609 p. (In Russ.)
2. Castells M. *The Internet galaxy*. Ekaterinburg, U-Faktoria Publ. House, 2004. 327 p. (In Russ.)

3. Baudrillard J. *Consumer society: its myths and structures*. Moscow, Respublika Publ., Cultural Revolution Publ., 2006. 268 p. (In Russ.)
4. Baudrillard Jean. *Simulacra and simulations*. Moscow, Postum Publ., 2015. 238 p. (In Russ.)
5. Butler J. *The power of nonviolence: the link between ethics and politics*. Moscow, Higher School of Economics Publ. House, 2022. 224 p. (In Russ.)
6. Agabmen J. *Profanations*. Moscow, Gilea Publ. House, 2014. 147 p.
7. McLuhan M. *Understanding media: external extensions of man*. Moscow, Canon-Press-C Publ. House, 2003. 464 p. (In Russ.)
8. Bauman Z. *Individualized society*. Moscow, Logos Publ. House, 2005. 390 p. (In Russ.)
9. Terletsky V.A. Ideology of cosmopolitanism in the modern information society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 69–78. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727.
10. Habermas J. *The Shattered West*. Moscow, Ves Mir Publ. House, 2008. 192 p. (In Russ.)
11. Habermas J. *Political works*. Moscow, Praxis Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)
12. Habermas J. *Involving the other: essays on political theory*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 417 p. (In Russ.)
13. Rorty R. *Chance, irony, and solidarity*. Moscow, Russian Phenomenological Society Publ., 1996. 282 p. (In Russ.)
14. Huntington S. Healthy nationalism. *Russian Journal*. Available at: <http://old.russ.ru/politics/20011112-hun.html> (accessed 6 May 2024).
15. Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 2007, no. 1, pp. 238–266.

Information about the authors

Vladislav A. Terletsky, Postgraduate Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Received: 20.06.2024

Revised: 20.08.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 339.138:004:005.8

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1879

Шифр специальности ВАК: 5.2.6

ИТ-продукт: уточнение понятия

В.С. Николаенко^{1,2,3}✉

¹ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, г. Томск*

² *Томский политехнический университет, Россия, г. Томск*

³ *Сибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Томск*

✉ valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Аннотация. *Цель:* гармонизировать согласованность проектных целей, интересов и ожиданий заинтересованных сторон, а также снизить вероятность материализации комплаенс-рисков и проектных рисков за счет уточнения понятия «ИТ-продукт». Для достижения поставленной цели автором был проведен анализ абсолютных синонимов и близких по смыслу понятий, которые применяются ИТ-субъектами (ОКВЭД: 62.0) во время создания программ для ЭВМ. *Методы:* анализ национальных стандартов и судебной практики ИТ-субъектов. Было установлено, что ИТ-продукт является объектом, который может быть ИТ-услугой либо совокупностью ИТ-результатов, полученных по завершении спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контракта. Анализ 192 судебных решений и бизнес-деятельности 495 ИТ-субъектов Томской области показал, что предлагаемое автором уточнение универсально и может без комплаенс-последствий заменять понятия, которые характеризуют ИТ-объекты. Кроме того, уточненная формация понятия также указывает на необходимость учета ряда комплаенс-особенностей создания ИТ-продуктов в рамках выполнения ИТ-проектов, таких как документальное сопровождение перехода прав собственности на ИТ-продукт, отчуждение либо переход исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности от одного субъекта к другому субъекту и пр.

Ключевые слова: управление проектами, ИТ-продукт, ИТ-проект, ИТ-субъект, риск, комплаенс-риск, проектный риск

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», проект FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Николаенко В.С. ИТ-продукт: уточнение понятия // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 136–145. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1879

UDC 339.138:004:005.8

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1879

IT-product: clarification of the concept

Valentin S. Nikolaenko^{1,2,3}✉

¹ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

✉ valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Abstract. Aim. To clarify the concept of «IT-product», which will harmonize the consistency of project goals, interests and expectations of stakeholders, as well as reduce the likelihood of compliance and project risks materializing. To achieve this goal, the author carried out an analysis of absolute synonyms and similar concepts that are used by IT-subjects during the creation of computer programs. The methodological basis for the study was the theory of project management, including in the field of IT. **Methods.** Analysis of national standards and analysis of judicial practice of IT-entities. Based on the research, it was established that an IT-product is an object that can be an IT-service or a set of IT-results obtained at the completion of sprints, phases of the life cycle of an IT-project and (or) a contract. An analysis of 192 court decisions and business activities of 495 IT-entities in the Tomsk region showed that the clarification proposed by the author is universal and can replace the concepts that characterize IT-entities without compliance consequences. In addition, the refined formulation of the concept also indicates the need to take into account a number of compliance features of the creation of IT-products as part of the implementation of IT-projects. In particular, the need to document the transfer of ownership rights to an IT-product, alienation or transfer of exclusive rights to the created result of intellectual activity from one entity to another entity etc.

Keywords: project management, IT-product, IT-project, IT-subject, risk, compliance risk, project risk

Acknowledgements: The work was performed within the framework of the state task «Nauka», the FEWM-2023-0013 project.

For citation: Nikolaenko V.S. IT-product: clarification of the concept. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 136–145. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1879

Введение

Во время разработки компьютерного программного обеспечения (ПО) и оказания консультационных услуг в данной области (далее – ИТ-продуктов) в рамках выполнения ИТ-проектов разобщенность понятийного аппарата может привести к несогласованности ожиданий заинтересованных сторон, низкому качеству проектной документации и наступлению других более тяжелых комплаенс-последствий [1, 2]. Например, в деле № А40-137591/21-105-605 [3] некорректно определенный ИТ-продукт не позволил заинтересованным сторонам достигнуть согласия по всем существенным условиям и причинил ущерб в размере 1,5 млн руб. В качестве других примеров схожих проблем можно привести дела № А67-3080/2011 [4] (ущерб – 125,5 тыс. руб.), № А67-8923/2015 [5] (ущерб – 235,5 тыс. руб.), № А19-9305/2014 [6] (ущерб – 170,1 тыс. руб.), № А55-9384/2018 [7] (ущерб – 39,2 тыс. руб.) и др.

Несмотря на легальное определение, зафиксированное в ст. 1 261 ГК РФ, в научной и профессиональной литературе используется множество разрозненных понятий описывающих объекты, которые создаются во время выполнения ИТ-проектов. В частности, «программное обеспечение», «софт», «программный продукт», «информационная система» и др. [8–13].

Из вышесказанного следует, что для элиминирования рисков, связанных с разобщенностью терминологического аппарата, требуется описать понятие, которое характеризует объекты, создаваемые в рамках выполнения спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов. В этой связи цель статьи – уточнить понятие «ИТ-продукт», которое позволит гармонизировать согласованность проектных целей и ожиданий заинтересованных сторон, а также снизить вероятность материализации комплаенс-рисков и проектных рисков.

Понятия и определения объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов

Для достижения поставленной цели автором статьи был проведен анализ понятий объектов, создаваемых субъектами предпринимательской деятельности (ОКВЭД: 62.0) и занятых разработкой компьютерного программного обеспечения и оказанием консультационных услуг в данной области (далее – ИТ-субъекты). Результаты анализа представлены в таблице.

Таблица. Понятия объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов

Table. Concepts of objects created as part of sprints, phases of the IT project life cycle and (or) contracts

Понятие/Concept	Источник/Source
Софт/Soft	[14]
Программное обеспечение (ПО) Software	[15]
	[16]
	[17]
	[17]
Программа (компьютерная программа, программный код) Program (computer program, program code)	[17]
Программное средство (ПС)/Software tool	[18]
Программный продукт (ПП)/Software product	[18]
Программно-аппаратное средство (ПАС)/Software and hardware	[19]
Программное изделие (ПИ)/Software product	[20]
Программное изделие автоматизированных систем (ПИАС) Software product for automated systems	[21]
Автоматизированная система (АС)/Automated system	[21]
Информационная система (ИС) Information system	[22]
	[23]
Информационно-вычислительная система (ИВС) Information and computing system	[24]
Корпоративная информационная система (КИС)/Corporate information system	[25–27]
ИТ-результат/IT result	[28]
ИТ-услуга/IT service	[29, 30]
ИТ-продукт/IT product	[31]
Программа для ЭВМ/Computer program	[39]

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рассмотрим понятия и определения объектов, создаваемых в рамках выполнения ИТ-проектов подробнее.

1958 г. считается годом, когда впервые было использовано понятие «софт» (software). В частности, Дж. Тьюки из Принстонского университета в своей статье «The Teaching of Concrete Mathematics» назвал «софт» программным обеспечением, состоящим из совокупности команд, которые необходимы для работы цифровых устройств.

Важно отметить, что сегодня данная точка зрения противоречит стандартам. Согласно стандарту ISO/IEC 2382-1 программное обеспечение – это совокупность, компьютерных команд и набора соответствующей документации, которая необходима для обработки компьютерной информации. В более поздних версиях к совокупности компьютерных команд и набору документации были добавлены базы данных (БД).

Отечественная практика, напротив, говорит о том, что «софт» и «программное обеспечение» являются синонимами. Согласно ГОСТ 19781 под ПО принято понимать совокупность программ системы обработки компьютерной информации и программных документов. В соответствии с ГОСТ 19781 программа (компьютерная программа, программный код) – это данные, предназначенные для управления компонентами системы обработки компьютерной информации.

Понятие «ПО» получило большое распространение на территории РФ, где к программному обеспечению часто относят офисные пакеты, операционные системы, библиотеки данных и пр. [32]. Анализ классификатора ПО и БД показал, что понятие «ПО» охватывает значительный объем объектов, создаваемых в рамках выполнения ИТ-проектов. Однако между заинтересованными сторонами ИТ-проектов могут возникать и иные отношения [33]. Например, отношения, связанные с оказанием услуг по сопровождению ПО либо образова-

тельных и консультационных услуг. На основании этого можно сделать вывод, что «ПО» нельзя использовать как универсальное понятие, включающее объекты, которые создаются ИТ-субъектами. В этой связи продолжим анализ понятий и определений объектов, зафиксированных в таблице.

Согласно ГОСТ 28806 программное средство – это объект, состоящий из программ, процедур, правил, а также документации и БД. В силу требований ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 12182 ПС включают в себя 16 видов, где вид – это множество соответствующих классов, а класс (category) – это определенный классификационный фрагмент, выделенный на основе одной или нескольких характеристик. Отдельные виды ПС имеют свои собственные названия, например, программно-аппаратные средства и программные продукты (software product). Как указано в ГОСТ Р ИСО/МЭК 9126 и ГОСТ 28806 ПАС – это компьютерные программы и данные, которые не могут изменяться пользователем. ПП – это компьютерные программы и данные, которые предназначены для поставки, передачи и продажи пользователю (клиенту).

В профессиональной литературе также можно встретить иные понятия, которые описывают объекты, создаваемые в рамках ИТ-проектов [34, 35].

Под информационной системой (ИС) в ГОСТ 33707 понимается система, предназначенная для хранения, поиска и обработки информации. Главной ее целью является своевременное обеспечение информацией пользователя, например, если он желает оперативно получить необходимые документы.

Другое определение ИС закреплено в ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ. В частности, ИС – это совокупность информации, содержащейся в БД, и информационные технологии, которые обрабатывают эту информацию.

Разновидностью ИС является *информационно-вычислительная система* (ИВС). Согласно ГОСТ Р 53622 ИВС – это совокупность данных, систем управления БД и прикладных программ, функционирующих на вычислительных средствах как единое целое для решения определенных задач. Другим видом ИС является *корпоративная информационная система* (КИС). КИС – это ИС, автоматизирующие бизнес-процессы и удовлетворяющие информационные потребности пользователей. В работах [25–27] отмечается, что в организациях часто одновременно функционируют несколько различных КИС, которые решают отдельные группы задач: планирование ресурсов организации (Enterprise Resource Planning, ERP); управление взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management, CRM); поддержка принятия решений (On-Line Analytical Processing, OLAP) и др.

В трудах К.О. Кузнецовой, Е.А. Черновой, В.Р. Майера и Р.Ф. Гарифуллина ИТ-результат представляется как некий результат работ, который разрабатывается по заранее согласованному заданию в рамках договора подряда [28]. Важно отметить, что помимо комплаенс-особенностей объекты, созданные во время выполнения ИТ-проектов, обладают определенными технологическими особенностями, например инкрементностью. Свойство инкрементности заключается в возможности добавления в программный код новых данных и команд с целью расширения его функциональных возможностей и исправления программных ошибок (bug). Ярким примером инкрементности программного кода является компьютерная игра Cyberpunk 2077, выпуск которой состоялся в конце 2020 г. Несмотря на относительную давность релиза итоговой версии игры, организация-разработчик CD Projekt RED систематически выпускает обновления [36].

Из вышесказанного следует, что под ИТ-результатом следует понимать не только конечный продукт, который был создан ИТ-субъектом по договору подряда, но и некий промежуточный результат, который, например, был получен по завершении спринта. Под спринтом (sprint) понимается временной интервал, в течение которого команда ИТ-проекта выполняет запланированный объем работы [37].

Согласно работам [29, 30] ИТ-услугами принято называть действия, которые направлены на обеспечение бесперебойного функционирования информационной системы. Проанализировав более дюжины различных определений, ученые пришли к выводу, что к ИТ-услугам относятся техническое сопровождение программных объектов, их декомпилирование, реасамблирование, реинжиниринг и иные модификации ИТ-продуктов, а также обучение пользователей.

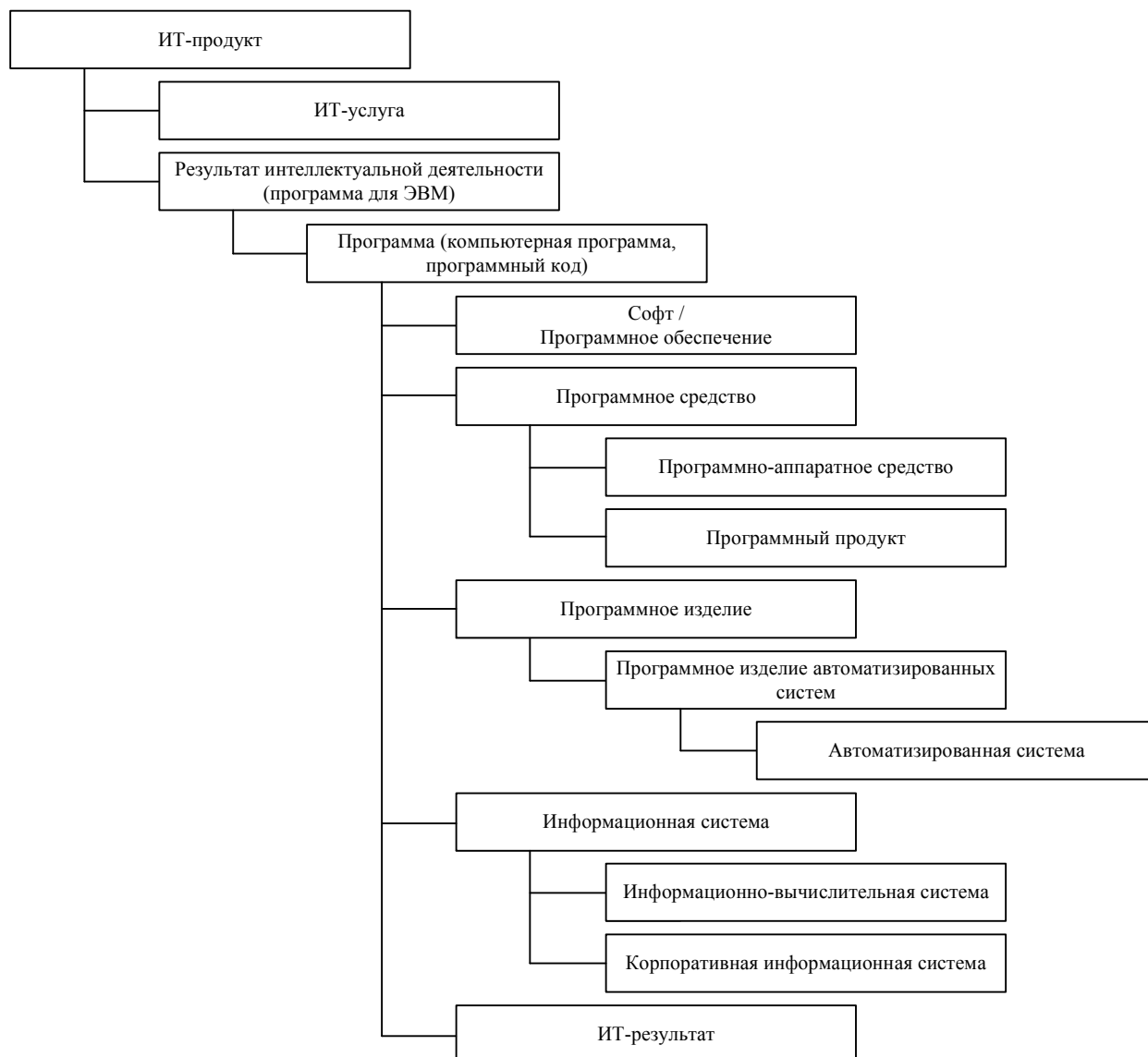
Критический анализ понятий и определений, представленных в таблице, показал, что для элиминирования рисков, которые связаны с разобщенностью терминологического аппарата объектов, создаваемых в рамках выполнения ИТ-проектов, необходимо использовать понятие «ИТ-продукт». Нужно сказать, что в п. 4.16 Распоряжения ОАО «РЖД» № 480р дается легальное определение этому понятию. В частности, ИТ-продукт – это совокупность программных, программно-аппаратных и (или) аппаратных средств области ИТ, предназначенных для использования или включения в различные ИТ-системы и автоматизированные информационные и телекоммуникационные системы. Следует признать, что данное определение не учитывает многие технологические и комплаенс-особенности области ИТ, например инкрементность, когда совокупность ИТ-результатов собирается в итоговую «релизную» версию [38]. Либо переход исключительного права от правообладателя к приобретателю права.

Уточненное определение понятия «ИТ-продукт» позволяет систематизировать понятия объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов. Предлагаемая систематизация представляет ИТ-продукт как объект, который состоит из двух частей – ИТ-услуга и РИД (программа для ЭВМ). Подобная квантификация обусловлена рассматриваемой комплаенс-особенностью, где в рамках контракта ИТ-субъект обязан оказать ИТ-услугу либо создать РИД. В случае смешенного контракта ИТ-субъект может разработать ИТ-продукт на одном этапе, а на другом – оказать ИТ-услугу, например провести обучение пользователей или обеспечить техническое сопровождение ИТ-продукта. Также стоит отметить, что согласно ст. 1 261 ГК РФ РИД является программной (компьютерной программной, программным кодом). Учитывая тот факт, что программное обеспечение, программное средство, ИТ-результат и другие понятия, представленные в таблице, являются совокупностью программ, можно сделать вывод, что «программа» – это агрегирующее понятие.

Пример систематизации объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов, представлен на рисунке.

На основании систематизации понятий объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов автор настоящей статьи предлагает под ИТ-продуктом понимать объект, который может быть ИТ-услугой либо совокупностью ИТ-результатов, полученных по завершении спринта, фазы жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контракта. Анализ 192 судебных решений и бизнес-деятельности 495 ИТ-субъектов Томской области (ОКВЭД: 62.0) показал, что предлагаемое понятие «ИТ-продукт» является универсальным, может без комплаенс-последствий заменять понятия, которые описывают объекты, создаваемые в области ИТ (софт, ПО, ПС, ПП, ПАС, ПЗ, АС, ИТ-услуга, ИТ-результат и др.), и элиминировать риски, связанные с разобщенностью терминологического аппарата у заинтересованных сторон.

Важно отметить, что согласно действующему законодательству (гл. 69, 70 ГК РФ) ИТ-продукт – это сложный правовой объект, который одновременно является овеществленным результатом, выражающимся в форме программного кода, и результатом интеллектуальной детальности. Подобные особенности ИТ-продуктов могут инициировать наступление комплаенс-проблем различного масштаба и характера: например, риск нарушения авторских прав, риск того, что правообладатель запретит использовать РИД, риск взыскания правообладателем убытков (компенсации) за нарушение прав на РИД, риск невозможности признания прав на РИД за правообладателем и пр.

Источник: составлено автором.
Compiled by the author

Рисунок. Систематизация понятий объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов
Figure. Systematization of the concepts of objects created within the framework of sprints, phases of the IT project life cycle and (or) contracts

Заключение

В рамках проведенного анализа автор настоящей статьи осуществил уточнение понятия «ИТ-продукт», что позволило гармонизировать согласованность проектных целей и ожиданий заинтересованных сторон, а также снизить вероятность материализации комплаенс-рисков и проектных рисков. Предлагаемое уточнение дает возможность сформулировать ряд особенностей создания ИТ-продуктов (оказания ИТ-услуг, поставки ИТ-товаров), которые обеспечивают повышение результативности и эффективности выполнения трудовых функций руководителей проектов в области ИТ (Профстандарт: 06.016). К данным особенностям можно отнести, например, обязательный переход права собственности и исключительного права на ИТ-продукт на фазе жизненного цикла «окончание ИТ-проекта» и документальное сопровождение этого перехода.

Кроме того, по итогам проведенного исследования была предложена систематизация понятий объектов, создаваемых в рамках спринтов, фаз жизненного цикла ИТ-проекта и (или) контрактов, повышающая качество проектной документации, уточнение «картины ожиданий» у заинтересованных сторон, а также ревалоризацию ковенантов текста договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаенко В.С. Негативные и позитивные риски в ИТ-проектах // Вестник московского университета. Серия 21 «Управление (государство и общество)». – 2018. – № 3. – С. 91–124.
2. Николаенко В.С. Проект отечественного стандарта управления рисками // Инновации в менеджменте. – 2020. – № 3 (25). – С. 40–49.
3. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-137591/21-105-605 от 29.04.2022 г. URL: <https://clck.ru/m5ZRV> (дата обращения 10.02.2024).
4. Решение Арбитражного суда Томской области по делу № А67-3080/2011 от 09.11.2022 г. URL: <https://clck.ru/kKntE> (дата обращения 10.02.2024).
5. Решение Арбитражного суда Томской области по делу № А67-8923/2015 от 17.02.2016 г. URL: <https://clck.ru/kS9ZS> (дата обращения 10.02.2024).
6. Решение Арбитражного суда Иркутской области по делу № А19-9305/2014 от 29.01.2015 г. URL: <https://clck.ru/jf2No> (дата обращения 10.02.2024).
7. Решение Арбитражного суда Самарской области по делу № А55-9384/2018 от 26.09.2018 г. URL: <https://clck.ru/jeqZv> (дата обращения 10.02.2024).
8. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: эскизы общей теории: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 160 с.
9. Чурилов А.Ю. Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (132). – С. 94–101.
10. Сарычева Ю.С., Фирсова Н.В. Виды лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ // Международных журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 9-2 (48). – С. 186–190.
11. Крыцула А. А. Правовой режим смарт-контрактов: код или договор // Российский государственный университет правосудия. – 2022. – № 56. – С. 239–267.
12. Лосева А.П. Программа для ЭВМ как объект интеллектуальной собственности // Молодой ученый. – 2021. – № 18 (360). – С. 423–426.
13. Инюшкин А.А. Характеристика ИТ-продуктов в системе объектов интеллектуальной собственности // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 32–36.
14. Leonhardt D. John Tukey, 85, Statistician; Coined the Word «Software» // The New York Times, 2000. URL: <https://clck.ru/337gT6> (дата обращения 10.02.2024).
15. ISO/IEC 2382-1:1993. Information technology – Vocabulary – Part 1: Fundamental terms. – 32 p.
16. ISO/IEC 26514:2008. Systems and software engineering – Requirements for designers and developers of user documentation. – 143 p.
17. ГОСТ 19781-90. Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 2010. – 14 с.
18. ГОСТ 28806-90. Качество программных средств. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009077> (дата обращения 10.02.2024).
19. ГОСТ Р ИСО/МЭК 9126-93. Информационная технология. Оценка программной продукции. Характеристики качества и руководства по их применению. – М.: ГОССТАНДАРТ РОССИИ, 2004. – 12 с.
20. ГОСТ Р 51189-98. Средства программные систем вооружения. Порядок разработки. – М.: Стандартинформ, 1999. – 16 с.
21. ГОСТ 34.003-90. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 2010. – 16 с.
22. ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015). Информационные технологии. Словарь. Information technologies. Vocabulary. – М.: Стандартинформ, 2016. – 206 с.
23. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: <https://clck.ru/ggWjK> (дата обращения 10.02.2024).
24. ГОСТ Р 53622-2009. Информационные технологии. Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплексность документов. – М.: Стандартинформ, 2011. – 12 с.
25. Коваленко В.В. Проектирование информационных систем. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2018. – 320 с.
26. Коваленко В.В., Ключков А.Я., Левина Т.А. Автоматизация основных функций систем менеджмента качества // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016. – № 7. – С. 107–114.

27. Коваленко В.В., Чокла Д.С. Трансформация процессов и организационной структуры WEB-системы модельного бизнеса по результатам бизнес-анализа // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2020. – Рязань: BookJet, 2020. – С. 195–198.
28. Информационный менеджмент / К.О. Кузнецова, Е.А. Чернова, В.Р. Майер, Р.Ф. Гарифуллин // Интернаука. – 2022. – № 40-4 (263). – С. 54–55.
29. Полякова Н.В., Поляков В.В., Обухова А.А. ИТ-услуга: определения, свойства, структура // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 5 (91). – С. 62–68.
30. Гаязов И.Р. К вопросу о модификации программ для ЭВМ // Интернаука. – 2022. – № 22-6 (245). – С. 21–32.
31. Об утверждении стандарта ОАО «РЖД» «Управление информационной безопасностью. Общие положения»: распоряжение ОАО «РЖД» от 11.03.2009 № 480-р. URL: <https://clck.ru/sQ6zr> (дата обращения 10.02.2024).
32. Михайленко К.А., Ковалева К.А. Обзор и анализ развития программного обеспечения // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – М.: Институт развития образования и консалтинга, 2021. – С. 52–55.
33. Nikolaenko V., Sidorov A. Analysis of 105 IT Project Risks // Journal of Risk and Financial Management. – 2023. – Vol. 16 (1). – № 33. – P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm16010033>.
34. Копылов А.Ю. Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторских прав // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 10-1. – С. 106–112.
35. Котовщиков А.В. Программы для ЭВМ в системе объектов исключительных прав // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства: сборник статей V Межвузовской научно-практической конференции им. К.И. Малышева. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2017. – С. 75–78.
36. Cyberpunk 2077 от создателей игры Ведьмак 3: Дикая Охота. URL: <https://www.cyberpunk.net/ru/ru/> (дата обращения 10.02.2024).
37. Лобзов А.В. Использование методов линейного программирования для формирования бэклога спринта scrum-команды // Управление проектами и программами. – 2023. – № 3. – С. 210–221.
38. Вигерс К., Битти Д. Разработка требований к программному обеспечению. – СПб.: БХВ, 2022. – 736 с.
39. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Комментарий к последним изменениям. – М.: АБАК, 2019. – 752 с.

Информация об авторах

Валентин Сергеевич Николаенко, кандидат экономических наук, доцент кафедры автоматизации обработки информации Факультета систем управления Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; доцент отделения управления бизнесом и инновациями Бизнес-школы Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; доцент кафедры экономики, социологии, политологии и права Института интегративного здравоохранения Сибирского государственного медицинского университета, Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 2; valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Поступила в редакцию: 25.06.2024

Поступила после рецензирования: 10.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Nikolaenko V.S. Negative and positive risks in IT projects. *Bulletin of Moscow University. Series 21 "Management (state and society)"*, 2018, no. 3, pp. 91–124. (In Russ.)
2. Nikolaenko V.S. Project national risk-management standard. *Innovations in Management*, 2020, no. 3 (25), pp. 40–49. (In Russ.)
3. *Decision of the Arbitration Court of Moscow in case No. A40-137591/21-105-605 dated 29.04.2022*. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/m5ZRV> (accessed 10 February 2024).
4. *Decision of the Arbitration Court of Tomsk Oblast in case No. A67-3080/2011 dated 09.11.2022*. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/kKntE> (accessed 10 February 2024).
5. *Decision of the Arbitration Court of Tomsk Oblast in case No. A67-8923/2015 dated 17.02.2016*. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/kS9ZS> (accessed 10 February 2024).
6. *Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region in case No. A19-9305/2014 dated 29.01.2015*. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/jf2No> (accessed 10 February 2024).
7. *Decision of the Arbitration Court of the Samara Region in case No. A55-9384/2018 dated 26.09.2018*. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/jeqZv> (accessed 10 February 2024).

8. Orekhov A.M. *Intellectual property: sketches of the general theory*. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 160 p. (In Russ.)
9. Churilov A.Yu. Problems of protection of computer programs. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2022, no. 1 (132), pp. 94–101. (In Russ.)
10. Sarycheva Yu.S., Firsova N.V. Types of license agreement for the right to use a computer program. *International journal of humanitarian and natural sciences*. 2020, no. 9-2 (48), pp. 186–190. (In Russ.)
11. Krytsula A.A. Legal regime of smart contracts: code or agreement. *Russian State University of Justice*, 2022, no. 56, pp. 239–267. (In Russ.)
12. Loseva A.P. Computer program as an object of intellectual property. *Young scientist*, 2021, no. 18 (360), pp. 423–426. (In Russ.)
13. Inyushkin A.A. Characteristics of IT products in the system of intellectual property objects. *Legal Bulletin of Samara University*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.)
14. Leonhardt D. John Tukey, 85, Statistician; Coined the Word «Software». *The New York Times*, 2000. Available at: <https://clck.ru/337gT6> (accessed 10 February 2024).
15. ISO/IEC 2382-1:1993. *Information technology – Vocabulary – Part 1: Fundamental terms*. 32 p.
16. ISO/IEC 26514:2008. *Systems and software engineering – Requirements for designers and developers of user documentation*. 143 p.
17. SS 19781-90. *Software support for information processing systems. Terms and definitions*. Moscow, Standartinform Publ., 2010. 14 p. (In Russ.)
18. SS 28806-90. *Software quality. Terms and definitions*. (In Russ.) Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200009077> (accessed 10 February 2024).
19. SS R ISO/IEC 9126-93. *Information technology. Software product evaluation. Quality characteristics and guidelines for their application*. Moscow, Gosstandart of Russia Publ., 2004. 12 p. (In Russ.)
20. SS R 51189-98. *Software tools for weapon systems. Development procedure*. Moscow, Standartinform Publ., 1999. 16 p. (In Russ.)
21. SS 34.003-90. *Information technology. Set of standards for automated systems. Automated systems. Terms and definitions*. Moscow, Standartinform Publ., 2010. 16 p. (In Russ.)
22. SS 33707-2016. (ISO/IEC 2382:2015). *Information technologies. Vocabulary. Vocabulary*. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 206 p. (In Russ.)
23. *On information, information technologies and information protection*. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FL. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/ggWjK> (accessed 10 February 2024).
24. SS R 53622-2009. *Information technologies. Information and computing systems. Stages and phases of the life cycle, types and complexity of documents*. Moscow, Standartinform Publ., 2011. 12 p. (In Russ.)
25. Kovalenko V.V. *Design of information systems*. Moscow, FORUM Publ., INFRA-M Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
26. Kovalenko V.V., Klochkov A.Ya., Levina T.A. Automation of the main functions of quality management systems. *Science and Education: Scientific Publication of Bauman Moscow State Technical University*, 2016, no. 7, pp. 107–114. (In Russ.)
27. Kovalenko V.V., Chokla D.S. Transformation of processes and organizational structure of the WEB-system of model business based on the results of business analysis. *Modern technologies in science and education – STNO-2020*. Ryazan, BookJet Publ., 2020. pp. 195–198. (In Russ.)
28. Kuznetsova K.O., Chernova E.A., Mayer V.R., Garifullin R.F. Information management. *Internauka*, 2022, no. 40-4 (263), pp. 54–55. (In Russ.)
29. Polyakova N.V., Polyakov V.V., Obukhova A.A. IT service: definitions, properties, structure. *Problems of Management Theory and Practice*, 2013, no. 5 (91), pp. 62–68. (In Russ.)
30. Gayazov I.R. On the issue of modifying computer programs. *Internauka*, 2022, no. 22-6 (245), pp. 21–32. (In Russ.)
31. *On approval of the standard of JSC Russian Railways “Information Security Management. General Provisions”*. Order of JSC Russian Railways dated 11.03.2009 No. 480-r. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/sQ6zr> (accessed 10 February 2024).
32. Mikhaylenko K.A., Kovaleva K.A. Review and analysis of software development. *Collection of materials of the II International scientific and practical conference. Actual problems of science and education in the context of modern challenges*. Moscow, Institute for Education Development and Consulting Publ., 2021. pp. 52–55. (In Russ.)
33. Nikolaenko V., Sidorov A. Analysis of 105 IT Project Risks. *Journal of Risk and Financial Management*, 2023, vol. 16 (1), no. 33, pp. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm16010033>
34. Kopylov A.Yu. Main qualifying features of a work as an object of copyright. *Issues of Russian and international law*, 2019, vol. 9, no. 10-1, pp. 106–112. (In Russ.)
35. Kotovshchikov A.V. Computer programs in the system of objects of exclusive rights. *Collection of articles of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference named after K.I. Malyshev. Actual problems of civil law and civil proceedings*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2017. pp. 75–78. (In Russ.)

36. *Cyberpunk 2077 from the creators of the game The Witcher 3: Wild Hunt*. (In Russ.) Available at: <https://www.cyberpunk.net/ru/ru/> (accessed 10 February 2024).
37. Lobzov A.V. Using linear programming methods to generate a scrum team sprint backlog. *Project and Program Management*, 2023, no. 3, pp. 210–221. (In Russ.)
38. Wiegiers K., Beatty D. *Software requirements development*. St. Petersburg, BHV Publ., 2022. 736 p. (In Russ.)
39. *Civil Code of the Russian Federation. Comment on the latest changes*. Moscow, ABAK Publ., 2019. 752 p.

Information about the authors

Valentin S. Nikolaenko, Cand. Sc., Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Siberian State Medical University, 2, Moskovsky tract, Tomsk, 634050, Russian Federation; valentin.s.nikolaenko@tusur.ru

Received: 25.06.2024

Revised: 10.09.2024

Accepted: 30.09.2024

УДК 331.526.024.5:330.101.541
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1834
Шифр специальности ВАК: 08.00.11

Кадровый дефицит, влияние низкого уровня безработицы на макроэкономические показатели

Д.М. Арефьев✉, А.В. Жаворонок

Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

✉dma8@tpu.ru

Аннотация. Кадровый дефицит привёл к росту зарплат, снижению производительности и увеличению инфляции. Это затрудняет развитие бизнеса и внедрение новых технологий. Анализируются позитивные и негативные аспекты данного явления с учетом его воздействия на макроэкономическую стабильность и перспективы экономического роста. **Цель:** изучить причины, а также последствия кадрового дефицита для таких показателей, как инфляция и ВВП. На основе полученных данных спрогнозировать значение некоторых макроэкономических показателей 2024 г. **Методы:** сравнительный и ретроспективный анализ статистических данных с выявлением определенных закономерностей, составление модифицированного уравнения Филипса для прогноза макроэкономических показателей. **Результаты:** сбор и оценка статистических данных по уровню безработицы; выяснение причин снижения уровня безработицы, нахождение среднего темпа изменения инфляции до проведения карантинных мер и после.

Ключевые слова: Российская Федерация, Росстат, безработица, занятость, рабочая сила, инфляция, макроэкономика, статистика

Для цитирования: Арефьев Д.М., Жаворонок А.В. Кадровый дефицит, влияние низкого уровня безработицы на макроэкономические показатели // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 146–155. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1834

UDC 331.526.024.5:330.101.541
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1834
Шифр специальности ВАК: 08.00.11

Personnel shortage. Impact of low unemployment on macroeconomic indicators

D.M. Arefev✉, A.V. Zhavoronok

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉dma8@tpu.ru

Abstract. The effects of staff shortage on the economy include wage growth, improved productivity, inflation control, and development of new markets. The positive and negative aspects of this phenomenon are analyzed, taking into account its impact on macroeconomic stability and prospects for economic growth. **Aim.** To study the causes and consequences of staff shortage for indicators such as inflation and GDP. Based on the data obtained, predict the value of some macroeconomic indicators by 2024. **Methods.** Comparative and retrospective analysis of statistical data with the identification of certain patterns, compilation of a modified Philips equation for fore-

casting macroeconomic indicators. **Results.** The authors have collected and evaluated statistical data on the unemployment rate, found out the causes and average rate of change in inflation before and after quarantine measures.

Keywords: Russian Federation, Rosstat, unemployment, employment, labor force, inflation, macroeconomics, statistics

For citation: Arefev D.M., Zhavoronok A.V. Personnel shortage. Impact of low unemployment on macroeconomic indicators. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 146–155. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1834

Введение

Положение на рынке труда имеет прямое и значительное влияние на такие макроэкономические показатели, как инфляция и ключевая ставка. Анализ причин и прогнозирование последствий данных значений являются одним из приоритетов в деятельности Центрального Банка России. Важно понимать, что способствовало возникновению рекордно низких показателей уровня безработицы и насколько велико значение этого факта для экономики. Для наибольшей объективности требуется выявить все аспекты данного явления с учетом его воздействия на макроэкономическую стабильность и перспективы экономического роста. В частности, необходимо изучить динамику занятости и уровня безработицы: как меняются эти показатели, какие факторы на них влияют, какие тренды наблюдаются; проанализировать структуру занятости – какие отрасли являются наиболее востребованными, какие профессии испытывают дефицит кадров; оценить уровень зарплат – как меняются зарплаты в разных отраслях, какое влияние на них оказывают инфляция и ключевая ставка, какие тенденции наблюдаются; спрогнозировать будущие тренды на рынке труда – какие изменения ожидаются в ближайшем будущем, какие профессии будут наиболее востребованными, как преобразуется структура занятости, какие риски существуют. Только комплексный анализ всех этих аспектов позволит понять влияние рынка труда на макроэкономическую стабильность и сформулировать эффективные рекомендации для политики государства и бизнеса.

Текущие показатели уровня безработицы

По информации Росстата, в феврале 2024 г. уровень безработицы достиг рекордного значения – 2,8 % (2,9 % – в январе 2024 г.). Для более наглядного результата был построен график изменения уровня безработицы. В качестве точек на график использовались статистические данные за март (начало года) и декабрь (конец года). Данный способ предполагает возможность оценить общий тренд, который заключается в практически линейном понижении показателя безработицы. Из общего тренда выделяется период проведения карантинных мер COVID-19. На графике (рис. 1) видно, что через полтора года после введения соответствующих мер уровень безработицы вернулся к тренду сокращения.

Значения уровня безработицы в марте 2017, 2018, 2019, 2020 гг. были взяты из исследований Росстата рынка труда за данный период [2]. В декабре 2017, 2018 гг. – из выборочного исследования Росстата [3]. В декабре 2019 и 2020 гг. – по результатам обследования рабочей силы Росстата [4]. В марте и декабре 2021 гг. – по итогам обследования рабочей силы, проведенного Росстатом [5]. Данные для последующих периодов – 2022 и 2023 гг. были взяты из выборочного обследования рабочей силы Росстата [6]. На основании данных, представленных в таблице, можно сделать вывод о наличии понижающей динамики.

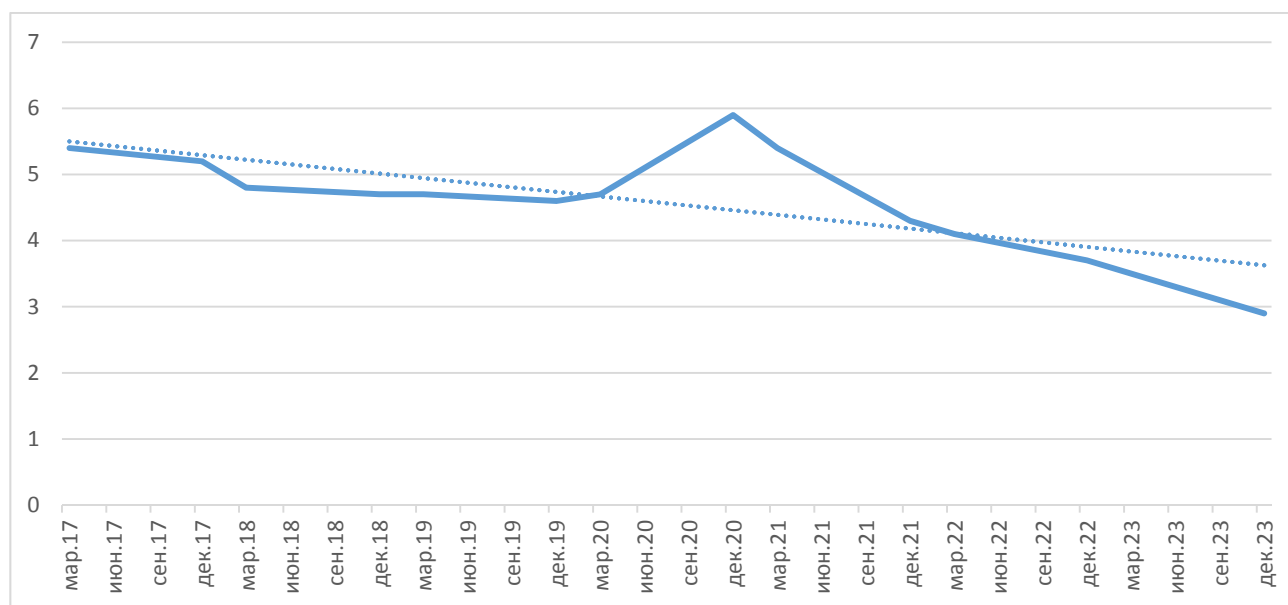
Таблица. Уровень безработицы с 2017 по 2023 г.
Table. Unemployment rate from 2017 to 2023

Начало периода, март Beginning of period, March	Безработица, % Unemployment, %	Конец периода, декабрь End of period, December	Безработица, % Unemployment, %
2017	5,4	2017	5,2
2018	4,8	2018	4,7
2019	4,7	2019	4,6
2020	4,7	2020	5,9
2021	5,4	2021	4,3
2022	4,1	2022	3,7
2023	3,5	2023	2,9

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Для визуализации информации был построен график изменения уровня безработицы. В качестве точек на графике использовались статистические данные за март (начало года) и декабрь (конец года). Данный способ предполагает возможность оценить общий тренд, который заключается в практически линейном понижении показателя уровня безработицы. Из общего тренда сильно выделяется период проведения карантинных мер COVID-19. Существуют несколько гипотез возникновения кадрового голода, которые сейчас активно рассматривают в экономическом сообществе: рост популярности самозанятости и неполной занятости; последствия демографического кризиса 1990 гг.; эмиграция, возникшая в результате внешнеполитической обстановки; повышенный заказ в оборонном и военно-промышленном комплексе, повышенная смертность преимущественно пожилого населения в период пандемии, последствия реализации пенсионной реформы, мобилизация как фактор увеличения числа занятых – граждане этой категории относятся к числу занятых, тем самым происходит пополнение рабочей силы; замена на рабочем месте мобилизованных граждан, падение курса рубля как фактор уменьшения числа трудовых мигрантов [7].

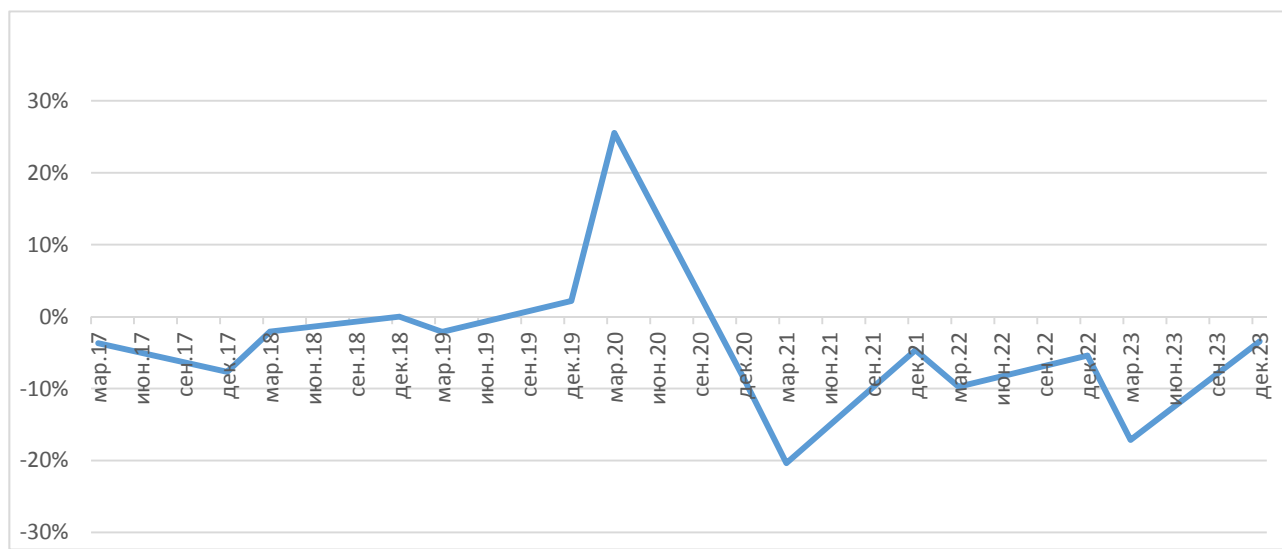

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Уровень безработицы с марта 2017 по декабрь 2023 гг.
Fig. 1. Unemployment rate from March 2017 to December 2023

Несмотря на то, что Международная организация труда (МОТ) приостановила техническое сотрудничество с Российской Федерацией, Росстат продолжает пользоваться методологией подсчета и сбора данных МОТ [8]. Эти методы предназначены для определения уровня безработицы во всех развитых странах, поэтому нельзя отрицать явление снижения уровня безработицы и исследования Росстата. До 2022 г. в медиаполе и научно-исследовательской среде тема дефицита кадров не была так актуальна. Рис. 2 демонстрирует тренд на снижение уровня безработицы. Для более глубокого понимания причин данного снижения следует обратиться к графику изменения безработицы в предыдущий период.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 2. Изменение уровня безработицы с марта 2017 по декабрь 2023 гг. (%)

Fig. 2. Change in unemployment rate from March 2017 to December 2023 (%)

Если отбросить критические изменения, возникшие в результате кризиса рынка труда на фоне пандемии, можно обнаружить именно те тенденции, которые свидетельствуют об ускорении снижения уровня безработицы [9]. Рассмотрим динамику уровня безработицы до локдауна и после. Период до карантина – с марта 2017 по декабрь 2019 гг., после карантина – с марта 2022 по декабрь 2023 гг.

$$\mu_1 = \frac{C_{до}}{n} \times 100 \% = 3 \%,$$

где μ_1 – средний темп снижения уровня безработицы, %; $C_{до}$ – изменение за предыдущий период; n – количество рассматриваемых периодов. Далее по аналогии проводим подсчет для периода после ковидных ограничений в 2022 г. и периода восстановления в 2021 г.

$$\mu_2 = \frac{C_{по}}{n} \times 100 \% = 9,75 \%,$$

где μ_1 – средний темп снижения уровня безработицы, %; $C_{по}$ – изменение за предыдущий период; n – количество рассматриваемых периодов.

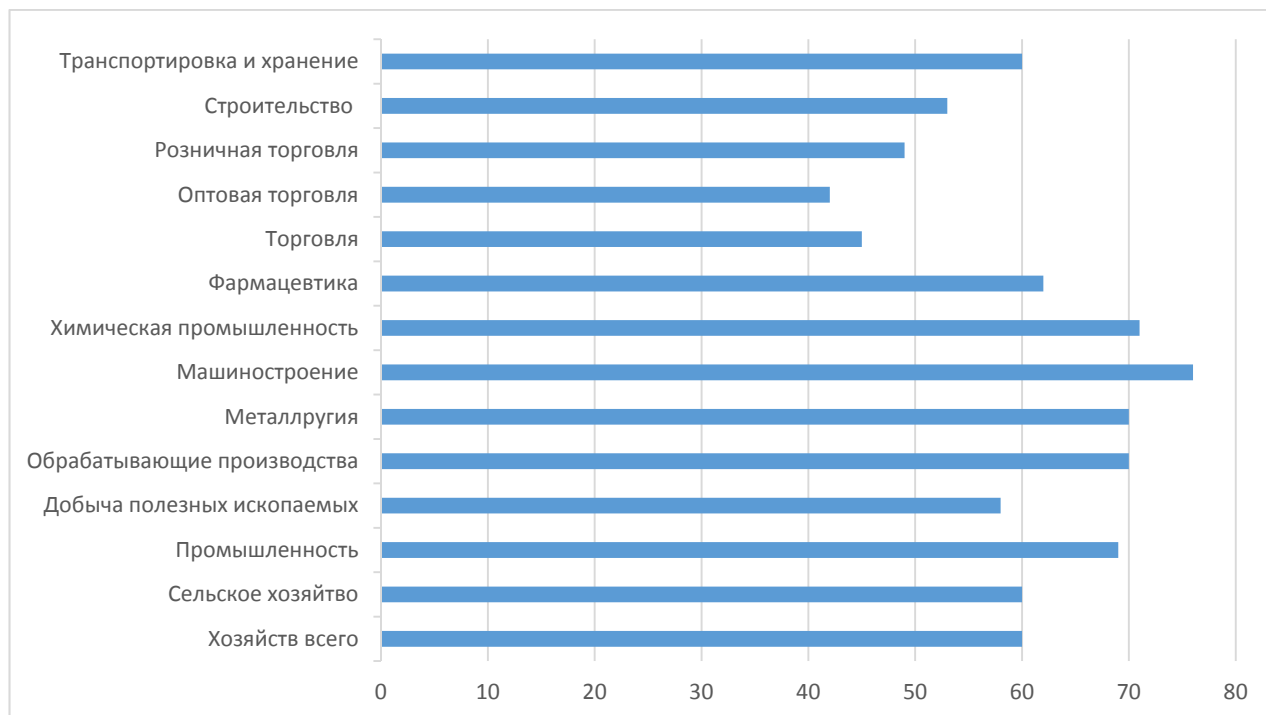
Далее рассчитаем, во сколько раз темп снижения уровня безработицы в период после ковида будет быстрее, чем до локдауна:

$$\frac{\mu_2}{\mu_1} = 3,25.$$

Видно, что темп снижения уровня безработицы ускорился в более чем три раза. Подобный темп можно сравнить с показателями восстановления после COVID-19. Причинами быстрого снижения уровня безработицы после COVID-19 стали процессы восстановления работ компаний, возобновление потребительского спроса и международной торговли. В данный момент подобные явления не наблюдаются, что указывает на наличие других факторов, влияющих на такие показатели.

Усиление дефицита трудовых ресурсов на местных рынках труда стало более заметным. Уровень безработицы достиг исторического минимума, что обусловлено растущим спросом со стороны работодателей при ограниченных возможностях увеличения предложения рабочей силы. Компании активно повышают производительность труда, оптимизируют производственные процессы, стремятся привлекать и обучать молодых сотрудников, а также удерживать опытных специалистов. По данным опросов предприятий, проводимых Банком России, дефицит кадров во второй половине 2023 – I квартале 2024 гг. усилился. К началу апреля 2024 г. доля предприятий, испытывающих дефицит кадров, достигла 70 % (в июле 2023 г. она составляла 56 %). По сравнению с серединой 2023 г. увеличилась нехватка и квалифицированных специалистов, и низкоквалифицированных работников. Возможности увеличения предложения труда ограничены общей убылью населения, в том числе трудоспособного. При этом небольшое увеличение численности рабочей силы в 2023 г. на 0,5 % стало следствием роста уровня участия трудоспособного населения. Этот процесс наблюдался на Урале, в Сибири. В 2023 г. численность иностранных работников, трудоустроенных по патенту и разрешению на работу, хотя и несколько увеличилась по сравнению с 2022 г., но была ниже, чем в 2021 году. Уменьшение числа трудовых мигрантов во многом связано с ослаблением рубля и ужесточением миграционного законодательства для иностранных работников, в том числе из стран Центральной Азии (90 % иностранной рабочей силы) [10]. В первом полугодии 2023 г. спрос на рабочую силу значительно вырос из-за расширения отечественного производства и увеличения государственных заказов. Несмотря на незначительный прирост численности работников, это привело к острой нехватке кадров, особенно заметной в сферах обрабатывающей промышленности, в частности в машиностроении и химической отрасли. В первой половине 2023 г. спрос на рабочую силу значительно возрос из-за активного расширения отечественного производства и увеличения государственных заказов. В результате ухода иностранных компаний с рынка и роста государственных закупок, предприятия столкнулись с нехваткой кадров. Импортозамещающие организации активно набирали сотрудников, стремясь занять рыночные позиции, освободившиеся после ухода иностранных фирм. Например, литейный завод в Республике Карелия увеличил штат сотрудников для серийного производства чугунных деталей для тепловозов, ранее поставляемых из-за рубежа. Производители измерительного оборудования в Челябинской области и шарико-винтовых передач в Республике Башкортостан также активно привлекали новых специалистов для расширения производства и замещения импортной продукции. В Калужской области производитель лазерных систем увеличивал численность персонала, собираясь значительно увеличить объемы производства и полностью заменить импортные аналоги. В условиях дефицита персонала предприятия активно повышали заработные платы, стремясь удержать и привлечь работников. Этот рост заработных плат, в свою очередь, способствовал усилению инфляционного давления [11].

Большое значение на динамику уровня безработицы оказывает изменение рабочей силы. За последние два года этот показатель также претерпел преобразования. Одним из наиболее значимых является поток эмиграции, который достаточно сложно точно подсчитать ввиду недостаточного количества статистических данных. Количество людей, покинувших РФ, можно получить косвенно – через изменение рабочей силы.

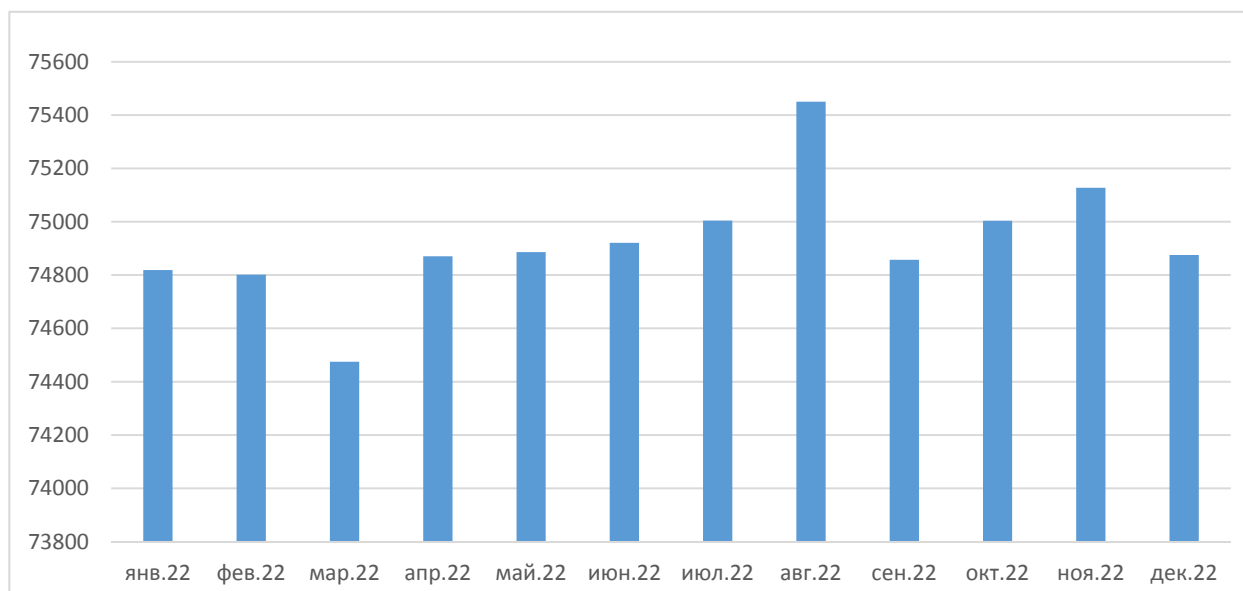

Источник: оперативные опросы предприятий Банка России.

Source: operational surveys of the Bank of Russia enterprises.

Рис. 3. Доля предприятий, испытывающих дефицит кадров
(по данным опроса Банка России в августе 2023 г.), %

Fig. 3. Share of enterprises with personnel shortage
(according to the Bank of Russia survey in August 2023), %

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 4. Рабочая сила с января 2022 по декабрь 2022 гг. (тыс. чел.)

Fig. 4. Labor force from January 2022 to December 2022 (thousand people)

При анализе гистограммы (рис. 4), построенной на данных о рабочей силе в РФ, видно, несколько участков падения [12]. Первый из них – это период февраль–март 2022. Падение рабочей силы за данный период составило 344 тыс. чел. Причинами данного падения являются как эмиграционный поток, так и совпадение с выходом на пенсию мужчин, родившихся во втором полугодии 1960-х гг., а также женщин, рожденных во втором полугодии 1965 г., при этом во второй половине 2022 г. на пенсию никто не выходил [13]. В сентябре 2022 г. наблюдалось значительное снижение рабочей силы – 976 тыс. чел., а так как во второй половине никто не выходил на пенсию, сформированный отток рабочей силы связан в основном именно с потоком эмигрантов.

В качестве дополнительного фактора такого значительного увелечения темпа снижения уровня безработицы нужно отметить такой феномен, как демографическая «яма». В Российской Федерации были преодолены последствия демографической ямы 1990-х гг. лишь недавно. В 2013 г. впервые за долгое время был зафиксирован рост темпов воспроизводства населения, благодаря активной государственной поддержке молодых семей и другим мерам. Однако в 2014 г. страну вновь охватил демографический кризис, приведший к увеличению разрыва между смертностью и рождаемостью, который продолжает сохраняться. По предварительным оценкам, с 2020 по 2024 г. Россия потеряет 1 млн 235 тыс. чел. Ускорение сокращения населения происходит при увеличении уровня смертности и снижении рождаемости. Сегодня в России наблюдается рост смертности на 18,6 % в годовом исчислении из-за первой волны COVID-19 и других скрытых причин, что привело к уходу из жизни 162,8 тыс. чел. [14]. Все вышеперечисленные факторы, такие как эмиграция, последствия демографического кризиса, снижение курса рубля, мобилизация с перетрудоустройством и освобождением рабочих мест для безработных, повышенный спрос в оборонном заказе и ВПК (явление наибольшего кадрового дефицита наблюдаются именно в этих отраслях), оказывают прямое влияние на снижение численности рабочей силы.

Прогноз изменения ВВП в зависимости от уровня безработицы

Ожидается, что численность безработных (по методологии МОТ) в прогнозный период будет постепенно снижаться и стабилизируется на отметке 3,5 млн чел. в 2022–2024 гг. (против 4,3 млн чел. в 2020 г.) с выходом на «естественный» уровень безработицы – около 4,6 % от численности рабочей силы [15]. Используя закон Оукена, проведем расчёты для прогноза ВВП с учетом сохранения темпа снижения уровня безработицы. Значение коэффициента Оукена принято за 0,87 [16]. Проверенные статистические данные по уровню безработицы в марте 2024 г. были взяты из статистики Росстата. Уровень безработицы составила рекордные 2,7 %, что соответствует общему тренду и посчитанному ранее среднему темпу [1]. В случае сохранения текущего темпа снижения уровня безработицы (μ_2) его значение по итогам четвертого квартала 2024 г. составит 2,43 %. За первую половину 2024 г. уровень безработицы достиг 2,7 %, за вторую половину – 2,43 %. Значение уровня безработицы за 2024 г. в таком случае составит 2,56 %. По аналогии получаем, что уровень безработицы за 2023 г. будет равен 3,2 %. Используем разностную формулу закона Оукена:

$$\Delta Y = k - c\Delta u = 1,5 - 2(2,56 - 3,2) = 2,78 \%,$$

где k – потенциальный рост ВВП РФ, %; ΔY – изменение реального ВВП, %; Δu – изменение уровня безработицы, %; c – коэффициент чувствительности ВВП к изменению уровня безработицы [18].

Аналитики, регулярно опрашиваемые Банком России, оценивают потенциальный рост ВВП России в 1,5 % [17]. Полученное значение сравниваем с результатами, полученными экспертами Минэкономразвития. Минэкономразвития РФ улучшило прогноз роста ВВП Рос-

сии в 2024 г. до 2,8 % [19]. Отклонение при данном способе расчётов, основанном исключительно на анализе рынка труда, от официальных источников составляет 0,02 %.

В краткосрочный период существует обратная зависимость между инфляцией и безработицей. Когда уровень безработицы падает, предприятия и работники получают больше доходов, что увеличивает спрос и, следовательно, цены (инфляцию). Для прогнозирования инфляции через безработицу можно использовать различные модели, например модифицированную кривую Филлипса [20]. Один из упрощенных способов анализа включает в себя следующую формулу:

$$\pi_t = \pi_{t-1} + \beta(u_t - u_n) + \epsilon_t = 7,42 + 2 \times (2,56 - 4,6) + 0 = 3,334 \%,$$

где π_t – инфляция в текущий период, %; π_{t-1} – инфляция в предыдущий период, %; β – коэффициент чувствительности инфляции к уровню безработицы; u_t – уровень безработицы в текущий период, %; u_n – естественная безработица, %; ϵ_t – шок предложения или другие временные факторы в данный период, %.

Заключение

Найденное среднее значение изменения уровня безработицы позволило спрогнозировать уровень безработицы на 2024 г. С помощью закона Оукена и был найден прирост реального ВВП – 2,78 %, который полностью совпадает с ожиданиями специалистов Минэкономразвития. Произведён расчёт значения уровня инфляции для 2024 г. Кадровый дефицит сформирован под воздействием нескольких одновременно наложившихся факторов: падение курса рубля, демографический кризис, эмиграционный поток, последствия пенсионной реформы. Также важно отметить, что такое низкое значение уровня безработицы и ее отклонение от естественного уровня является в большей степени негативным фактором для развития экономики. Спрос на рабочую силу и ее дальнейшее удержание предполагает повышение заработной платы и, как следствие, спроса, который увеличивает инфляцию, имеющую ключевое значение для ЦБ, который принял решение проводить жесткую кредитно-денежную политику. Для поддержания ценовой стабильности денежно-кредитная политика будет направлена на дальнейшее снижение устойчивого ценового давления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-экономическое положение России январь–февраль 2024. – Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2024. – 313 с.
2. Новости Росстата: Росстат представляет данные о занятости и безработице в марте 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/83078> (дата обращения 11.05.2024).
3. Занятость и безработица в октябре–декабре 2018. URL: https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/z_bz_122018.pdf (дата обращения 11.05.2024).
4. Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/17.htm (дата обращения 01.06.2024).
5. Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (дата обращения 11.05.2024).
6. Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения 11.05.2024).
7. Resolution concerning the Russian Federation's aggression against Ukraine from the perspective of the mandate of the International Labour Organization (ILO) // International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/resource/gb/344/resolution-concerning-russian-federations-aggression-against-ukraine> (дата обращения 11.05.2024).
8. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен // К.Д. Андреев, А.В. Демьянова, И.С. Лола, С.И. Покровский, Н.А. Усов. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 46 с.
9. Головачев Н.В. Пандемия COVID-19, безработица и структура спроса на труд // Экономика и социум. – 2021. – № 4 (83). – Ч. 1. – С. 810–816.
10. Региональная экономика: комментарии ГУ. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_0424/ (дата обращения 11.05.2024).

11. Региональная экономика: комментарии ГУ. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_0923/ (дата обращения 11.05.2024).
12. Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения 11.05.2024).
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федер. закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (ред. от 12.12.2023). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=461965&ysclid=m1ud36unq6123911927> (дата обращения 11.05.2024).
14. Календжян А.А., Ищенко О.Ю. Явление демографического кризиса в России // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2021. – № 53. – С. 40–42.
15. Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2022–2024 // Министерство труда России, департамент занятости населения. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1324?ysclid=m1udjqs4yc800397496> (дата обращения 11.05.2024).
16. Зайцев Ю.К. Проверка закона Оукена на российских данных // *Финансы: теория и практика*. – 2022. – № 26 (4). – С. 199–210. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-26-4-199-210.
17. Макроэкономический опрос Банка России: результаты опроса: сентябрь 2024 года. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения 11.05.2024).
18. Prachowny M.F.J. Okun's law: theoretical foundations and revised estimates // *The Review of Economics and Statistics*. – 1993. – Vol. 75. – № 2. – P. 331–336.
19. Минэкономразвития РФ улучшило прогноз роста ВВП России в 2024 году до 2,8 % с ранее ожидаемых 2,3 % // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20626341> (дата обращения 02.06.2024).
20. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Академия народного хозяйства: Дело, 1994. – 687 с.

Информация об авторах

Арефьев Денис Максимович, студент Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; dma8@tpu.ru

Жаворонок Анастасия Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; zhavoronok@tpu.ru

Поступила в редакцию: 15.06.2024

Поступила после рецензирования: 30.08.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. *Socio-economic situation of Russia January–February 2024*. Moscow, Federal State Statistics Service Publ., 2024. 313 с. (In Russ.)
2. *Rosstat News: Rosstat presents data on employment and unemployment in March 2020*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/83078> (accessed 11 May 2024).
3. *Employment and unemployment in October–December 2018*. (In Russ.) Available at: https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/z_bz_122018.pdf (accessed 11 May 2024).
4. *Employment and unemployment in the Russian Federation in December 2020*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/17.htm (accessed 11 May 2024).
5. *Employment and unemployment in the Russian Federation in March 2021*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (accessed 11 May 2024).
6. *Labor force, employment and unemployment in Russia 2024*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (accessed 11 May 2024).
7. *Resolution concerning the Russian Federation's aggression against Ukraine from the perspective of the mandate of the International Labour Organization (ILO)*. International Labour Organization. Available at: <https://www.ilo.org/resource/gb/344/resolution-concerning-russian-federations-aggression-against-ukraine> (accessed 11 May 2024).
8. Andreev K.D., Demyanova A.V., Lola I.S., Pokrovsky S.I., Usov N.A. *The labor market of individual sectors of the Russian economy: the current situation and the expected focus of change*. Moscow, ISSEK HSE Publ., 2023. 46 p. (In Russ.)
9. Golovachev N.V. COVID-19 pandemic, unemployment and the structure of labor demand. *Economics and society*, 2021, no. 4 (83), part 1, pp. 810–816. (In Russ.)
10. *Regional Economy: State Administration Commentary*. (In Russ.) Available at: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_0424/ (accessed 11 May 2024).

11. *Regional Economy: State Administration Commentary*. (In Russ.) Available at: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_0923/ (accessed 11 May 2024).
12. Labor force, employment and unemployment in Russia. *Federal State Statistics Service*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (accessed 11 May 2024).
13. *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions*. Federal Law of 03.10.2018 N 350-FL (as amended on 12.12.2023). (In Russ.) Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=461965&ysclid=m1ud36unq6123911927> (accessed 11 May 2024).
14. Kalendzhyan A.A., Ishchenko O.Yu. The phenomenon of the demographic crisis in Russia. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2021, no. 53, pp. 40–42. (In Russ.)
15. Forecast of the balance of labor resources for 2022–2024. *Ministry of Labor of Russia, Department of Employment*. (In Russ.) Available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1324?ysclid=m1udjqs4yc800397496> (accessed 11 May 2024).
16. Zaytsev Yu.K. Verification of Okun's law on Russian data. *Finance: Theory and Practice*, 2022, no. 26 (4), pp. 199–210. (In Russ.) DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-199-210.
17. *Bank of Russia Macroeconomic Survey: Survey Results: September 2024*. (In Russ.) Available at: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (accessed 11 May 2024).
18. Prachowny M.F.J. Okun's law: theoretical foundations and revised estimates. *The Review of Economics and Statistics*, 1993, vol. 75, no. 2, pp. 331–336.
19. The Ministry of Economic Development of the Russian Federation has improved the forecast for Russia's GDP growth in 2024 to 2.8% from the previously expected 2.3%. *TASS*. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/ekonomika/20626341> (accessed 2 June 2024).
20. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. New York, Cambridge University Press, 1978. 756 p.

Information about the authors

Denis M. Arefev, Undergraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; dma8@tpu.ru

Anastasia V. Zhavoronok, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; zhavoronok@tpu.ru

Received: 15.06.2024

Revised: 30.08.2024

Accepted: 30.09.2024